

*Моему отцу
Александру Фёдоровичу
посвящается*

Меж явью и сном

Бывает так, что, кажется, уже уснув
И распростившись с явью до утра,
Мелькнёт вдруг мысль,
Как озарится тьма —
Не светом от ночной свечи,
А из иного мира.
И строчка в мыслях потекла...

Вот миг, когда востребована сила!
Когда включён тобою свет огня!
И уж перо строчит неумоимо,
Пока не источилась мысль твоя,
Проникшая чрез щель меж явью
И тем миром, которого не знает человек,
Но знает твой Создатель.

И чистый свет, проникший в дом к тебе,
Становится причиной вдохновенья.

Скрипит перо, в гусином оперенье,
Мигает отсветом бездонное окно,
И льётся слово, заполняя лист,
Всё в твоей власти. Ты речист,
Неутомим, всемогущ, будто маг!

Слова и слоги, образы, цвета,
Лавина божия метётся, как пурга,
Вокруг тебя, и мечется, и стонет.
Сколь ухватить успел —
То и осталось у тебя в неволе,
А прочее исчезло в никуда.
Тебе в наследство — радость и тоска.

.....

Да, странно, знаю, будет завтра
Сказать, что это я всё написал.
Пока неспешно думал и мечтал.

Арефа
ПОВЕСТЬ

ББК 84(2=411.2)6—45

А 46

Инициатор проекта
И. П. Егармин

Координатор проекта
Р. О. Вершинин

Александров Н. А.

А 46 Арефа: повесть. — Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2023. — 400 с.

В книге повествуется о реальных событиях последних 800 лет, читатель увидит, как похожи мы на своих предков в поиске правды, справедливости, в нравственной оценке поступков, дел и осмыслении сложных жизненных ситуаций. Эта книга примиряет наше прошлое и будущее. Эта книга о том, как легко стать счастливым, если научиться размышлять о текущем и уважительно думать о прошлом. Эта книга о мудрости, о совести, о величайшей любви к своей Родине и своему народу. Эта книга о бессмертии.

Издание второе, дополненное и переработанное.

ISBN 5—8402—0324—4

© Александров Н., тексты, 2023

© ИД «Историческое наследие Сибири», 2023

Проводник

Уважаемый читатель, дорогой друг!

Есть книги в русской литературе, прочитать которые должен каждый. «Слово о полку Игореве», «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка» А. Пушкина, «Герой нашего времени» М. Лермонтова, «Тарас Бульба» и «Мёртвые души» Н. Гоголя, «Идиот» и «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Война и мир» и «Анна Каренина» Л. Толстого, «Мастер и Маргарита» и «Белая гвардия» М. Булгакова, «Мать» М. Горького, «Тихий Дон» и «Они сражались за Родину» М. Шолохова. Есть драматургия А. Чехова, басни И. Крылова, поэзия А. Блока, М. Цветаевой, А. Твардовского и многих других замечательных русских поэтов. Это целые литературные явления. И это только некоторые авторы и произведения, которые я выделил по своему вкусу и которые сразу пришли на ум.

Такие книги не только важны для понимания русской культуры и истории, но и бесценны для изучения и познания всего величия русского языка. Это книги о целых эпохах, о людях, которые своей жизнью эти эпохи олицетворяли. Они кладёшь нашей мудрости, философии, миропонимания, это концентрированное выражение ценностей и морали нашей цивилизации. Только читая великую русскую литературу,

можно постичь смысл и богатство русского языка, его мелодичность и красоту.

Русский язык — это язык веры и справедливости, любви и культуры, истины и науки, единения, сопричастности и совестливого начала в человеке. Это язык поиска смыслов жизни, её сокровенных истоков, мудрости бытия. Приведу два примера.

Слова «любовь» и «люди» близки по смыслу. Любить — значит испытывать привязанность, быть преданным кому-либо. Любовь всегда имеет направление, и она невозможна без людей. Люди — народ, мир, буквально — родившиеся, появившиеся на свет. Любовь — это свет, отражённый в человеке, а люди — это те, кто несёт этот свет через всю свою жизнь, передавая его друг другу. И поэтому люди — не только часть окружающего мира, но и его активные созидатели.

Вера — ещё один фундаментальный смысл русской культуры. С верой связано твёрдое убеждение в истине и правде. И это уверенность в правильности законов мироустройства, в том, что истинная правда — жить по любви, справедливости и совести и что жить именно так и есть норма. Ещё в древности люди, которые не следовали этим законам, разрывали свою связь с народом, миром. Они превращались в «нелюдей», живших не по совести и не по справедливости, променявших правду на кривду, забывших истину и потерявших память, — в Иванов, родства не помнящих. Для любого человека это было хуже смерти, ибо означало забвение.

«Арефа» Николая Александрова — книга, важная для понимания русской культуры. Это книга об эпохах, об истории нашей страны, о людях и их судьбах, о любви, об истине, о том, зачем нужно прожить жизнь

так, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

Я не случайно вспомнил слова из романа «Как закалялась сталь» Н. Островского. И вот почему. Мудрый старец Арефа — пример того, что изменить мир к лучшему можно, только меняя себя, живя по совести и справедливости, живя в равновесии с Природой, в мире и любви с людьми. При этом нужно победить страх перед смертью, потому что Арефа уверен: *«Смерти нет...», «Смерть — это часть жизни, черта, за которой новое бытие. Нет смысла и даже глупо бояться смерти, тем более если ты старался жить честно и не плодил тяжкого зла, если жил с любовью. А разве можно жить без любви к родителям, или детям, или друзьям и тем, кто проходит мимо твоего окна? Разве можно не любить свою Родину и историю своих предков, разве можно не любить свой народ?»*

Главный герой книги, Арефа, живёт в нашем мире очень длинную, многовековую жизнь, он многое повидал, многое понял и познал. Арефа — лекарь-травник, лечит тела и души человеческие. Это исключительный дар, имеющий свою цену, ибо коротка обычная человеческая жизнь, и многие люди, которых он любил, уже ушли в мир иной, и многие ещё уйдут, так как никому не известен замысел Божий и сколько кому отмерено лет для жизни. Даже мудрому Арефе. Но Арефа не просто мудрец. Он проводник между историческими эпохами, он умеет выводить людей на познание истины, к пониманию смысла бытия. Он скромнен и неприхотлив в быту, не падок на лесть и безразличен к богатству и золоту. Он любит душевный разговор и не приемлет бессмысленной болтовни, ибо

давно понял своё предназначение — познание красоты мира, проявляющегося в величественной красоте Природы, неунывающей красоте человеческой Души. И эта красота, благодаря любви, связывает людей во едино — в народ, и делает их сильнее перед злом, на основе дружбы, взаимовыручки и взаимопомощи.

Вот что говорит по этому поводу сам Арефа: *«Здесь великая загадка, которую не разгадало пока человечество... потому что топчемся вокруг одной аферы, которую назвали законом борьбы видов за существование на земле, не понимая, что борьба только отодвигает человечество от счастья быть с Богом и быть самим Богами, но только любовь есть дорога в счастливое будущее. Человечеству необходимо понять: пока мы воюем друг с другом, мы не развиваемся, а топчемся на месте... не можем принять от Создателя информацию для счастливой жизни и прогресса, для движения к нему. Человечество ходит по кругу и будет ходить, пока нравственный опыт не изменит поведение человека на земле».*

Для мудреца Арефы *«любовь есть закон вселенной, коему служит всё на земле, любовь — благодать от души светлой и праведной, вольной и радостной, а не жертва от души угнетённой, раболепной, слепой от страха и безволия»*, а значит, каждый человек, истинно любящий людей и всё вокруг, совершает благие дела не из-за страха, а свободно, по велению своей души, подчиняясь высшему закону осознанно, внося свой вклад в замысел мироздания, становясь творцом мира. Не случайно один из героев книги после длинного разговора с Арефой о смысле бытия восклицает: *«Я понял главное: что я вечен в постижении любви, а любовь — главный закон вселенной. Как это про-*

сто и как это сложно, просто на словах и сложно в жизни». Хочется добавить только одно: это совсем не просто! Любовь — это единственное, что имеет смысл и не имеет цены, и по-настоящему любящий человек не может любить и ненавидеть одновременно. Это невозможно, и это и есть самое сложное в нашей земной жизни — научиться любить!

В этом вся ценность книги Николая Александрова: это фантастическая история любви к своей стране, своему народу, своей культуре, к отдельным людям и их судьбам. Люди живут в разные исторические эпохи, но сближает их только одно — любовь!

Арефа — мудрый проводник, тихий и незаметный для многих, но для тех, кто ищет в этой жизни смыслы, для тех, кто любит, кто стремится победить в себе горе и зло, он не просто добрый сосед и любящий учитель, но светоч, который огнём своей души освещает путь наверх, к вершинам истинного Божественного счастья. Он умеет вести, ибо знает, куда идти.

В то же время мои мировоззренческие взгляды не во всём совпадают с авторскими, порою вступают в прямое противоречие с выводами главного героя. Но это обстоятельство не умаляет право автора иметь своё мнение, а читателя — думать. Арефа не навязчив, не нравоучителен, он побуждает спорить, выяснять и делать собственные выводы.

Вперёд, дорогой друг! Перелистни страницу и начни читать книгу, которая позволит тебе ещё раз окунуться в фантастический мир русского языка и познания смыслов реальной истории нашего народа!

Сергей Федорчук

Сыночек У

В далёкой Артании, на южных землях Лукоморья, в широкой лесной глухомани спрятался город Баксон с теремами высокими, башнями острыми, улицами широкими, дворами вольготными. А спрятался потому, что не на сибирской тропе стоял, а чуток, вёрст за пять, в стороне, охраняемый с трёх сторон реками, а с четвёртой болотцами — от врагов и всяких лихих дел защита верная. А жили в том городе люди душою светлые, работающие, мастеровые, на доблестные дела охочие.

В тот год осень наступала медленно, стояла теплота, будто жалело солнышко людей и хотело понежить народец пред стужами лютыми и снегами глубокими, метелями яростными и бурями истошными. В первых числах месяца листопада родился в тереме плотника знатного и умелого, у его жены швей-мастерицы сыночек голубоглазенький, крепенький и цепенький. Дитя в дом — радость в сердце.

Но рожала его мать не в доме, а в хорошо протопленной бане, не горячей, но прогретой до крайней досточки. Потому как поверье бытовало, что с рождением человека открывается ход в мир потусторонний, неведомый, а оттого и страшный, — вот от дома подальше, а к теплу и воде поближе. Перерезали пупо-

вину на обухе топора, перетянули её часть у мальчика родительским волосом и укутали мальчика в отцову рубаху — всё для одной прихоти, чтобы силы отцовы сын взял и оберег отцовский с ним всегда был.

А поутру вынесли младенца на двор, развернули, чтобы показать солнышку, а после к земле приложили с благодарностью за здоровое дитя, а потом уже и водой дождевою окропили — так малец принял все силы земных стихий.

Уже после омовения заглянул в дом местный ведун и знахарь, глянул в люльку и говорит:

— Имя не нареку сему доброму сыну великого рода, он сам его найдёт.

— Почто же, батюшка, дитя без имени жить будет? — изумилась мать.

— По то, что имя к нему тёмные силы привести может, а судьба его необычная, глянь сюда.

Подошёл ведун к колыбели, отдёрнул пелёнку, взялся за мизинчик на левой ножке, а на том месте кружок красной родинки появился.

— Видите, мать-отец, знак великих предков? Все они в нём.

Подивились родители и молчат, что сказать не знают.

— Зовите его У. На такое имя слуги Нави даже не обернутся.

— Да как же, батюшка, дитя с таким именем жить будет? — изумилась мать.

— Не нравится, тогда назови Ы или Ну, или... как хочешь назови.

И ушёл добрый старик, но прежде поклонился в пояс и на прощание сказал:

— Хороший человек родился в наших местах, славьте богов, берегите сына.

Так и повелось. Звали мальчонку кто как умел: то У, то Ы, то Му, то Пу — у кого насколько смекалки хватит, и дома весело и на улице смешно. Но чаще родители звали его сыночком, цветочком, лучиком, ясным солнышком, и много ещё было имён ласковых и нежных у родимого дитя.

Рос мальчик здоровым и любопытствующим, с ранних лет потянулся к изучению ремесла. Прежде мамкиным рукодельем увлёкся — шить, вязать да прясть пристрастился, не так чтобы узоры какие плёл, но добрую рубаху сшить мог. После, как подрос и силёнку какую-никакую накопил, с отцом ходил — плотничал, топором обучился не впустую махать, пилу и резец к покорности и терпению приучил, знаниями нужными в плотницком деле овладел. Потом у сапожника прожил месяц, тот доволен остался, потому как парень и мастерству учился, и по дому хозяину помочь успевал.

А дольше мальчонка у знахаря Артемия задержался, почитай всю зиму к нему бегал и в мороз, и в метель — всё нипочём — грамоту учить и лекарское дело познавать. Травы, грибки, сучки, корешки — всё, оказывается, на пользу человеку может быть, а когда и во вред. От умения всё. Опять-таки где согреть, а где остудить надо, как рану промыть да ниткой зашить или из пятки кость рыбью извлечь. Пока травы перебирал, писать научился, да так остроумно, что и ведун дивился.

Подтянулся мальчонка, юношей стал — поджарым, в меру упитанным и крепким, смышлёным да ловким, и не так чтобы красавец какой расписной-

картинный, но и не страшила заморский, а добротный молодец. Ходил со знахарем-ведуном по домам и сёлам, лечил, совет давал, мирил поссорившихся, ругал обидчиков. Борода наметилась, такая ещё — реденькая и прозрачная, но юноша следил за нею — гребешком чёсывал, ножницами стриг.

Скоро отец помер, а после и мать не зажились. Погребальный костёр обжигал горем лицо даже издали. И всякий раз сметал сын пепелище в кожаную сумку и уносил на высокий курган, где покоился прах многих жителей славной страны Артании.

Утекло не так много воды по рекам Лукоморья — Оби и Енисею, но придумал ведун юношу в дальние селения и городские крепости одного отправлять.

— Сходи в Изыл, люди зовут, полечить девку немощную надо. У меня ноги уже дорогу дальнюю неймут, — уговаривал Артемий ученика. — Пошёл бы я, но поперёк дороги Иня — река широкая.

И двинулся молодой лекарь в Изыл, прежде на сибирскую тропу вышел, а как до Балты дошагал, на Кайлы свернул. Селения те хоть и поменее Баксона, но людьми полны да детворой малой. Зайдёт в какое село, тут же окружит его мелюзга беспштанная, голопузая, и орут почём зря, то бишь приветствуют, радуются.

— Что за человек? Куда путь держишь? — интересовались заскучавшие старики, которых на работу уже не звали, а на присмотр за детьми в самый раз годились.

Так, мол, и так, иду в Изыл девку болящую спасать, Артемий велел, — отвечал юноша, и тут же находились в селении и больные, и хромые, и опухшие, и ломаные.

Примет больных, травок оставит, вывих исправит, старика отходящего подбодрит, за то его кормили и славили. Так и в Кайлах случилось: полечил людей, а те в благодарность до Изыла на лодке по красавице Ине сплавили. А Иня и впрямь река ласковая, с виду тихая, а на течении скорая, галечник по дну многоцветьем плывёт, ивняк по правой пойменной стороне листвою воду мутит, а слева берег обрывистый, на повороте высота обрыва над самой головой висит, то красной осыпью, а то жёлтой хвастается, а на самом верхнем краю обрыва сосны будто пики в высь рвутся, а корни тех сосен в обрыв свисают, будто патлы ведьмины, страху нагоняют. Красивая и таинственная река Иня, не зазря её мамой называют, и приласкать, и взбучки, коль зазевался, дать может.

Простился на берегу с кайлинскими, а вот и Изыл — большое село. Нашёл дом болящей, зашёл, шапку с головы, в пояс кланяется:

— Здрaвы будьте, люди добрые!

— Кто ж ты такой, мил человек? Откуда и куда путь держишь, расскажи, а то сидим мы тут, как заперти, людей не видим.

— Я пришёл к вам на край Лукоморья по завету знахаря Артемия, дитя ваше лечить.

— А не молод ещё лечить? — спрашивает тамошний дед.

— Говорят, в самый раз, — отвечает с поклоном юноша.

— Кто ж говорит? У нас тоже тут болтунов и своих хватает!

— Дед, — остановила старика бабка, — уж коль Артемий прислал, чего ж тебе опять не так?

Нахмурился дед думою и отвечает:

— Лады, вылечишь, всё, что в доме, отдам, рабом твоим стану, потому как дочь у меня единственная и никого так не люблю, как её, сердешную, болезнью измученную. Как звать-то тебя, сынок?

— Так и зовите, батюшка, меня сынком. Так меня родители почтенные звали.

— А имя-то у того сынка есть? — проворчал дед.

— Есть, батюшка, но оно вам не понравится, а называют меня просто У.

— Чего? Не слышать что-то? Как называют-то?

— Называют просто У!

— Будь ты неладен! У! — И к бабке повернулся: — Нет ты слыхала имя такое?!

— Не балуй, дед! — поднялась старуха. — У ведунов всё так — не поймёшь как! А люди всё божи! Пусть лечит!

В светлице, у окна, лежала в высоких подушках девица, юная совсем, годков от силы шестнадцати.

— Айкой дитя моё зовут, по-человечески, — сказала, как упрекнула, старая.

Она шустро убрала с табурета то ли кусок полотна, то ли тряпицу какую.

— Седайте. — И обратилась к дочери: — А это лекарь молодой, прислал великий знахарь Артемий, видно, парень-то толковый, ученик ихний.

Лекарь осмотрел больную, послушал в трубочку, поговорил с девушкой и матерью и понял, что вылечить красавицу невозможно. Больное сердце, совсем слабенькое, как тряпочка, чуть заполнится кровью и с трудом гонит её по телу.

«Как сказать?» — думал юноша, глядя в большие волшебноголубые глаза красавицы.

— Мама, — попросила Айка, — оставь нас одних.

Мать погладила дочь по голове и, ссутулившаяся, сторбленная, подавленная горем, вышла вон.

— Я слышу, как неровно бьётся моё сердце, — Айка взяла руку лекаря, — я знаю, что ему очень тяжело жить, оно как маленькая-маленькая птичка, из последних сил бьётся о клетку, но вот-вот и... замрёт навсегда.

— Айка, — с горячностью перебил её юноша, — я подберу травы, и мы укрепим твоё сердце, и ты будешь жить!

Айка будто не услышала его.

— Не хочу, чтобы меня хоронили в подвенечном платье. Я хочу умереть женой. Женись, пожалуйста, на мне. Это будет ненадолго, но это будет моё маленькое счастье, понимаешь, счастье, которое мне ещё не знакомо. Я же слышу за окном смех и веселье, я слышу гусли деда Архипа, гульбу свадеб и плачь новорождённого, и радость, и счастье его родителей. И мне хочется чуточку счастья.

Юноша сидел опарашенный, он, кажется, впервые растерялся и не мог ответить.

— Неужто я так не хороша, неужто я так не люблю тебе?

— Добрые хозяйева! — громко и решительно позвал юноша.

Родители вошли удивлённые, а мать кинулась к дочери:

— Что милая?!

— Мать, отец, я жениться буду! На ней, на дочке вашей.

Айка улыбалась, а крупные слёзы вытекали из больших глаз, как изумруды из глубокого озера, и весёлым бегом скатывались по стыдливому щекам.

После свадьбы увёз юноша молодую жену в свой дом, но, как и обещала, Айка долго не жила. Она умерла спокойно со знанием своего срока.

— Милый, я скоро уйду, но ты будешь жить долго. Ты пойдёшь во все края, изучишь лекарское дело и научишься лечить даже смертельно больных людей. И найдёшь себе имя. А потом я опять приду в мир, и, если мы встретимся с тобой, я сразу же узнаю тебя.

Айка умерла ночью, во сне. Он почувствовал, как что-то плотное обволокло его, коснулось губ и утекло из дома.

Погребальный костёр обжигал горем лицо У, утром он смёл прах любимой в кожаный мешочек и, оставив дом на попечение времени, ушёл навсегда. Он брёл на юг, и скоро дорогу преградила тихая речка Ыьксу. Он пошёл вниз по берегу реки, скоро увидел чёрный камень с мелкими крапинками кварца, посидел около него, потом собрал сучья и развёл костер. Когда начало вечереть, разделся и вошёл в речную заводь, развязал кожаный мешок и высыпал прах Айки прямо на воду. Часть праха потонула здесь же, а часть потянулась с течением, удаляясь всё дальше и дальше.

Юноша вышел на берег, утром он уйдёт отсюда — прежде на Тибет к тамошним монахам, потом к индийским ведунам и после в арабские страны. Он вернётся, но уже не юношей по прозвищу У, а старцем по имени Арефа.

...Над Болотным плыли тучи тёмные, даже грозные. Казалось, что земля перевернулась и вся тяжесть её оказалась над головой. Но что удивительно — света было много, будто от северного сияния, — холодно и ясно. Арефа присел отдохнуть на скамейку в новом парке с ещё совсем молоденькими и тонкими липками. Он давно не заходил в город, всё больше в своём скиту находился на берегу Ёыксу. Но жизнь, она требует суеты: и соль нужна, и спички, и свечи — всего понемногу, и вот тележка уже полная, как верный пёс, приткнулась к ногам, набитая битком всякими нуждами.

Мимо проходили люди, торопливо, видели надвигающуюся бурю и спешили укрыться в своих теплых и надёжных домах.

— Здравствуйте! Вы не узнаете меня?

Задремавший Арефа поднял голову: перед ним стояла девочка, с портфелем, в жёлтой курточке на синтепоне, из-под вязаной шапочки торчали два бантика.

— Здравствуй, — ответил Арефа. — Прости старика, не припомню уже.

— А я вас помню. Вы мне уже несколько раз снились. И так ясно-ясно, я вас хорошо запомнила! Вас зовут У, вы лечите людей. Правильно? — Девочка отступила на шаг и потёрла рукою лоб. — Ой, прям голова закружилась. Мне сейчас показалось, что это уже было со мной, будто вы сидели, а я подошла к вам, но очень-очень давно.

— Айка?! — вдруг удивился Арефа. — Ты — Айка?!

— Айка? Нет, меня зовут Лена. Но какое красивое имя — Айка, и тоже такое знакомое.

— У тебя такие же большие, как у Айки, озёра-глаза. И ты такая же смелая и решительная, как Айка! Как твоё сердце, девочка?

— Что? — не поняла Лена.

— Как твоё сердце, не болит?

— Нет, только сейчас почему-то разволновалось и сильно стучит! А кто такая Айка?! Расскажите, дедушка!

— Айка жила давным-давно... Однажды Айка сказала, что если мы встретимся, то она сразу же узнает меня. Ты удивительная, сказочная девочка, в тебе волшебная, чистая и искренняя душа. Но теперь я знаю, что у Айки здоровое сердце. Понимаешь, я, конечно, знал и верил, но теперь я убедился, что Айка живёт не только в моей памяти.

Над головой рванул грозовой гром, из черноты посыпал крупный, зернистый ослепительно белый снег.

— Уйди, глупец! — махнул рукой Арефа, и снежная пурга оборвалась.

— Дедушка! Вы волшебник?

— Нет, я не волшебник. К сожалению, я не сумел всех, как ни старался, спасти, и Айку не спас. Беги домой, потому что долго держать этих чертей небесных я не смогу. Скоро начнётся настоящая пурга. Беги, я их задержу.

Девочка кинулась к старику и обняла его, а убегая прочь, задорно крикнула:

— Подержи их, дедушка, подержи этих чертей небесных, я скорою, я успею, пока!

Арефа поднялся со скамьи, старый и уставший. Он постоял, посмотрел в чёрное небо и улыбнулся —

его только что обняла Айка. И он понял, что скоро, очень скоро придёт молодой ведун, Арефа отдаст ему свою заботу о людях, а сам уйдёт, чтобы отдохнуть и начать жизнь с чистого листа. И возможно... Да почему возможно?! Теперь-то понятно, что наверняка. Он встретит свою Айку в новой жизни, уже молодым, и они будут жить долго-долго, очень долго, потому что счастье не бывает коротким!

Историческая справка

1. Надежды Арефы на встречу с любимой были обоснованы: существует поверье, что человеческая жизнь длится сто сорок четыре года. После каждого жизненного круга человек рождается вновь. Бывало, люди, не умирая, переходили на второй круг и продолжали жить старцами. Таков был Арефа, доживающий шестой круг своей жизни. Люди же чаще умирают раньше, по разным причинам, но, отдохнув ровно до ста сорока четырёх лет, получают новое тело и начинают новый круг жизни: душа пришла за новым жизненным опытом, за новыми попытками духовного совершенствования. Вот почему Арефа был так уверен, что, когда закончится его настоящий жизненный круг, такой же круг закончится и у Айки и уже ровесниками они встретятся в новой земной жизни. Пока человек молод, к нему иногда приходит ощущение, что те или иные события с ним уже были. В этом нет ничего необычного, просто вдруг проснулась память прошлой жизни.

2. Навь — потусторонний мир древних славян.

3. Согласно древним картам, Лукоморье занимало территорию между реками Обь и Енисей. Эта же территория называлась Третьей Русью, или Артанией.

4. В древние времена Западная Сибирь была густо заселена нашими предками. Если внимательно рассматривать старинные карты, то на них легко прочитать названия сёл и городов. У некоторых поселений и рек названия остались прежними, у некоторых менялись, реки меняли русла, некоторые мелели, а некоторые исчезали — наша земля жила активной жизнью, но, что удивительно, новые поколения выбирали всё те же места, где раньше жили их предки, которые в своё время просчитали и учли все удобства: и наличие чистой воды, и выпасы, и сенокосы, и пахотные земли, изобилие рыбы, птицы, зверей, а также запасы камня для строительства и руды для выплавки стали и ещё многое и многое. Некоторые древние названия трудно перевести и понять, что они означают, но на то они и древние: Баксон, Изыл, Кайлы, Балта. Версии перевода есть, но это только версии, которые я извлек из книги Л.П. Чернобая «Словарь краеведа» (Новосибирск, 2019).

Изыл — «наследственный».

Иня — в одном варианте «мать», в другом — «долгий» (длина реки 663 км).

Баксон — этимология неизвестна.

Кайлы — «со скалой», но очевидно, от слова «колоть»: около села начинаются отроги Салаирского кряжа и на поверхности земли появляются скалы.

Балта — нижняя часть речной поймы.

Икса (Йьксу) — тихая речка.

Лукоморье — изгиб морского берега, заповедное место на краю мира.

Артания, по одной из версий, закрытая страна, по арабским источникам X века — загадочная страна русов. В индоевропейских языках есть схожие корни, в общих значениях переводится как «наилучшее суждение», «правосудие», «правда», что близко к древнеиранскому «всеобщий порядок», «справедливость для всех», «благое правление». Корень «арт» близок корню «орд», что с тюркского переводится как «войско», «ставка хана», отсюда объединения государственно-го типа — Золотая Орда, Синяя Орда, Белая Орда. В то же время созвучно с немецким «орднунг» — «порядок», с латинским «ордо» — «порядок», «строй». От этого же корня произошло слово «орден» в значении «рыцарский орден», то есть объединение. В русском языке близкие слова «артель» и «артачиться», то есть сопротивляться. В диалектном пермском «артист» — толк, лад, смысл, умение. В.И. Даль слово «артель» сопоставляет с древнерусским словом «рота»: «Артель... и рота... одно и то же древнее слово, от ротиться, обетовать, клясться, присягать; товарищество за круговой порукой, братство, где все за одного, один за всех; дружина, соглас, община, общество, товарищество, братство...»

Гонец

С о спокойствием и сладостной печалью я захожу в величественный бор над речкой Болотной, сажусь под реликтовой сосной, задираю голову, чтобы увидеть самую душу этого чудо-дерева, а потом погружаюсь в сон памяти — дивный и счастливый. Я вспоминаю прошлые, прожитые мною века.

Я родился ещё до великого мора, который опустошил Сибирь, потом пришли кочевники: многие народы жили здесь, но тихий бор и Болотная река оставались в стороне от бурной и непримиримой жизни. Там, вдалеке, шла тревожная человеческая жизнь, рождались и умирали люди, шли войны, совершались подвиги и предательства, а здесь, на этом берегу, множились птицы, которые пищали, кричали, щебетали, орали лягушки, а одноногие цапли искали их настойчиво и метко.

Приходила осень, вяли густые травы, покрывались утренним холодным туманом, первой заледеневшей росинкой — эту красоту не видели люди, но природа жила и радовалась вечной жизни. Потом падал нескончаемый снег, крупными снежинками, закрывал сосновую округу белым занавесом, сутробы нагуливали бока, а потом позёмка струилась по холодному простору. Я был здесь и всё видел, так из века в

век жила моя Родина, чтобы потом уставшие сугробы с первым теплом устремились робкими ручейками в речку Болотную. А та сытно принимала паводок, заливая низины и луга, напитывая новую жизнь, и скоро расцветала миллионами оттенков разнотравья. У природы так — расцвести и завясть, превратиться в землю, перенести холод и явиться новой цветущей жизнью — всё как у людей.

Смерть — это часть жизни, черта, за которой новое бытие. Нет смысла и даже глупо бояться смерти, тем более если ты старался жить честно и не плодил тяжкого зла, если жил с любовью. А разве можно жить без любви к родителям, или детям, или друзьям и тем, кто проходит мимо твоего окна? Разве можно не любить свою Родину и историю своих предков, разве можно не любить свой народ?

Я помню, как в тот день всполошились вдруг птицы, загалдели, а стрижи начали, будто опасным ножом, резать небо, на неуверенный мосток через речку Болотную, прямо на меня выехал всадник. Он лежал на спине коня, шея седока была прострелена кровавой стрелой с чёрным оперением. Конь подошёл ко мне и смиренно опустил голову. Я снял всадника, положил в тени дерева, отломил оперение и осторожно выдернул стрелу из шеи несчастного. Передо мной был, очевидно, очень везучий человек, стрела не перебила артерию. Он застонал, но я уже приложил к ране болотную траву и наложил плотную повязку.

— Рахмаш, — произнёс всадник.

— На здоровье, — ответил я и дал ему вдоволь напиться воды.

Он потерял много крови и был крайне слаб. Я внимательно осмотрел стрелу и спросил:

— Пришёл Кучум?

— Да, Едигер убит. Я должен предупредить о беде свой народ.

Вот и наступила новая смута, понял я, которая продлится более двух веков. На сибирскую землю пришёл из Бухары хан Кучум, злой и беспощадный и к своим и к чужим. Он не будет платить ясак русскому царю, как это делал Едигер, защиты у сибирских народов больше нет. Кучум мечом и огнём заставит малочисленные сибирские народы платить дань и принять веру мусульманскую. Потом придёт Ермак, он будет заставлять покориться Кучума. Два кровавых века Сибири! Чаты скоро уйдут под руку русского царя и сохранят свой народ, свои традиции, а гордые телеуты никогда не станут вассалами русского царя, но уже в новые века их останется чуть больше двух тысяч человек. Народы Сибири не смогли противостоять Кучуму, а Кучум не смог противостоять ружьям и пушкам русских ратников. Началась эпоха многих жертв за ясак и междоусобные интересы.

Я приготовил отвар из полевых трав.

— Тебе нужна сила, на, ешь, — я протянул гонцу кусок вяленого мяса и чашу с тёплым отваром.

— Что это? — спросил он.

— Дару и куш. Ешь, мне не нужна твоя жизнь.

Утром гонец с трудом, но самостоятельно сел на коня.

— Как звать тебя, рус?

— Арефа.

— Мои потомки будут чтить тебя!

Я остался один у Болотной реки, на краю величественного бора. Впереди меня ждал бурный поток междоусобной и алчной крови. Впереди был ясачный оброк, лихоимство и обман сборщиков дани, беспредел и насилие чиновников, угнетение и ограбление простых людей и тех, кто приехал сюда на свободные земли, — они тоже настрадаются от царских чиновников и купцов. Потом родится очень сильное поколение, которое не захочет жить в рабстве, они свергнут бесправие, выйдут из землянок, оденутся и наедятся, но новые правители сами захотят стать царями и купцами, и снова народ попадёт под ясачный оброк: русские, татары, чаты, телеуты, калмыки, украинцы, белорусы — все.

В тот день, когда я помог выжить гонцу, я знал, что встретил судьбу своего народа: подло преданного, опасно раненного, беспредельно сильного, высокоблагородного и божественно благодарного. Народа, который черпает свою силу в спасении других. Народа, который находит силы в страдании. Народа, который умирая не умирает. Народа, у которого только в бедствии рождается здоровая человеческая сила. Да разве можно не любить такой народ? Да разве можно не гордиться быть малой частью такого народа? Да разве не есть ли величайшая честь и достоинство служить такому народу верой и правдой и до конца дней своих?!

Такая у меня была жизнь — яркая и тяжёлая, но перевести дыхание и набраться сил я мог только в этом мирном и спокойном месте — у речки Болотной, где под каждой кочкой живёт тишина, каждая былинка родная, а утро раннее, и главное, всегда вовремя встаёт солнце, чтобы, проснувшись на заре, вновь подняться на бой за право жить достойно и счастливо.

Хан Али

В 1555 году хан Кучум — сын правителя Бухары Муртазы из рода Шейбанидов — после четырнадцатилетней войны сломал сопротивление местных племён и стал единовластным правителем Сибири. Но в Сибирском ханстве оставалось немало людей, преданных поверженному Едигеру, вот почему высокопоставленные мурзы не останавливались на ночлег в татарских поселениях, а искали отдыха здесь, на берегу скрытой среди кочек болотной речки — тихое место, отдалённое от дорог, с чистейшими родниками и с необычайно величественным и красивым сосновым бором. Останавливался здесь и сам хан Кучум, а чуть позже это место приглянулось его старшему сыну — Али, который не раз отдыхал на этом берегу, когда дорога его лежала на север.

Отряд хана Али проезжал мостком над речкой Болотной, спешился, и скоро несколько костров уже дымили на поле в кругу высоких сосен, а походные таганки возвышались над огнём, который с ярким наслаждением облизывал бока чёрного казана. Закипала ароматная шурпа, служка переливал чай из чаши в чашу, чтобы набрался чай с молоком вкуса ароматного и живительной силы. Усиленный дозор караулил покой хана. Караучи-воины собирали сухой

валежник для ночного костра, а в это время кумыс в кобыльих турсуках заботливо остывал в прибрежных родниках.

Над станом возвышалась только походная юрта хана Али, обтянутая лоснящейся бычьей кожей. Сам молодой хан скоро выходил с распущенными дегтярно чёрными волосами в атласном мягком, как прикосновение матери, халате и садился на любезную подушечку под древней, царственно возвышающейся сосною. Отдыхал. Смотрел на покойную болотную даль, слушал песню камыша, трогательный пере- свист мирных куличков и редкий, скандальный крик выпи. Любил Али чистый бор, полный лёгкого воздуха, запаха смолы, перемешанного с полевым разнотравьем — лекарство для его больных лёгких.

Много лет прошло с тех пор, а я всё прихожу на край бора, сажусь на место Али. Хорошо под со- сной сидеть на горке, наблюдать простор. Глянешь вверх — так Али делал, — а там иголки в царской кроне, миллионы иголок, как судеб людских.

В тот день я увидел отряд хана Али. Когда он миновал Ояшинское урочище, он не стал останавливаться на отдых, а только принял подарки своих подданных и продолжил путь на север. Я уже знал, где остановится на отдых хан Али, и решил непременно встретиться с ним.

И когда Али сел отдохнуть под царственной со- сной, я был уже на месте и, улучив момент, пошёл к нему с поклоном. Но злой сакча-часовой не пустил меня, чуть не заколол. Прогнал с угрозами и пикой ещё ткнул напоследок пониже спины.

Али услышал шум и спросил сакчу:

— Что хотел этот человек?

— С тобой говорить, великий хан!

— Пусти его.

Сакча выдернул из моих кожаных ножен короткий меч, который чаще служил мне ножом.

— Иди, владыка ждёт, — приказал и почтено склонил голову.

Вот же гад, думаю, сначала задницу мне пикой проколол, а теперь поклоны раздаёт.

Я прошёл к огромной сосне, под которой сидел молодой хан Али, снял платок с головы и поклонился до земли.

— Что ты хотел сказать, славянин?

Худое лицо Али было болезненно жёлтым, глаза окаймляли синие круги, он был молод и стар одновременно, а по печали в глазах я догадался, что он думает о смерти.

— Ты назвал меня необычно — славянин.

— Я много читал. Говори.

— Хочу отдать честь отважному воину Али — хану Сибирскому, отроку легендарного рода Шейбанидов, потомку великого Чингисхана, сыну достопочтенного хана Кучума!

— Ты разве не знаешь, что русы напали на Сибирское царство и идёт бой?

— Знаю, но прежде этого похода русских достопочтенный хан Кучум напал на Сибирское царство, убил повелителя Сибири хана Едигера и отказался платить ясак белому царю.

— Лжёшь, собака! — блеснул чернотой глаз Али, но сдержался. — Что ты делаешь здесь? Ты лазутчик?

— Нет, я живу здесь.

— Откуда так хорошо знаешь наш язык?

— Я много знаю языков и наречий, достопочтенный хан. Ещё до великого мора вёз с отрядом ратников подарки Ибаку — хану Большой Орды. На отряд напал огромный шатун, я был ранен и оставлен в юртах Акбалыцких. Местный шаман-ведун лечил меня. Три года там был, пока не научился снова ходить.

— Ложь твоя изрядна, Ибак-хан — старший сын Чингисхана, значит, ты живёшь уже триста лет? Сколько же лет тебе сейчас, лжец?

— Не знаю, великий хан, давно живу, а как давно — уже и не помню.

— Как смеешь ты лгать мне?! — юноша задумался, откинулся на ствол дерева и посмотрел в царственную крону. — Дерзость твоя велика. Никто не знает день своей смерти, а ты — знаешь — ты умрёшь сегодня, — хан выразительно посмотрел на сакчу. Тот понял всё, и я понял, что Али приказал меня убить.

— О, великий хан, неужели ты никогда не лгал? Если скажешь «нет», то уже солжёшь.

Юноша опустил голову, молчал минуту, думал неторопливо и основательно.

— Было. Но потом я узнал, что лжец недостоин памяти потомков! — в его словах угадывалась способность глубоко мыслить.

— Я не встречал более хитрого народа, чем твой народ, добрый хан.

— Хитрость в бою — это не твоя трусливая ложь! — и этот ответ, понял я, был плодом долгих раздумий молодого хана.

— Почему же «трусливая»? Как видишь, я не боюсь смерти.

— Лгут только трусы, а если лжёт мужчина, то он трус вдвойне.

— А если лжёт правитель?

— Такой правитель недостоин своего народа, и судьба его — смерть и презрение.

— Ты мудр, хан Али. Пусть вечна будет душа твоя, пусть долг будет жизненный путь великого воина, пусть жёны твои будут плодовиты, а войско смелым, а народ единым как кулак, в котором соединятся все племена ваши, — я знал, что говорил, я говорил как раз то, чего не было ни у Али, ни у Кучума, залившего землю сибирскую кровью, когда насаждал огнём и мечом веру мусульманскую. С тех пор у огромного Сибирского ханства не осталось и намёка на единство.

— Ты смелый человек, славянин. Оказывается, ты умеешь не только лгать, но и говорить правду. Говори только правду, и тогда, может быть, я подарю тебе жизнь, — Али помолчал, внимательно глянул на меня и произнёс. — Мне шестнадцать лет, и я скоро умру...

Юноша сказал эти слова неожиданно доверительно и спокойно.

Мне было жаль юношу, много его родных отличались слабым здоровьем, и всему причиной были семь тысяч женщин Чингисхана, которые подарили Орде более шестисот детей. Через пару веков близкими родственниками друг другу приходились уже около семнадцати миллионов мужчин и ещё больше женщин.

— Великий хан, ты едешь лечиться на север к кунчурукским шаманам, они ждут тебя, тебя ждут подарки и лечебные травы. Тебя повезут на неприступ-

ный остров Кучума, сухой хвойный воздух вековых кедров, кумыс и травы вылечат тебя.

— Я люблю тот остров! Он неприступен, как крепость, — успокоился и удивился Али. — Но как ты много знаешь, лазутчик! И почему тебе до сих пор не отрезали язык? Говори ещё...

Вдруг Али закашлялся, видимо, внутреннее волнение и надежда на выздоровление, посеянная мной, вызвали этот приступ, он кашлял долго, глубоко и хрипло и скоро сплюнул сукровицу, откинулся спиной на тёплую сосну. Халат его распахнулся, и я увидел тщедушную впалую грудь, он дробно дышал, но глаза горели огнём и желанием жить.

— Скоро твой отец будет предан своим народом, его убьёт не враг, а друг. Скоро ты поведёшь войско Кучума и будешь пленён. Тебя не убьют, но ты будешь жить со своими подданными среди русов, русский царь помилует тебя. А в Сибирь придут жить славяне. Остатки твоего народа будут жить с ними в мире.

— Нет! Мой народ — великий народ! Он не позволит чужеродам топтать мою землю.

— Твой народ — великий народ, но после великого мора и междоусобной войны за власть твой народ устал жить, жёны уже целый век приносят слабых духом мужчин, народ устал воевать и умирать, он начал вырождаться. Самые сильные останутся и будут жить в мире со славянами и вместе защищать потом твои земли. Но, великий хан, наступит время, и славяне, в свою очередь, начнут вырождаться, и их жёны устанут ждать смелых мужчин, и их начнёт губить жадность и междоусобица, и Сибирь, по которой опять

пройдёт мор, вновь станет такой же пустынной, как сейчас.

— Неужели ты говоришь правду? — Али посмотрел на сакчу, будто ища поддержки.

— Великий хан, — продолжил я, — пройдут годы, много лет, здесь будет стоять город, вон там — на холме, а на месте болота раскинется рукотворное море и по нему поплывут быстрые струги. Я расскажу людям о тебе и о горе твоего народа, уставшего жить и позволившего поссорить свои роды!

— Как зовут тебя, лазутчик?

— Арефа, добрый хан.

— Арефа, — повторил Али и вдруг глянул на меня пристально и даже с вызовом: — Ты знаешь день моей смерти?

— Да, великий хан. Знаю. Но ты будешь жить долгую жизнь.

— Почему ты не говоришь день? — Али уставился на меня с настороженным любопытством.

— Человек не должен знать день своей смерти, великий хан, — я отступил назад, смиренно склонил голову и приложил руку к груди. — Прости, великий хан, но таков закон жизни.

Хан поднялся. Передо мной стоял высокий, худой юноша, но я знал, что скоро его тело нальётся силой, и он поведёт свои отряды в бой. А сейчас он вдруг заторопился, потому что у него родилась уверенная надежда, и я его понимал, ему не терпелось в бой, но прежде предстояло победить болезнь.

— Верни оружие, — приказал юноша. — Живи, лазутчик.

Хан, не прощаясь и более не глянув на меня, поспешил в свой шатёр. Я вновь приложил руку к груди, склонил голову и стоял так, пока хан не скрылся в шатре. Мимо прошёл сакча. Остановился и отдал мне меч.

— Без обид, — произнёс он и пошёл прочь.

«Да, конечно, — подумал я, — какие могут быть обиды, просто я просижу сегодня весь вечер в шайке с травами, чтобы рана не загнила. Но ладно рана! Она-то заживёт, а шаровары теперь новыми уже не назовёшь».

Утром я вернулся на место стоянки отряда хана Али, посидел на его месте под древней сосной, поглядел в изумрудную царственную крону, которая блестела и переливалась в хвое, отражавшей лучи восходящего солнца. Потом прошёлся по поляне, на которой остались чёрные пятна костров.

Хан Али ушёл в йорт-поселение Кунчурук. Тамошний шаман, сухой кедровый воздух острова Кучума, болотные травы и местный багульник спасут его, и больше он никогда не вернётся под нашу древнюю сосну.

До начала строительства дамбы через речку Болотную — Сазсу оставалось триста лет.

Погоня

Мой вороной конь, которого я полюбил за безупречный дегтярный отлив, ступил на хлипкий мостик через речку Болотную. Сегодня солнце припекало особенно нежно, кажется, что ещё совсем недавно было весеннее равноденствие, но обильное тепло, будто прорвав ледяную плотину, хлынуло в древний бор, растопило стужу сугробов, развеселило округу юркими ручьями, похожими на проворных змей, которые, переливаясь на солнце серебром чешуи, устремились к своей мамке — речке Болотной. Изумрудная зелень на открытых косогорах дохнула ароматной свежестью и поманила сизый взгляд моего скакуна. Вороной ступал осторожно, но уверенно, лоснящиеся бока подрагивали бугристыми мышцами, в них закипала и бурлила безудержная сила, готовая вырваться наружу в неистовом скаку.

— Сейчас поиграем, — пообещал я Вороному и погладил его горячую шею.

За высоким сухим камышом начиналась родниковая пойма, уходящая в царство сосновых великанов. На поляне, окружённой соснами, отдыхал небольшой отряд иуштинцев-разведчиков томского князца Таяна. Моё появление для них стало полной неожидан-

ностью. И я, издав соколиный клёкот, ударил Вороного по бокам. Он будто ждал этого и молнией взлетел по тропе вглубь царственного бора. Южный косогор был уже чист, но в тени леса ещё местами хранился снег, а на открытых для солнца полянах лоснилась грязь. Как я и рассчитывал, отряд кинулся мне вдогонку. Люблю эти игры, но я всё-таки берёг Вороного — лёд под грязным снегом мог повредить ногу скакуна. Сонный лес наполнился топотом и воинственным гиканьем всадников. Скоро началась холмистая местность, я свернул в укрытие. А мимо меня в предвкушении лёгкой добычи сломя голову промчалась незадачливая ватага.

Я вышел из укрытия и повернул обратно, я ехал неспешно, понимая, что сейчас мои преследователи ищут вдруг исчезнувший след Вороного. Я вернулся на место стоянки, распряг коня и отпустил на вольный берег пощипать молодой травы. Костёр прогорел, мясо томилось, и я подкинул несколько коряг в угли, и только потом уселся на любимое место под сосной — на корневище великана.

Скоро послышались шаги печального отряда, их было пять всадников. Они обступили меня. Я встал, приложил руку к груди, поклонился и сказал:

— Приветствую вас, доблестные воины Таяна!

Всадники молча спешили. Подозрительно оглядели меня.

— Ты уже понял, что смерть наступила тебя? — разозлённый бесплодной погоней, спросил один из них.

— Сегодня не день моей смерти... — но я не успел договорить.

— Врёшь, рус! — ко мне кинулся ещё совсем юноша, почти мальчик. Он замахнулся, чтобы посечь меня саблей, и закричал: — Сдохни, собака!

Я отступил в сторону, юноша промахнулся и, влекомый необузданным порывом, угодил в разгоревшийся костёр, над которым кипела щурпа.

— Здравствуй, Байгул, ты обещал, что меня будет чтить твой род, но твой внук только что пытался меня убить. Я — Арефа. Ты меня не узнал, а я сразу узнал след на твоей шее от стрелы хана Кучума.

— Ты — Арефа?!

— Да, — я склонил голову, — твой спаситель и друг!

— Ипташлар! — Байгул поднял руку вверх, привлекая внимание своих друзей. — Я рассказывал вам о своём чудесном исцелении, прошу принять Арефу как друга нашего рода.

Он обнял меня и задал вопрос, который сейчас мучал всех его друзей:

— Дорогой друг, зачем ты заставил нас гоняться за тобой по лесу?

— Я спасал вас.

— Спасал? От кого?!

— От вашего легкомыслия. Когда в следующий раз вы вновь отправитесь в разведку, то выставленный вами дозор спасёт ваши жизни.

— Бабау! Почему ты веришь этому человеку? — вскричал юноша, сжимая пораненную огнём руку.

Я повернулся к молодому человеку:

— Ты молод и горяч! Убивать человека только за то, что тебе понравился его конь, — это преступле-

ние перед Богом. Но только умный человек способен осознать свой глупый поступок, и только войско с безупречной дисциплиной имеет надежду на победу, и только люди, научившиеся ценить чужую жизнь, будут жить вечно.

Юноша удивлённо посмотрел на меня и, смутившись, отошёл прочь.

— Арефа подарил мне жизнь, когда я уже потерял её. Уйди прочь! — гортанным криком приказал Байгул юноше и повернулся ко мне. — Прости его, достопочтенный Арефа, присядь с нами и отведай нашей пищи.

— Почту за честь, — ответил я, достал из походного мешка деревянную чашку, ложку и лепёшку, сдобренную молодой зеленью. Мне как гостю первому налили шурпу. Я оставил пищу остывать, а сам спустился к речке, сорвал несколько пучков лесного чеснока и мясисто-зелёные листья окопника. Я положил сочный чеснок и лепёшку на общий стол.

— Байгул, верни юношу, — попросил я.

— Он наказан.

— Но тебя просит твой гость.

— Кубаш! — позвал дед. — Арефа простил тебя.

— Юноша, возьми шурпу и приходи ко мне. Да перестань дуться, покажи свою рану.

Юноша закатал рукав камзола, на запястье обозначился крупный волдырь от ожога. Когда юноша падал, то задел казан, и немного горячей жирной пищи выплеснулось ему на запястье.

— Это особая трава, — я подал ему лист окопника, — разжуй хорошо и приложи зелёную кашицу к ране. Как только боль пройдёт, садись кушать. Вот

тебе ещё один лист, его разжуёшь и приложишь вечером. Рану не заматывай, пусть дышит — закрытый ожог гниёт.

Шурпа получилась отменная, молодые воины ещё бегали к реке за чесноком, немного ожили, прошло напряжение и обида на меня.

— Арефа, — осмелился спросить молодой воин, — а с чего ты взял, что Кубаш решил убить тебя из-за твоего Вороного?

— Настоящий иуштинец любит красивых лошадей. Вы не стали стрелять по мне из луков, потому что каждый из вас уже представил себя на моём скакуне.

— Откуда знаешь? — удивился Кубаш. Он был так чистосердечен и искренен в своём удивлении, что дружный хохот потряс поляну.

— Я давно живу, юноша, уже много веков. Я много знаю, но ещё больше видел.

— Арефа, — осмелели и прочие воины, — зачем так долго живёшь?

— Поверьте, долгая жизнь — тяжёлая ноша, но я должен понять и потом рассказать, как можно людям стать счастливыми. Таков мой удел, такова моя судьба.

— Ты знаешь, как стать богатым?

— Не называй богатую добычу счастьем. Пока люди не хотят становиться счастливыми, и произойдёт это очень не скоро.

— Но ведь это случится?! — обрадовался Кубаш.

— Да, юноша, обязательно, но до этого человек совершит много зла, прежде чем поймёт, что счастье — это не богатая добыча, а богатая любовью душа — матери, отца, близких людей и тех, кого ты никогда не видел.

— Но что же такое счастье, если не богатства всего мира? И что толку с моей доброты в бою? И справедливость лишает тебя достатка!

— Я открою тебе ещё одну тайну: зло никогда долго не держит победу, а злой человек не бывает богат. Сейчас тебе это трудно понять, потому что кругом иные примеры, но запомни: настоящее счастье — это когда, встретив хорошего человека, ты захочешь ему подарить то, что тебе дорого.

— Мудрёно говоришь, нам не понять, — вслух сказал свою мысль Байгул.

— Скоро поймёшь, — пообещал я, — уже сегодня.

— Ладно, мудрый Арефа, — Байгул хитро улыбнулся, будто задумал какой подвох. — Допустим, я встретил хорошего человека и подарил ему то, что мне дорого. Но я сделал только одного человека счастливым, а кто сделает счастливыми всех людей? А кто сделает счастливым меня?

— Мужчины, настоящие герои.

— Как Чингисхан? — обрадовался Кубаш.

— Нет, как Бог.

— Но человек не может стать Богом.

— Напротив, друзья мои: человек должен стать Богом и уподобиться Богу в сотворении справедливого и прекрасного мира.

— А женщины?

— Счастье женщин зависит от мужчин.

— Ты что-то говоришь не то, уважаемый мудрец, — засмеялся один из воинов. — Но где мне увидеть Бога, чтобы походить на Него?

— Бог вокруг тебя. Земля тебя кормит, трава лечит, красота утешает, вода в реке даёт влагу, огонь согревает, ветер освежает твоё лицо, Солнце и Луна освещают твой путь, птица услаждает твой слух. Что ты сделал для того, чтобы получить для себя это счастье? Так и ты отдавай, как Бог отдаёт, отдавай, что можешь отдать, и береги то, что имеешь.

— Но чтобы мои боги были милостивы ко мне, я приношу им жертву.

— Жертву ты приносишь шаману, не надо его путать с Богом, а твоя жертва Богу — любовь к людям. Что ты дал Богу, чтобы родиться и видеть своих любимых людей и окружающий мир? Будь как Бог, дари любовь, и мир будет прекрасен.

— Но кругом враги! Они готовы забрать у тебя и женщин, и скот, и землю, на которой ты живёшь!

— Защищай свою любовь, будь настоящим мужчиной, и тогда твои жёны и дети будут тоже счастливы.

Я встал и, поклонившись, приложил руку к груди:

— Мне пора, друзья. На прощание скажу, что во владения славного князца Таяна долго не придёт враг. Телеуты только что прогнали чёрных калмыков и залечивают раны. На западе появился отряд русов, и хан Кучум теперь занят войною с ними. До первых морозов в ваших улусах будет мир.

Я позвал Вороного. Мой верный скакун подошёл ко мне, ткнулся в плечо, из его лилового глаза выкатилась слеза.

— Твой конь плачет? — удивились воины.

— Да, мой конь плачет перед разлукой. Кубаш, у тебя не очень молодая кобыла, но ведь и я не молод, и

если ты не будешь против, осчастливь старика, прими от меня Вороного, а мне отдай свою лошадь.

Кубаш, онемевший, стоял и смотрел то на Вороного, то на меня, не в силах произнести ни слова, не веря своему счастью. Он молча принял от меня повод и оглянулся на своего деда.

— Спасибо, Арефа, — склонил голову старый воин Байгул, — я понял, что такое счастье.

— И что ты понял, мудрый Байгул?

— Счастье — это когда ты успел встретить Бога на земле и увидеть Его среди простых людей.

Сон

Полноводная Йыксу текла на север, мерно и во все незаметно, и если бы не редкая осока, распустившая длинные усики по поверхности, то и невозможно было бы понять, куда текут воды этой дивной и спокойной речки, которая своей тишиной, будто мать, успокаивала чувства, а желания наделяла умом.

Стрелец постоял на зелёном и ровном берегу, разглядывая округу, — по людской молве, именно на этом берегу живёт древний старик и лекарь Арефа. Он прислонил пику к берёзе, скинул сумку с плеча, снял саблю вместе с тяжёлым кожаным поясом, который покорно упал в мягкую траву, а сам присел тут же, откинувшись на ствол берёзины, кривой и мудрой, как жизнь.

Река стояла перед глазами, ивняк неколебимо отражался в воде, весеннее солнце набиралось летним теплом, но не жгло, а грело, и щебет птичьей мелочи, суетный и даже скандальный, успокоил и прикрыл глаза...

— Устал? — спросила его девушка, слегка коснувшись плеча.

— Устал, — ответил он, но вдруг открыл глаза и с тревогой огляделся. — Ты кто?

— Я увидела воина, уставшего от долгого пути, а более от своих тяжких дум, и решила напоить его сладкой водой и утешить заботой.

Девушка была волшебно красива, золотые волосы крепко сплетены в толстую косу, а белый сарафан, будто погребальный саван, как ни старался, не мог скрыть её стройности. Стрелец никогда не видел столь красивых девушек, по его убеждению, такая красота могла жить только в сказках. Но вот она наяву и в неведомой глуши, в двух днях хода от Томского острога.

А красавица тем делом подошла к речке, смело, будто знала дно, ступила в воду, сделала несколько шагов, только немного замочив узкую кромку сарафана, наклонилась и, окунув кувшин тонкой шейкой в сторону течения, начала набирать воду. Вода как бы сама втекала в круглый ротик сосуда, и скоро последний глоток медленным пузырьком поплыл по течению, а девушка уже возвращалась к стрельцу.

— Испей, молодец, живой водицы, ты же за нею пришёл?

— Да, красавица, за живой водой. Но откуда ты знаешь?

Стрелец принял кувшин и, обливая подбородок и воротник жёсткого кафтана, начал жадно пить. Но оторвался от кувшина.

— Я заберу тебя с собой, не гоже такой красавице жить в глухомани! — произнёс он мысль, которую думал, пока пил, застенчиво засмеялся и утёр влажные усы. — Пошли со мной, хозяйкой в дом войдёшь?

— Скор на расправу. А коль я при муже и деток у меня не счесть?

— Нет, светлица, ты ещё девка, вон как коса туго плетена, так плетут от одиночества и покуда мечтают.

— Всё-то ты заметил, — она приняла от него кувшин, поставила в траву, а сама присела рядом, подобрав под себя ноги. Потом поманила его. Стрелец покорился, положил голову на её колени и вздохнул.

— Какое чудесное утро, и эта тихая речка, и тёплое солнце, и кувшин со сладкой водой, — прошептал он, ощущая её прикосновения к голове. — А правда, эта речка течёт прежде на север, а потом поворачивает на юг? — Он ловко поймал её руку и слегка сжал.

— Правда. Она делает большой круг, — девушка отняла руку и опять погладила его голову.

— Странная речка, речка, которая утекает, а потом возвращается.

— Да, как всё в нашей жизни. Вот и ты вернулся ко мне.

— Я? — удивлённый, стрелец сел и глянул в глаза девушки. — Я не мог уйти от тебя! Если бы только смерть забрала меня!

— А вот ушёл, а теперь вернулся.

— А знаешь ли ты такого старца и колдуна Арефу? — стрелец хотел обнять красавицу.

— Не торопись, юноша, — отстранилась она. — Я знаю тебя, ты пришёл убить Арефу.

Стрелец подскочил, кувшин опрокинулся, а он проворно схватил пику.

— Кто ты? Никто не может знать приказа царя Петра Алексеевича!

— Как видишь, знаем, а оттого и не увидишь ты Арефу, — поднялась девушка с травы и привычным движением закинула косу на спину.

— Ах вот оно что! Ты — ведьма треклятая?! Сам Сатана прислал тебя напоить ядом и убить меня?

— От моего сына родились все мужчины вашего рода.

— Мужчины моего рода? — растерянно переспросил он. — Так кто же ты?!

— Я Грустина, я источник вашего рода. От меня ты ушёл и ко мне вернулся. А знаю я о тебе многое: твоя сестра изнывает от тяжкой болезни, ведая то, хитрый сотник отправил тебя узнать у Арефы лекарство, а заодно исполнить приказ царя — убить старца.

— Нет! — закричал юноша. — Ты не мать моего рода, ты ведьма! Ты слуга Сатаны!

— А если я дам тебе живую воду от Арефы, ты всё равно убьёшь его и будешь считать выполненным свой долг перед царём?

— Я служивый человек! Моё дело — исполнять!

— Убить человека — это исполнение ратного подвига? Убить только за то, что Арефа прожил много лет и многое знает? Так убей и меня! Что тебе стоит убить свою мать, если царь приказал, и во мне не одна сотня лет! А скольких вы уже сожгли, доблестные воины царя Петра, скольких подняли на дыбу, посадили на кол! Скольких храмов древних разорили! — Красавица пылала праведным гневом, румянец окрасил её ланиты, а глаза тлели тоской и горем. — А теперь Петру захотелось крови старцев, тех, кто хранит память и достояние прошлого, тех, кто и есть волшебная сила будущего, избавиться от тех, кто важнее самого важного! Исполни долг предательства, что стоишь? Или, думаешь, все страдания от несправедных судей и па-

лачей не вернуться в твою жизнь? Или, разорив, твоё не разорят, или, убив, твоё не убьют?

Стрелец оглядел берег, тихие воды безразлично-спокойной реки, поднял голову, устремив взгляд сквозь изумрудную листву берёзы в самую глубину неба. Красивая девушка оказалась его древней матерью, но как прекрасна она в своём гневе, как искренна, как чиста сердцем и как велика душой! Он с силой воткнул пику в землю.

— Что же мне делать? Я же на казённой службе! Сотник кормит меня и моих стариков.

— Ты кормишь себя и своих стариков! Ты выбираешь, из чьих рук брать золото. И взяв от крови, тебе кровью вернётся. Нет правды в убийстве, знай, убийство — это всегда ложь!

Грустина подняла кувшин, вновь ступила в воду, обмакнула подол, наполнила кувшин, теперь почему-то повернув горлышком к течению. Затем прикрыла сосуд левой рукой, слегка встряхнула и что-то прошептала над ним.

Юноша наблюдал за Грустиной, он видел, как она пахтает сосуд и наполняет воду силой волшебного слова. Закончив ворожбу, ведунья ступила на берег, на её лице блуждала печальная улыбка, и, кажется, слеза сбежала по шее. Она подала кувшин стрельцу.

— Напой сестру, и она перестанет страдать.

...Стрелец открыл глаза, тяжёлые капли дождя, как слёзы матери, разбудили его под тёплой берёзой. Он встал, оглядел берег, поляну и не нашёл никого.

— Задремал, — произнёс он вслух. — Приснилось.

И вдруг увидел в траве кувшин, тонкое горлышко которого было надёжно заткнуто сучком.

— Живая! Она живая!

Он привязал пояс с саблей, подхватил кувшин одной рукой, другой выдернул из земли пику и поспешил домой. Он спешил спасти сестру и расспросить о своих предках — старики-то были ещё живы, и спасибо им, что ещё живы, и наверно, скажут, кто такая красавица Грустина, от которой он когда-то ушёл и которая к нему теперь вернулась и, видимо, уже навсегда.

Историческая справка

1. Как известно, история России писалась при Петре I приглашёнными им немцами, двое из которых только и могли говорить по-русски. Уже этот факт вызывает очень много вопросов, но их становится ещё больше, когда узнаёшь, что на заседании Академии наук, когда Миллер докладывал свою версию древней истории России, великий Ломоносов не выдержал лжи и побил Миллера, за что был приговорён к смертной казни, год просидел в Петропавловской крепости, после чего освобождён, но ненадолго, потому что умер неожиданно в 54 года. Рукописи по истории России великого академика оказались в руках Миллера.

Совершенно достоверно известно, что после посещения Германии, где Пётр I прожил вместо двух недель два года, Пётр провёл крайне спорные по своей полезности реформы в России. Именно с него начался разрыв между народом и властью, именно с него началась мода на преклонение западу, при нём сформировалось крепостное право. Собственно, достоверных материалов на тему «странной» политики Петра I очень много.

Указ Петра I об уничтожении старцев не найден, только назойливые предположения, однако эти слухи не были бы столь устойчивыми, если бы Петрова власть не казнила огромное количество именно стариков. Романовы с приходом к власти беспощадно боролись с инакомыслием, инаковерием, русской культурой и традициями русского народа. Сжигались древние храмы, книги, переписывались летописи, староверы бежали в Сибирь, сказки запрещались, знаменитый Петрушка, кукольный герой, оказался под запретом, также и дудочки, и гусли и прочее. При этом расправы чинились жесточайшие — смерть и каторга, а стукачество поощрялось повсеместно.

Но в молве об убиении старцев есть злая логика: долгожители знали и помнили не только традиции, но и историю народа, которая противоречила написанной немцами, ставшей официальной историей. Поэтому уничтожение стариков — это всегда сокрытие прошлого для укрепления новой власти, построенной на лжи, а ложь всегда поддерживалась беспощадной жестокостью. Так было во все времена.

2. Река Икса (Йыксу) Болотнинского района Новосибирской области действительно от истока у села Егоровка течёт ровно на север, после делает полукруг, поворачивая на юго-запад, и впадает в полноводную Обь около села Кругликова — первого русского поселения на территории Новосибирской области с момента освоения Сибири Ермаком.

3. Судя по европейским картам XVI — XVII веков, на месте Томска в древние времена находился подземный город, который назывался Грустина. Этот го-

род и весь Болотнинский район находился на территории страны с названием Лукоморье, разместившейся между двумя великими реками Обью и Енисеем.

4. Вода является уникальным и до конца не изученным веществом на планете Земля. Она не имеет цвета, вкуса и запаха. Земной шар состоит на 70 процентов из воды, человек — на 60 процентов.

Вода является универсальным растворителем, имеет три состояния: жидкое, твёрдое и газообразное. Но замерзает быстрее, если на мороз выставить кипящую воду, и становится плотнее при первых градусах нагревания. Если лёд продолжать остужать, то при температуре ниже минус 100 градусов он становится вязким, как пластилин.

Вода — единственное вещество, которое не «вписалась» в таблицу Менделеева, потому что, по Менделееву, вода должна застывать при минус 90 градусах, а кипеть при плюс 70 градусах.

Вода обладает памятью, и зафиксированная в ней информация ни при каких обстоятельствах не меняется, почему воду считают информационным полем Земли.

Вода может менять плотность и свойства от воздействий на неё. Вот зачем наши предки, когда готовили «живую» и «мёртвую» воду, толкли её в ступе и читали над нею специальные заговоры, — так они изготавливали воду-лекарство или воду для настоя лекарственных трав. От заложенной в неё информации «живая» вода лечила, а «мёртвая» обезвреживала. Наши древние предки знали об удивительных свойствах воды.

Белый Волк

Ноябрь! Свежайший, уже не сырой, но и не позимнему стылый, а бодрящий, как прохлада родника в июльский зной. Снег ровным и неглубоким слоем лёг по всему лесу и полям, по нему легко плывут камусовые лыжи Арефы. Слева на поясе плоский колчан, полный калёных стрел, рядом, будто мороженая рыбина, боевой нож в деревянном чехле, справа на том же поясе — налучник, в котором сидит до времени упругий лук-красавец, изящно изогнувшийся, готовый пустить стрелу более чем на пятьсот локтей и поразить опасность.

Легко и стремительно, будто во сне, мелькают колки, слетают вниз падуны и стремительно взлетают вверх крутые склоны. А дышится! А видится! А слышится! Как легко и задорно, будто юноша проснулся в Арефе, будто помолодел он на сто лет или даже не старел, будто не испытал утраты, боль потерь и разочарований! Будто не жил, а развлекался, как недавно с гостившими у него старцами, которые навестили его и поздравили с трёхсотлетием. Они пели песни, пили хмель и даже танцевали вокруг костра, махали руками и дурачились — такое случается раз в сто лет. И старикам нужен отдых, и веселье, и откровенный, душевно-исповедальный разговор о жизни. Всё, как

у обычных людей, но чуточку больнее, чуточку ответственнее, потому что они хранят неподкупное понимание справедливости, истины и веры в Создателя, помнят дорогу к Нему, знают тяжесть этого пути и верят в конечный результат, что бы ни происходило с людьми, что бы ни творили они, путаясь в своих заблуждениях и желаниях.

Только старейшие из старейших помнят день, когда Бог мылся в бане, отёрся ветошкой и бросил её с небес на землю. И превратил Сатана ту ветошку в тело человеческое, а увидев то, вдохнул Создатель душу в него, и встал человек во плоти грешной, а с душой светлой. Потому и живёт человек вечно, потому что сатанинское умирает, а душа умереть не может. И получается: тело в землю, а душа к Богу жить дальше. Так Бог заставил трудиться Сатану — творить тела, в которые вселяются божии души. Вот почему зло никогда не победит добро, потому что добро вечно, а зло тленно.

И вдруг Арефа остолбенел: на снегу отчётливо и строго отпечатались огромные медвежьи следы. Шатун! — понял он. Прошло более ста лет, как Арефа попался в лапы не заснувшего в зиму зверя, а после несколько лет залечивал раны у шаманов в Юртакбалыкских пределах. Глубокие полосы от медвежьих когтей навсегда остались на затылке Арефы. Страшен медведь ещё и тем, что по его морде никогда не поймёшь, что задумал зверюга, и тогда, в ту зиму, Арефа увидел в медведе добродушного друга, а тот накинулся, и только молодая сила и сноровка выручили Арефу, и он вонзил свой боевой нож в утробу гиганта и провернул его, пробив всю брюшину до самого сердца.

Лёгкие мысли унеслись с волшебным паром от дыхания, сердце теперь работало расторопно и выверенно, глаз обострился, лук и колчан заняли своё боевое место. Вдруг рык порвал светлую тишину леса: рёв и вой, угрожающий визг и хрип — всё смешалось в мелодию смертельного боя. Несколько шагов — и пред глазами предстала арена битвы между громадным, будто гора, бурым медведем и, под стать ему, огромным белым волком.

Чуть в стороне виднелись следы погони волка за косулей — место короткой схватки, бездыханная жертва лежала нетронутой. И вот в этот миг ещё не начавшегося пиршества появился одичавший от голода медведь. Грозный и бурый исполин стоял над тушей косули, а волк кидался на него и, обладая большей скоростью и хитростью, впивался в бока медведя острыми и беспощадными клыками. Тот ревел и крутился, пытаясь лапой сбить волка со своей спины. И это ему уже удалось: мощный удар невиданной силы настигал противника, и тот отлетал в сторону, и, прокатившись по рыхлому снегу, вновь поднимался во весь свой недюжинный рост. На спине медведя было несколько открытых ран, из которых текла чёрная кровь, но и волк уже был изрядно калечен, вырванный из плеча кусок мяса висел на шкуре и кровоточил. Оба устали, волк кружил вокруг медведя, опираясь на одну лапу, а медведь терял силы вместе с кровью, но неистово тянулся к нему, вытягивал шею и широко открывал пасть, которая могла перекусить самую прочную кость. Медвежьи лапы изредка, как праща, вылетали вперёд, и, если бы волк не успевал увернуться, один такой удар мог бы легко переломить

ему хребет. Уступать никто не собирался — это была битва насмерть.

Арефа прицелился, и несколько стрел, одна за другой, снялись с упругой тетивы и, пронзая тонким свистом плотный воздух, впились в глаза и тело медведя. Тот замер, выпрямившись на задних лапах, заревел неистово, силясь вырвать стрелы из глазниц, но тут же рухнул, негибачаемый, ниц, ударом о землю вонзив стрелы глубоко в себя.

Обессиленный волк лёг рядом, кровь текла из его ран. Арефа осторожно подошёл, убедился, что медведь уже не встанет, посмотрел на волка.

— Ну что, брат, — подумал Арефа, сдернул с головы мохнатую шапку и утёр рукавом потный лоб, — помогать тебе или ты тварь неблагодарная? Ещё полчаса, и кровь покинет тебя. Так помогать или нет?!

— Помоги, — услышал где-то внутри голос волка Арефа.

— Вот как, ты слышишь мои мысли? Помогу, но давай без глупостей, если дурнёшь, зарежу тебя, как собаку подлую, — пригрозил Арефа и наклонился над волком. Он осмотрел глубокую рану на плече и на бедре, но главное — это сломанная передняя лапа и порванная мышца на задней. Арефа засыпал кровоточащие раны снегом.

— Идти сможешь?

— Нет, — ответил волк.

— Понятно, — вздохнул Арефа, выдернул из ножен свой огромный, как меч, нож и начал ловко ошкуривать медведя.

Шёл пар, тошнотно пахло свежим мясом, а тем временем волк лежал на боку, изредка лакая снег.

Скоро Арефа справился, перевернул шкуру медведя шерстью вниз, положил на неё свои лыжи и приказал:

— Перебирайся, не торопись. — И всё-таки он помог волку: приподнял задние лапы и осторожно переложил на шкуру. Потом Арефа подошёл к голому медведю, отрубил боевым ножом медвежьёю лопатку и подсунул под брюхо волка. — Это хавчик тебе.

— Там, в снегу, туша косули, — сказал волк, — подай её сюда, она мне пригодится. Хотя бы на первое время. Всё не эту вонючку жрать.

Волк обнял тушу косули, а Арефа впрягся в предварительно вырезанные из шкуры медведя постромки и поволок зверя к своему скиту, благо не больше версты тащить. Он выбирал удобные места, чтобы не втаскивать этакую тяжесть на самую гору, а уж по склону дело шло веселее. Без шкуры было бы не справиться.

— Ну, волчара, — кряхтел Арефа, — ты теперь меня за эту прогулку всю жизнь катать будешь.

— Буду, — согласился волк и, как лопатой, черпнул языком проплывающий мимо снег.

Шкуру Арефа расстелил под лабазом, но уже шерстью вверх, потом зашил крупные порезы на теле волка, вытянул мышцу и привязал к суставу, наложил шины на лапы, бросил тушу косули и лопатку медведя около волчьей подстилки.

— На пару недель поди хватит?!

Волк осмотрел припасы и вздохнул:

— Не факт, может не хватить.

— Хорошо, отдохну и принесу ещё медвежатины, пока не растащили по лесу, — Арефа направился в скит.

— А может, косульку добудешь? — попросил волк.

— Зверя лютого убить, чтобы жизнь спасти, — это да, и лань беззащитную принести в жертву могу, конечно, но не буду, пока это мясо есть. Жри своего врага, такая возможность появляется не у каждого. — Арефа постоял в задумчивости и продолжил: — Ты должен понять: человек становится зверем, когда на кону его жизнь, но убивать из-за иной прихоти человек не может.

— Но убивает!

— Я говорил о человеке, а убивает из прихоти уже не человек — те, в ком человека осталось мало или не было никогда.

— Борьба за жизнь — она и есть борьба до смерти, — сказал волк, — что у зверей, что у людей, нет разницы.

В скиту было тепло, Арефа погрел у очага озябшие руки, приготовил кипятку, сочинил завар из листьев сушёной душицы и смородинового листа. Бережно открыл летопись, взял перо и углубился в думы, но вдруг встал и вышел на волю:

— Нет, дружище! Борьба у нас разная, потому что зверь живёт по закону природы, а человек ещё и по закону совести! Дано человеку больше, за то и спрос будет.

Арефа вернулся в дом, решительно уселся за стол и записал на чистой странице:

«Мы вправе принять жертву для продолжения своей жизни, но убивать из-за прихоти — дело сатанинское. В том и заключается не стихающий бой внутри человека — убить в себе Сатану. Убить беспощадно. Это единственная жертва, у которой нет предела, это единственное убийство, которое можно назвать святым.

Борьба, вечная борьба за жизнь! Но только у человека эта борьба за право быть человеком! Тяжка сия борьба! Ох как тяжка. Но уже то утешает, что душа наша, мятежная и беспокойная, — от Бога. Для этой борьбы дан нам мир живой и благородный — земля, небо и воды, дни и ночи, рождение и смерть. Вольный человек от Создателя, а потому рассчитывать можно только на себя. Захотим — будем! Захотим — станем! Захотим — победим! Захотим — вознесёмся до высоты небесной! А не захотим, никто нам не поможет: ни мать-природа, ни отец небесный, ни вода, живая ли мёртвая, потому что дух наш жить может только в борьбе за право быть человеком, за право быть с Богом. Не потому ли животное в беде идёт к человеку, как человек идёт к Богу?»

Арефа откинулся на спинку громоздкого кресла, сделанного из корневищ и веток берёзы, отпил чайку душистого и зрело-тёплого. Встал, подошёл к окну. Волк лежал под лабазом: он прикрыл глаза, положив голову на шкуру медведя.

Прошло три недели, после чего волк наконец-то смог подняться и встать на лапы. Арефа ужаснулся:

— Не волк, а целая лошадь!

— Да уж какой есть, — благодарный волк слегка толкнул Арефу головой.

Справка

1. Белый (полярный) волк мало чем отличается от обычного серого волка. Но белый волк крупнее серого, взрослая особь в холке достигает высоты до одного метра, длина тела (без хвоста) может доходить

до 150 сантиметров, вес — до 100 килограммов. В прошлые века местом обитания белого волка была не только тундра, а достаточно большая территория, вплоть до лесостепной полосы Сибири.

Волк обладает великолепным обонянием, слухом, вынослив, имеет мощную челюсть и крупные, острые зубы, умён, хитёр, подвижен. Но в одиночной битве с медведем уступает ему, потому что медведь сильнее и крупнее волка, обладает острыми когтями и мощным ударом лап, массивными клыками и, что немаловажно, толстой шкурой, которая защищает не только от морозов.

2. Как утверждают современные учёные-зоопсихологи, человек способен «разговаривать» с животными, но при этом не надо очеловечивать их — человек должен упростить свои способности, чтобы понимать животное.

С уверенностью можно предположить, что в древние времена люди могли общаться между собой мысленно на расстоянии, однако со временем потеряли эту способность. Так, уже в современную эпоху было зафиксировано, что люди чувствовали, когда их близкий человек попал в беду, или были уверены, что человек жив и здоров, когда официальные заявления говорили об обратном. Также люди могли общаться и с животными. В подтверждение этой версии — те редкие случаи, когда человек и животное, как правило, в экстремальных условиях, вдруг понимают друг друга без слов.

Чаерезы

Полюбившаяся речка Болотная, которая омывала величественный бор с восточной стороны, отличалась топкими берегами и широкой поймой. Ыйксу — другое дело, она протекала с западной стороны бора, имела нрав тихий и устойчивый, берег сухой и лесистый, текла она по глубоким логам и падунам и при надобности могла стать водяной или ледяной дорогой до самой большой реки Сибири — бабушки Оби.

Арефа вышел из скита — так он называл жилище, которое построил на берегу речки Ыйксу ещё триста лет назад. Яркое мартовское солнце обозначило чёткие очертания берёз на посиневших от мороза сугробах. Арефа вышел из жилища, плотно притворил громоздкую дверь и вдохнул свежий воздух. Навстречу хозяину поднялся Белый волк, на лапах и морде которого остались капли крови, а чуть в стороне лежала обглоданная голень с копытом.

— Здесь кто-то кого-то сожрал? — спросил Арефа волка, тот исподлобья посмотрел на Арефу и стыдливо отвернул голову.

— Осознаёшь, и это уже хорошо! Ну, пошли за чаем, подрежем цыбик китайского отменного чая.

Сегодня по Сибирскому тракту из далёкой Кяхты шёл чайный обоз. Он уже миновал Зудово, и прика-

танная ровным настом дорога вела его дальше через Елбак, Ояш до Умревинского острога. Потом предстояла переправа через Обь, там Чаусский острог, молодая Колывань, и по ровным и долгим Барабинским степям — до самой Москвы и Санкт-Петербурга.

Арефа привязал к тёплым унтам камусовые лыжи и шагнул в лес. Лёгкий мороз, яркое, даже ослепительное солнце, миллионы искринок на снегу и уверенный наст под ногами.

Китайский чай полюбился в России, когда по поручению монгольского правителя Алтын-хана в 1638 году русский посол Василий Старков привёз царю Михаилу Фёдоровичу «траву сушёную». В ту пору чай начали пить как лекарство — от простуды, но более от похмелья, когда в ночь возвращался хозяин «выпимши» домой. После нескольких слов ворчливой жены уже кипел самовар, настаивалась заварка и начинался процесс лечения, с каждым глотком, с каждой чашечкой ароматного чая возвращалась способность возражать жене. Лечение утренним рассолом и похмельная чарка браги всё более становились делом людей с умеренным достатком, не способных позволить себе расходы на «высокоблагородный» чайный напиток. Тот самый, который везли с юго-западных холмов Сяньнинского округа до самой Кяхты на верблюдах, потом до Иркутска, где платилась пошлина, превышающая цену самого чая. Впрочем, в России так было всегда. Чай до четверти наполнял царскую казну. После нескольких месяцев небезопасной и очень неровной дороги в десять тысяч вёрст длинный обоз, который делился на сцепки из пяти подвод или саней, прибывал в Москву или Санкт-Петербург — всё

едино, очень далеко. Но как благодарность за труды возчикам и охране — хорошая оплата, стол, бублики, самовар и раскрасневшаяся от удовольствия хозяйка.

Арефа выбрался на простор поляны, Белый волк сопровождал его, вышагивая рядом. Вдруг крупный заяц-беляк чуть ли не из-под ног кинулся в прозрачный, как туман, берёзовый колонок, спрятался под кустом, но скоро решил, что укрытие его ненадёжно, выскочил и притих за толстой берёзой.

— Ну красавец! Нет, ты видел? — спросил Арефа волка. — Каков, а? На дворе капельник, а он толстый, будто и не зимовал.

Но в это время любопытство победило заячий страх, и он выглянул из-за дерева. Его красные глаза удивились, мордочка дёрнула усиками, отчего он подмигнул.

— Ах ты, стервец! Ты ещё и смеёшься над нами! Белый, ты посмотри, над нами уже зайцы смеются.

Но волк шёл рядом, размеренно и равнодушно, будто и не видел зайца и трёх косуль, сбившихся плотной группкой чуть в сторонке. Они были прекрасны, грациозны, трусливо перебирали ногами, а маленькие рожки заменяли им царственные короны. Они не убегали, потому что снег, прихваченный солнцем, затвердел ледяной коркой, он проваливался под копытами и не позволял бежать.

— Белый, ты посмотри, какая красота! Это у них мальчишник сегодня, видать, женятся скоро, и конец воле вольной. Красота! А ты их жрёшь, такую красоту, и не стыдно тебе?

Белый виновато опустил голову, но его выдала сытая слюна, упавшая в снег.

До Сибирского тракта от скита три версты, но Арефа уже знал, что скоро Сибирский тракт пройдёт восточнее, по правому берегу речки Болотной, дорогу «спрямляли», считай, на двадцать пять вёрст между Ояшем и Проскоково. Началось обустройство тракта по новому участку, и Арефа уже знал точно, что скоро оживут малые деревни Таганай и Чахлово, а на высоком берегу речки Болотная поставят первые дома будущего города, в котором он поселится уже до самого последнего срока.

Они остановились на краю высокого склона, внизу заблестел накатанный полозьями крестьянских саней Сибирский тракт, который иными назывался Чайный путь, потому как кормил много притрактового люда, и не только ямщиков и казачков, нанятых в охрану, но и чаерезов — грабителей и охотников за чаем. Одни, как турнаевские, они все по-тихому старались воровать, в метель да пургу. Спрячутся в снег, а как обоз минет, они подкрадутся сзади и подрежут цыбик — плетёный из камыша и обтянутый кожей короб, в котором в цинковой фольге или бумаге упакован чай. А если удача улыбнётся чаерезам, то могут подрезать и два короба, и три, но редко, а потом тикать в лес. Лови их в пургу по сугробам. А они своими тропами, да по логам и падам уже дома, барыш считают. Но прибили старшого у турнаевских, и притихли они. Без атамана боязно. А томские, те в открытую: окружают обозы, а их человек тридцать, а то и полста, и говорят охране и возчикам: «Всё, братки, бегите домой, потому как товар уже нашёл своего хозяина. Не ищите смерти на чужбине». Вот такой разговор. И понятно, им биться нет охоты, потому как всякая дра-

ка — это работа. А работать им не с руки, не привычные. Ну а если сопротивление случилось, то убивали, конечно, и тех, и других.

— Белый, сиди здесь и жди меня, — приказал Арефа волку.

Из-под горы появилась сцепка из пяти гружённых доверху саней. Возница дремал, впрочем, дремали все, и даже замыкающий всю эту сонную процессию вооружённый казачок.

Головная лошадь резко остановилась и испуганно захрипела. Возница проснулся.

— А? Шо? Де? — ямщик уставился на Арефу.

— Доброго здоровья.

Но возница увидел Белого волка на краю холма.

— Вовк! Билий!

В это время к обозу подъехал проснувшийся казак.

— Чего нада?! — грозно спросил он и поправил великую папаху.

— Вовк, — указал возница. — Величезный, як кинь, и билий!

Казак скинул с плеча ружьё, но его лошадь заволновалась, пошла крутиться на одном месте.

— Тпру, — натянул узду казак, успокаивая испугавшуюся лошадь.

Волк встал и зевнул. Это означало, что он готов и к вызову, и к бою.

— Промахнёшься, а перезарядить не успеешь, тебя порвёт, а лошадью закусит, — остановил стрелка Арефа и махнул Белому.

Белый послушно, но очень неохотно опять уселся, но уже с грозным видом глядел на казачка, мол, «тебя я запомнил».

— Это твой волк? — удивился казак.

— Мой.

— У, чудеса, — хлопнул себя по ноге возница. — Чого тильки ненадивишься. Во сне бабы снятся, а проснёшься — кругом вовки!

— Так, мужик, чего нада? — пытаюсь держаться выбранного фасона, опять спросил казак и вновь поправил великую папаху.

— Чайку купить, — Арефа сдёрнул тёплую меховую рукавицу, которая безвольно повисла на тонкой полоске из сыромятной кожи, а в его ладони блеснула золотая монета.

— А другого места для торга не нашёл? — деловито нахмурился казак.

— Да я не торгуюсь, просто жильё моё тут рядом, и без весу мне, цыбик куплю и пошёл своей дорогой. — Арефа протянул монету вознице.

— А ми и тут товар не тримаемо, — принял возница монету и попробовал на зуб. — Вирна, али тоди будь ласкавий, пидрижай, — заулыбался возница, намекая на чаерезов и уже посчитав, что увесистая монета значительно большего значения, чем цыбик чая.

Арефа вытянул из ножен похожий на турецкую кривую саблю нож и подал вознице и попросил:

— Ти вже сам, милий чоловик, по-хозяйськи, своєю рукою.

— Ну и телёнок, — всё восторгался казак, поглаживая шею беспокойной лошади, — это же как ты его такую зверину приручил? Или ты ихний язык, как мову, бачишь, а можа ты колдун?

— Со зверьём дружу, но не со всеми, — Арефа сдёрнул шапку и обнажил шрамы на голове, — с

медведя́ми как-то не складывается. Тварь подлая, никогда не знаешь, чего у него в башке.

— Хорошо он тебя приласкал, чуть голым не оставил, — казак со знанием дела оценил шрамы на затылке Арефы.

— А теперь о главном, — посерьёзнул Арефа. Заночуете вы в Умреве, но прежде пару казачков надо отправить в Чаусский острог, за подмогой. В Амбинской низине вас завтра встречать будет Золотарь — разбойник из Томска, а с ним полсотни таких же головорезов. Одним вам не справиться, в Умреве казачков мало.

— Золотарь? Так бандит видомий, а я думав, вин на каторзи давно, — растерянно почесался кнутом возница.

— Да у нас своих с полсотни сабель будет, и ружья есть! Сами одолеем, — казачок собрался уже отъехать.

— Не спеши, — придержал узду Арефа. — Это хорошо, что ты смел, но людей пожалей, тем-то терять кроме каторги нечего, людей много погубите, а с Чауса приедут казачки, вы с двух сторон всех разбойников возьмёте и в один цыбик сложите.

— Ну, мужик, далеко смотришь, прямо-таки кудак ты человек.

— Ты лучше сам скачи в Чаус, никому не доверяй, много людей спасёшь, и почёт обретёшь. Всё, прощайте, братья, пошёл чай соседям раздавать. У нас чай любят, под самовар, да с крендельками. Будьте здоровы.

Арефа сошёл с дороги, уступая обозам ход.

— Чуэш, хлопец, — поинтересовался возница, — а ты никак хохол?

— Е трохи.

— Вот чую я родню. Або билорус?

— И вид того трохи.

— Ну не татарин ж?

— Совсем чуточку.

— А зрозумив, ты наш — сибирский! Ну так би и сказав. А украинскою мову знаэш, як хохол клятый. Чудеса.

Мимо поплыл чайный обоз, а когда Арефа присел привязать лыжи, вдруг услышал над головой:

— Слышь, дед, — нагнулся с лошади казак, придерживая папаху, — а верно, что в Амбе чарезы будут? Вот мучают меня сомнения, ведь если что, меня братья-казачки на смех поднимут, житья не дадут. Они зубоскалы ещё те.

— Верно, сынок, я говорю, так же верно, что жена твоя Аксинья с двумя детками дома живого тебя ждёт. А в Умреве скажи, что Арефу встретил, что это он тебя предупредил.

— Ну дед! Ну силён! — казак глянул на Белого, который всё так же величаво и послушно сидел на вершине косогора. — А волчара у тебя знатный! Я таких сроду не видал, — и казак ударил плёткой по крупу коня, уверенно помчался догонять обоз.

Арефа закрепил цыбик на спине, а когда поднялся на косогор, то ласково потрепал Белому холку:

— Спасибо, брат, помог убедить их, мне бы не поверили, ещё и тумакон бы навесили. А ты просто посидел, посмотрел и убедил. Молодец! Вот что значит быть не серым, а белым волком! Давай, помогай, — Арефа бросил Белому конец верёвки, тот привычно прикусил её, и поехал Арефа прицепом на

своих широченных лыжах по снежному насту вместе с цыбиком на спине, в длиннополой шубе и тяжёлой медвежьей шапке.

Он вмиг домчался до скита, скинул с плеч ношу, воткнул у входа лыжи и вдруг услышал барабанный бой: под ярким солнцем таял иней на берёзовых ветвях и падал на кожаную обивку цыбика.

— Капельник! Знать, теплота скоро! — Арефа подхватил короб и вошёл в тёплый скит.

Историческая справка

Сибиряками считаются коренные жители Западной и Восточной Сибири; если рассматривать более древнюю историю, то сибиряками называли и жителей Дальнего Востока. В действительности такого этноса не существовало, сибиряки — это смесь различных национальностей. Кто-то из историков так и назвал: «коктейль народов», потому что кроме коренных пятидесяти народов за последние триста лет на территорию исторической Сибири прибыли миллионы крестьян из центральных областей России, Польши, Прибалтики, Белоруссии, Германии, а также депортированные во время войны поволжские немцы, чеченцы, ингуши, крымские татары, болгары, греки, армяне, калмыки и цыгане. Уже дети вольных и невольных переселенцев смело называли себя сибиряками.

На сегодняшний день в Сибири живёт более 125 национальностей.

Дикость

Ну, как ты понял, до самого 1816 года села Болотнинского даже в мыслях ни у кого не было. А как француза побили, нюх лягушатнику прочистили да сами слегка очухались, царь-батюшка, император Александр I озаботился устроить наше село.

Не было железной дороги, но село уже появилось, и строились дома по одну и другую сторону Московского тракта, а место для кладбища определили недалеко от села, тут же, за огородами. И кто бы знал, что железная дорога пройдёт ровно между селом и кладбищем. Считай, восемьдесят лет на этом месте людей хоронили. Все первые жители Болотной на нём покоятся. Провели-разделили, а позже железнодорожные власти эти самые кладбищенские земли выкупили и, недолго думая, но с расчётом, построили Кондукторский резерв — двухэтажное здание аж с тремя входами, в котором всё поместилось: и контора, и столовая, и магазин, и склад, откуда одежду и фонари кондукторам выдавали, и даже душевая была, доселе в Болотной невиданная вещь — без пару-жару мылся трудовой железнодорожный люд.

Для болотнинских покойников новое просторное место определили — с западной стороны, около железнодорожного переезда, и стало оно самым большим и

вторым по счёту. Прошли годы, лет пятьдесят, и задумалось железнодорожное начальство, а что это у нас большая часть старого кладбища пустует. И приняли решение жилой городок на том месте строить.

Ставили дома двухэтажные, четырёхквартирные прямо на старых могилках, и в каком году дом строился, тот номер ему и приписывали. Сортиры четырёхочковые у каждого дома заботливо поставили. А как же, куда-то жильцам гадить-то надо. И до сего дня, кто если погреб копает, где косточку, где череп обнаружит...

Время шло, наше село резко начало строиться по Московскому тракту в сторону вокзала всё дальше и дальше от западного кладбища. И власти решили третье кладбище организовать, чтобы покойника по пять вёрст через всю Болотную не таскать. Кто в какой стороне помер, тот на ближнем кладбище и покой находил. Умно.

Растёт Болотная, грузопоток увеличился, крестьяне ожили, кустари о заводах задумались — хорошо. Росло село, будто на дрожжах, и третье восточное кладбище скоро среди домов оказалось. Нехорошо. Покойник, он должен сам по себе жить, а человек сам по себе — отдельно. И кладбище закрыли. Решили, пусть будет одно — западное, у переезда, не графья, покойника донесёте. И потянулись длинные процессы по Московской каждый день, село-то уже большое, как город выросло.

Прошли годы, и опять зачесалось у начальства, но уже городского, что место кладбищенское без дела стоит, пропадает. И решили на том кладбище школу соорудить. Дело-то благородное, о будущем думать надо — так решили и построили двухэтажную, дере-

вянную. Некоторые могилки под школу ушли, а прочие разровняли и будто не было их. Теплицу соорудили, спортплощадку. Стояла школа, кому двойки, а кому и пятёрки раздавала, да вдруг под самую ночь в сентябре 1961 года вспыхнула-загорелась.

Гореть начала с крыши — знать, спасти не удастся. Ну и понятно, что подожгли: или по злему умыслу, или по случайности, но школу сожгли начисто. И тут все вдруг вспомнили, что на костях школа покоилась. И пошло-поехало, мол, духи подожгли, бесчинства не выдержали. Но ничему нас жизнь не учит, и райком партии постановил дать бой мракобесию и новую школу, уже каменную, опять на том же месте построить. Пока новый фундамент копали, пацаны черепами играли-тешились, а обнаруженные кости куда-то потом свезли вместе с лишней землёй.

В 1978 году в ночь на Ивана Купалу решила наша болотнинская молодёжь пошалить, собственно, так шалили каждый год. Как стемнело, прокрались на Западное кладбище, повыворачивали кресты и вдоль дороги и около остановки расставили. И в ближайшие дома кому в палисадник крест воткнули, кому у ворот оставили, чтобы хозяев повеселить-порадовать. Надоели эти шалости милиции и народу, и выловили вандалов. Руководил облавой — лейтенант молоденький Андрей Ведерников, он в ту пору возглавлял работу с несовершеннолетними преступниками. Родителей нашли, всех собрали, и вот пошли строем на кладбище парни с крестами, да среди народа.

А солнце яркое, день прям радуется, а люди хмурые вдоль дороги стоят, молчат. А что говорить, на кого кричать, в кого плевать?

С того раза будто что случилось с людьми, как прозрели. В тот же день пошли люди на кладбище прибираться, и кресты восстановили и мусор сожгли, очистились.

Время было такое, что рушили кресты, вроде как можно — мракобесие, а теперь звёздочки с памятников сбивают. Дикость и то и другое. На границе между Здвинским и Куйбышевским районами могила лежит красным партизанам ещё со времён Гражданской войны, более сотни ополченцев полегли от беляков. Так отпилили недавно тамошние умельцы звёздочку на памятнике и крестик прилепили. Вот это зачем? Вот чем тот администратор лучше болотнинских пацанов-вандалов? А в Колывани ещё дальше пошли, там монастырю земельку прирезали вместе с братской могилой, так ведь не удержались православные, сбили звёздочку и молчат. Вокруг памятника плотненько кустами обсадили, как землёй прикопали. Хотели люди звёздочку на место вернуть, ну куда там, монахини насмерть встали. Где в том монастыре Богу быть, и малого уголка ему не оставили.

Для чего я это всё рассказал? А для того, чтобы ты узнал, что у слова «дикость» в основе «кость», мёртвая основа, то есть то, что стало трупом, который потерял силу духа, потому что дух покинул тело. Дикий — это «окостенелый» человек, то есть лишённый полного образа человеческого достоинства.

Как можно, имея столь наполненный смыслом и образный язык, который сам и есть дорога к Богу, оставаться дикарём — символом недочеловека? Доколе будем слышать слова и не понимать смысла их: «Неуважение к предкам есть первый признак

дикости и безнравственности» или «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости»? Всё это сказал великий Пушкин своему глухому до правды и совести народу двести лет назад. Сколько же горя вам ещё надо выхлебать, люди мои любезные, чтобы стать человеком добрым, честным, любящим. Какие слова и какой поэт ещё тебе должен сказать, чтобы ты понял: пока ты гадишь на могилы своих предков, плюёшь на их жертвы, даровавшие тебе великую страну, презираешь их жизнь, дела и идеалы, ты — недочеловек, ты — мёртвые мощи, на которых такие же нравственные мертвецы непременно построят свой новый дом и будут мучительно и долго умирать в нём — собственно, то, что сейчас и происходит.

Историческая справка

Ведерников Андрей Павлович — генерал-лейтенант полиции в отставке, родился в Болотном в 1957 году, после окончания Омской высшей школы милиции МВД СССР в 1978 году начал свою трудовую деятельность в родном районе старшим инспектором уголовного розыска. Отличился тем, что прекратил систематические бессмысленные смертоубийственные драки между микрорайонами в городе Болотное, сам лично обезвредил несколько десятков уголовников, в некоторых случаях вооружённых, за что был неоднократно удостоен ведомственных и государственных наград.

Сатана

Арефа лежал под раскидистой берёзой, тень давно не укрывала его прохладным одеялом, он грелся под солнцем, но уже наблюдал далёкую тучку, которая текла по глубокому морю неба, играя в какую-то свою, почти детскую игру, изображая то рожицу, то гуся, то кулак с выставленным вверх пальцем, а то и чудище клыкастое.

— Вот и яблочко с царского древа, теперь жди грозу, — утомлённо проворчал Арефа.

И правда, чем ближе приближалось облако к истомлённому нежной ленью Арефе, тем основательнее наполнялось грозовой тяжестью, а когда перевалилось через речку Болотную, вдруг злобно выплюнуло молнию и дробно, будто хохоча, загремело на всю округу.

— Ну-ну, — улыбнулся Арефа и отполз подальше от дерева. — Эка дура! Разыгралась, так ведь и пришибить может!

Он скинул одежду, скрутил и ткнул весь комок в кожаную сумку, которую предусмотрительно бросил на нижний венец берёзы.

Дождь начался не вдруг, сначала ветер рванул длинные волосы Арефы, сдвинул бороду набок, а потом, пробежав стеной по болотному камышу и осоке, ударил в грудь, залил глаза, прилизал голову мокрым

языком. Арефа стоял, крепко упёршись ногами в землю, протянув руки, будто пытаясь обнять стихию. На землю упала тёплая июньская гроза, после которой начинает всё расти бурно и красиво, разрывая землю молодой порослью, поднимая лиственной наст, отодвигая тяжёлые камни. Земля вздрагивала от раскатов грома, туча скалилась молниями, а каждая ямка уже наполнилась водой, переполнялась и вытекала прочь, соединялась с сестрой: одной, другой и прочими, — и уже бурным потоком по ведомой только ей тропе устремлялась в прибрежный камыш.

Шёл по земле человек, топал по дороге широкой вдоль реки полноводной и могучей, потому и дорогой её прозвали, что она текла вдоль реки и напрямиком на север, не заплутаешь, даже если пьян, да и зверь шума и суеты сторонится. Дорога — дело надёжное. Но человек наш упрямый, и не надо ему на север, ему бы на другую реку перейти. И свернул наш путешественник и двинулся ровно встреч солнцу, и теперь уже не дорога под ногами, а путь неведомый и опасный, потому как нет теперь под боком реки, а только звезда Полярная — спасительница небесная над головой. Идёт человек с запада на восток, по Великому Сибирскому пути. Труден и опасен путь от реки до реки, но на то и говорят: в путь собрался — не робей. А есть ещё тропинки, и прокладывает их сам человек на свой страх и риск — торопится, значит, но тут уж пеняй на себя, коль заторопился по тропинке, считай, пропало.

— А-а-а!!! Караул! На помощь! — пробиваясь сквозь шум ливня и грома, принеслось с реки.

— Ну, наконец-то, добрался, — проворчал довольный Арефа, подхватил заранее приготовленный

длинный шест с сучковым крюком на конце и побежал к речке Болотной.

Человек елозил в тине, потешно шлёпал по грязи руками, неистово и уже нечленораздельно орал, но всё основательнее погружался в грязную преисподнюю. Когда утопающий увидел Арефу в одной набедренной повязке с мокрой бородой и повисшим прядями вдоль скуластого лица волосьём, то умолк от удивления и притих.

— Изыди, сатана! — вдруг заорал человек, попытался перекреститься и неистово и судорожно возгласил: — Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: «Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи...»

— Ну, как хочешь, — удивился Арефа, который уже вошёл в болото и приготовился протянуть спасательный шест. Он развернулся и шагнул прочь.

— А-а-а! — опять неистово заорал тонущий, дёрнулся вверх и неожиданно осел по самое горло.

— Вот и ори, — миролюбиво ответил Арефа и сел на кочку, наблюдая процесс утопления.

— Па-ма-ги-те! — пробулькал человек.

— Ты решил определённо или ещё помолишься? И я не зря теперь полезу в болото? — невозмутимо и спокойно спросил Арефа.

Человек сказать уже ничего не мог, только руки тянулись к спасательному шесту.

— Ну, тогда живи, — и Арефа потянул утопленника на берег.

Руки несчастного оказались предельно слабыми, а шест скользким, а потому Арефа изловчился и крю-

ком зацепил одежду на его загривке и уже безропотное, чёрное и худое, червячное тело вытянул на берег. Человек сплюнул чёрную мокроту, Арефа вышел на берег, срезал с ног ребром ладони жирную, вонючую болотную грязь и, ступив в лужу, омыл ноги и руки.

— Вот спасаешь вас, спасаешь, а пока спасаешь, такой дряни наслушаешься!

Утопленник притих.

— Ну что, иеромонах Сильвестр, спас тебя сам Сатана. Всё! Не видать тебе Царствия Небесного. Продал ты нечистой силе душу свою несчастную, на жизнь свою ничтожную променял.

И вдруг чёрное тело завывало тихо, неистово и по-звериному, а ливень исчез, но явилось солнце, по-прежнему яркое и чистое, отчего скорбный вид грязных людей стал смешным.

Арефа ещё посидел немного на удобной кочке, потом потыкал монашка спасательным шестом в спину:

— Ну, будет причитать, пойдём пёрышки чистить. Сегодня я тебя исповедать буду да на путь истинный наставлять.

Арефа снял свою сумку с берёзы и, передав монаху шест, решительно зашагал прочь, а чуть поодаль за ним поплёлся монах в обвисшей от грязи рясе, с такой же чёрной сумой через плечо и с шестом, который одним концом волочился по мокрой траве.

Арефа повернулся к отставшему монаху и стал ждать.

— Ты как-то шевелись, а то совсем размякнешь. А спас тебя я, а зовут меня Арефа.

— Я слышал про тебя, — ответил Сильвестр, — ты колдун и идолопоклонник.

— Чуть ранее сатаной был, а теперь ты меня до колдуна повысил. И то благо! Ты лучше скажи, кто тебя гнал? С какого перепугу ты в самую болотину полез и чуть было не утоп? Чуть далее мост есть, камнем переход мощён, а через саму речку мосток поверху брошен.

— Господь попустил, — отрешённо ответил монах, но будто что вспомнил, сказал уже бодро: — На всё воля Божья!

Сильвестр перекрестился и вдруг встал как вкопанный: прямо на них из светлого березняка вышел огромный Белый волк с пепельной проседью вдоль спины и хвоста и сел в ожидании путников. Сильвестр упал на колени и зашептал:

— Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: «Заступник мой еси...»

— Будет причитать, — прервал монаха Арефа, — это мой друг и охранник, он всегда рядом со мной. Арефа поравнялся с волком, ласково потрепал его по огромной голове, тот улыбнулся и пошёл с ним рядом. — Вставай и пошли. Не бойся волка, себя бойся и собственной дурости.

— Вот, я вижу, сам Сатана помогает тебе!

— Ты только что сказал, что на всё воля Божья!

— Ты волю Господа нашего Иисуса Христа не путай с искушением сатанинским, — Сильвестр перекрестил волка, но тот никуда не пропал.

— Ну вот, ожил, и голос прорезался, и дерзость из-под грязи засверкала! Вишь, оказывается, ещё есть одна воля, и совсем не Божья, а сатанинская. А ещё, подскажу тебе по секрету, есть воля человеческая!

— Нет воли человеческой, есть только Божья воля и поущение его для вразумления и наставления на путь истинный.

— Во, бля, как это у вас скользко-то, как в болоте! Лжёшь ты, если бы не моя воля, жрал бы тебя уже червь болотный, а я по воле своей человеческой лишил болотную живность закуски сладкой, хоть и тощей.

Сильвестр остановился, подтянул шест, положил его на плечо и уже весело заключил:

— Если бы не воля Божия и не ангел мой Хранитель, которого Господь мой приставил на защиту мою, ты бы не оказался рядом со мной, а сидел бы дома.

— А я и сидел дома, угощение для тебя готовил, а потом пошёл тебя спасать. Смотрю, к полудню солнце поднялось, и думаю, пора идти, утопленник к болоту подходит.

— Вот! Ангел мой Хранитель поднял тебя на крыло своё светлое, и ты, Арефий, спас меня! — Сильвестр упал на колени, откинул шест и неистово начал молиться. — Господи Иисусе Христе, молитв ради Пречистыя Твоя Девы Матери и всех святых...

— Послушай, Сильвестр, я, конечно, понимаю твою радость, но если ты у каждой берёзки на колени падать будешь... Давай уж пойдём. И палку не забудь.

— Вот нет у тебя, Арефий, уважения к святому сану моему, — Сильвестр поднялся с земли.

— Есть, батюшка, есть! — Арефий подтолкнул священника в спину. — Особое у меня к тебе уважение, потому и не позволил тебе утонуть в грязи вонючей раньше срока.

Скоро они спустились в глубокий падун, по дну которого текла тихая и чистая речка Йыксу. На берегу, у широкой заводи обнаружилось кострище, лавка и стол из толстых тесин. Рядом лабаз на двух столбах, в коем хранят продукты от любопытствующего зверя. Под лабаз лёг волк, положив огромную голову на могучие лапы. Он замер, только глаза наблюдали за происходящим.

— Скидавай одежи и ступай в моё арэфьевское море, здесь и себя помоешь, и рухлядь свою постираешь, да на кустах высушишь, — Арефа подобрал брошенный спасательный шест и с силой воткнул его крючком в берег. — Пускай растёт, зачем пропадать, красивым деревом станет, в воду смотреться будет. Арефа потрогал шест, остался доволен, потом зашёл в воду, ополоснулся, проплыл чуток и вышел на берег.

— Ну, Сильвестр, как отмоешься, заходи в дом, не побрезгай, — и Арефа шагнул в сосняк.

Сильвестр мылся с задором и что-то непрерывно шептал, потом вдруг перекрестился и со слезою вознёс к небу:

— За всё благодарю тебя, Господи! — и вдруг неистово запел: — Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя! — да так громко, что Белый под лабазом удивлённо поднял голову.

Потом уселся на береговую травку и начал доставать содержимое своей сумки. Там был размякший кусок хлеба, деревянный крест, лампадка, примятая с одного боку чаша для святых тайн, погнутые восковые свечи и Евангелие. Сильвестр раскрыл промокшее Евангелие и заплакал. На берег вышел уже

переодетый и причёсанный Арефа, подал Сильвестру овальную и глубокую чашу.

— Испей! И не вой, книжку мы твою выправим, ещё поживёт. Пей до дна, мой напиток мысли в порядок укладывает.

Монах отложил Евангелие, быстро перекрестил чашу, принял её двумя руками и, заглянув внутрь, прошептал:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь, — и начал сосредоточенно пить. Жидкость текла по подбородку и шее, Сильвестр закрыл глаза, шумно вдыхал носом пряный аромат неведомой хмельной настойки.

Он выпил всё досуха, облизал губы, посидел, отдышался и вернул Арефе чашу:

— Золотая?! — догадался он. — Очень тяжёлая.

— Золотая, — согласился Арефа, — у меня много золотой посуды. Пошли, закусывать будем.

Тут же на берегу, за двумя разлапистыми соснами с отломанными макушками, закрывшими вход в небольшой распадок, расположилась хижина Арефы. Это строение трудно было назвать домом, его жилище врезалось в обрывистый край небольшого овражка, наружу выступали две бревенчатые стены, с одной стороны обозначился низкий вход, а с другой — оконце, затянутое бычьим пузырём.

— Это твой дом?

— Нет, это мой скит, тёплый и уютный. А главное, здесь нет гнуса.

— Почему здесь нет гнуса? — Сильвестр вдруг почувствовал небольшое головокружение и облегчение. — С тобой не может жить гнус?

— Не может, ни черт, ни дьявол, и никакая нечистая сила со мной ужиться не может, и даже мысли дурные со мной не живут. Вот и ты бы не смог.

— Я?! А почему? — удивился Сильвестр.

— Потому что всякая нечисть живёт в твоей голове, мне это не пережить.

Скит был просторен: у окна — стол и такой же грубый стул, что называется сделанный из-под топора, скамья вдоль стены и множество полок на стенах. Напротив входа — очаг из камня, углублённый в глиняную стену, в дальнем углу высокий лежак с толстым слоем сена вместо перины.

Сильвестр оглядел углы, не нашёл икон и перекрестился:

— Помилуй меня, Господи! А что же это, русский человек, у тебя в скиту иконки даже нет, ни Спасителя нашего Иисуса Христа, ни матери его Пресвятой Богородицы? Ни почитаемого в пределах сибирских Николы Угодника Мерликийского?

Арефа усмехнулся, поправил бороду и заметил:

— Ну вот уже поучать начал, значит, хмель до правильного места дошёл. Сядь, несчастный, и прежде чем проповедь мне читать, поешь, подкрепишься, да вот ещё настоя отхлебни, а потом ответишь: зачем мне, русскому человеку великого славянского рода, молиться еврейским богам, если я сам в Боге живу?

А Сильвестр вдруг увидел посуду на столе:

— Золотая?! — опять удивился он, сел за стол и потрогал посуду.

— Золотая, брат, золотая. Ты не волнуйся, поешь: вот лепёшка овсяная, вот медок, здесь недалеко в дуле позаимствовал, а если хочешь молочка, по-

пей козьего, коровы-то у меня нет, а козочка справная.

— Монахам только постное положено, ни молочка, ни мяса нам никак нельзя. Арефа, а откуда у тебя столько золота?! — Сильвестр обвёл взглядом стол. — Тебя же ограбят.

— Нет, не ограбят. Золото это из могильников, ты ешь, а я расскажу. Трое их было бугровщиков — грабителей могил, везли награбленное домой, уже по осени, лет эдак двадцать тому назад. Да, видно, повздорили, не поделили чего и не доехали. Третий-то посильнее был, двоих убил, а его, раненого, звери доели. Да знаешь ты всё, сам казачков и крестьян после посевной курганы могильные грабить благословлял. Уже ни единого целого не осталось, все могилы племён местных переворошили. Татарин — поганый, идолопоклонник — поганый, а пришёл христианин и, помолясь, могилку разорил, золотишко выгреб. Вот ты мне объясни, почему татарин поганый? Он же человек, семья у него, свои законы и понятия, а ты его в поганцы записал?

— Некрещённый, потому и поганый, нечистый, а потому и место ему в аду.

— А ты, значит, чистый, крестился и душа уже в рай попала?! Эко как ты лихо распорядился с иными, сразу отправил «в ад».

— Сразу! — Сильвестр поднял чашу с хмелем, покачал, пробуя на вес. — Тяжёлая.

— А если это дитя некрещёное?

— В ад! — Сильвестр приложился к чаше и сделал несколько глотков, потом нашёл закуски и начал есть.

— А если это человек, который людей спас и себя не пощадил?

— Нет креста — в ад! — Сильвестр утвердительно постучал пальцем по столешнице.

Арефа подсел к столу:

— Ты, Сильвестр, понимаешь, сколько людей сейчас в ад отправил?

— Иисус сказал: «Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие».

— Понятно, всё просто, если не крестился, то рая тебе не видать, а это значит: ступай в ад на вечные мучения! Эко как вы приспособились: если хочешь в рай, иди под крестовый венец, а получив печать христианскую, ты, вроде, уже и свят. Эко хитро вы паству свою собираете, лукавый вы народ, святые отцы, ох и лукавый, — Арефа задумчиво, погладил свою бороду. — А те, кто тысячу, пять тысяч лет назад жили да померли, как с теми, что в курганах лежат?

— В ад!

— Так Христа ещё не было! Ну ладно, а я? Я сегодня христианина спас? А мне куда?

— В ад!

— Вот ты взрослый человек, сан у тебя, грамоту разумеешь, — Арефа вновь начал гладить бороду, — а рассуждаешь как дитя неразумное. А может, тебе эти мысли бес подсказал?

— Христос сказал: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное», — Сильвестр поискал по углам икону, не нашёл и перекрестился просто так.

— Человек верует как дитя, человек без веры жить не может, — задумчиво сказал Арефа. — Он веру-

ет в любую сказку, которую объяснить не может, потому что не дано ему знать многого. А что вы с этой верой делаете? Обманом живёте, волю человека забираете.

— Вера Христова охраняет человека от греха, направляет на путь истинный. Вера Христова — это лекарство, это противоядие от греха.

— Так почему же ни священник, ни власть, которая крещёная, не остановили бугровщиков могилы грабить? Потому что корысть выше Христа? Печать дикости в сердце вашем, потому и потомки ваши презирать будут вас, могилы ваши терзать и храмы жечь. Но невдомёк вам, что ваше презрение к иноверному — причина ваших бед. Презирая «поганных», сами погаными стали.

Арефа поставил перед Сильвестром серебряное блюдо с запечённой и укутанной в ревень-лист рыбой.

— Ладно, разговоры разговорами, а ты испробуй кухню мою! От рыбки-то, поди, не откажешься. А такую ты не едал никогда, потому как Арефа чудодействовал над ней со вчерашнего дня, чтобы накормить несчастного утопленника.

— Серебряная, — поскреб ногтем блюдо Сильвестр, — тоже из могилы?

— Из кургана, но я помыл блюдо, не отравишься. Бери рыбку руками, и зелень бери, и лепёшку. Ешь без оглядки, покойники они не ядовитые, живые — ядовитые.

— Ты, Сильвестр, говоришь: я раб Божий, а я говорю: я друг Божий.

Ты говоришь: Христа распяли за грехи человеческие, а я говорю: Бога, за которого сжигают людей, не существует.

Ты говоришь: человек рождён во грехе, а я говорю: человек освящён рождением.

Ты говоришь, кто не крещён, тот пропал, а я говорю: печать не заменит Бога в сердце.

Ты говоришь: бойся Бога, а я говорю: люби Бога.

Ты говоришь: власть от Бога, а я говорю: Любовь от Бога, а власть от подлости, хитрости и денег, которые помогают владеть рабами. Ты теперь понял, святой отец наш, почему мой путь к Богу без вас?

— Без церкви святой, исповеди, причастия Святых Тайн, без знания Евангелия и пастырского наставления твой путь к Богу будет тернист и неведом. Без опытного поводыря не найти дороги к благодати Божией. Сатана поймает гордыню твою, пообещав все блага земные, и уловит душу твою грешную и заберёт в царствие своё поганое на вечные муки. Христос — Благодать наша и путеводная звезда — есть единственный путь в Царствие Небесное. Заповеди Божии — есть ключ в Царствие Небесное. Молись, раб Божий Арефий, Богу нашему Иисусу Христу, Матушке Пресвятой Богородице, апостолам и святым отцам церкви христовой, проси прощения за грехи свои идолопоклонные и проси помощи в стяжании Духа Святого, и пребудет Благодать с тобой. Смири гордыню свою неуёмную и молись, молись денно и ночью Богу нашему Иисусу Христу, и будут услышаны молитвы твои, и благо пребудет с тобою. Аминь.

— Молодец, — слегка хлопнул Арефа монаха по плечу, — как сладостна проповедь твоя! Благодать так и полилась по усам моим, да в рот не попала. Ты посмотри, как ты изловчился! Это не делай, и это грех, и то не тронь, и здесь не моги, а лучше смирись и терпи, и за то будет тебе Царствие Небесное. И даже не

Царствие Небесное, а токмо обещание. А есть оно, али нет — это ещё бабка надвое сказала. Ты, батюшка, не монах, а купец, будто в торговом ряду рядишься: вот, мол, Арефа, твоя жертва смирения, а вот тебе и плата за терпение. Ты, значит, пастух, а прочие — паства, и не в ответе ты ни за кого, ни за отца и мать, ни за сына и дочь, а токмо за душу свою и поступки перед Богом и людьми. Всё разделил, весь мир человеческий на куски порвал, а вдуматься ежели, то всё ради злата-серебра, почестей и власти над душой человеческой. Страшные вы люди! Подожди, не перебивай, ты изрядно сладкоголос Благодать сулить, потом тебя не остановишь, — отмахнулся Арефа от начавшего было говорить Сильвестра. — Вот ты говоришь, добро и зло, а что сие есть — не разумеешь. Для тебя зло, когда тебя жрут, а добро, когда ты жрёшь. А после, как насытился, помолился, покаялся и опять свят! И опять Благодать Божия с тобой, а что за фокус эта Благодать, ты и сказать не сумеешь. А может, и сумеешь, потому как ловко свою выгоду приспособил к пониманию добра. Человека учить добру надо, чтобы он человеком стал. Тысячи лет человек умел это делать, потому и сам язык его стал поводырём, ведущим к Богу. А вот ту самую грань, самую что ни на есть тонкую грань, за которой добро становится злом, смогёшь отличить?

— С молитвою и постом, и причастием Святых Тайн человеку всё можно познать! По вере вашей да будет вам, — сказал Спаситель...

— Ладно, понял, не знаешь, а я скажу: если от тебя людям хорошо и в пользу и для твоей души не в убыток — то есть добро, вот и весь сказ! Идешь учить, а не ведаешь! А ещё спрошу тебя, друг ты мой ситный, кто же сказал, что тебя ждёт после смерти? Кто сказал, что есть рай и ад?

— Святые отцы церкви Христовой, преисполнившись Духа Святого, повествуют нам, что грешных по смерти земной ждёт геенна огненная, а добрых, смиренных и покаянных — рай небесный.

Вдруг, трижды перекрестившись, Сильвестр тонко и ладно запел:

— Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое!

— Погодь! Эту песню я уже слышал, — остановил его Арефа, — ещё я хотел понять, очень хочу понять пока непостижимое: зачем вы небо от земли отделили, Бога от человека, воду от огня, а солнце от души, если это всё — и есть мы? Зачем Богу кланяться стали, как Господину? Зачем родство с Богом презрели? Неужто всё это беззаконие ради власти над душой человеческой? Так чем же вы тогда лучше Сатаны, коль живёте по законам его? Вы закрыли небо для людей туманом страха, они живут в темноте, не видя Создателя, утратившие свободную и личную связь с Ним. У вас святость постигается через унижение духа и тела: вериги для тела, вериги мученика для духа, которые сковали волю человека до скотского, безропотного состояния. Людей вы называете стадом, а человека рабом, забыв или намеренно скрывая, что человек есть часть Бога, есть смысл и содержание жизни, созданной Богом. Без человека — нет Бога, без Бога — нет человека. Разъединив человека и Бога, вы внушили страх перед Отцом близким и вечным, а придуманная вами смерть лишила человека мужества и воли.

Даже любовь у вас — это жертва, а не радость! Всё утопили в море страданий, всё погрузили в черноту страданий и вонь мертвечины. Ваши символы страшны и противоестественны: на груди вы носите орудие

смерти, грызёте гробы и целуете трупные кости, а причащаетесь кровью и телом Христовым! Не от избытка чувств идет ваша любовь, а от страха, а потому эта жертва не Богу и людям, а Сатане.

Любовь есть закон вселенной, коему служит всё на земле, любовь — благодать от души светлой и праведной, вольной и радостной, а не жертва от души угнетённой, раболепной, слепой от страха и безволия.

— Ты Арефа — Антихрист!

— Нет, не я, а вы! Это вы Антихристы! Я чту Христа как великого пророка и человека уже потому, что у Бога национальности нет и быть не может! Ибо всякая избранность рождает зло. А не избранность ли стала источником вселенского зла?

Вы убили и сожгли именем Христа миллионы людей, загнали их в рабство духовное, забрав волю, — вот цель Сатаны, которую воплотили вы и наполнили землю горем.

Разговаривали Арефа с Сильвестром бесплодно, они не слышали друг друга.

— Ну, брат, пора. Идти тебе вёрст двадцать, Белый проводит тебя.

Они вышли на берег, и вдруг Сильвестр всплеснул руками:

— Евангелие! Я забыл Евангелие! — монах кинулся в скит и скоро вернулся с книгой в руках. — Смотрите! Чудо! Чудо свершилось! Высохла, и грязь отпала и следа не оставила! Вот что значит Святая Книга! — Сильвестр неистово перекрестился.

Волк поднялся навстречу монаху и угрожающе кланулся клыками. Сильвестр замер и от страха упал на колени и, обхватив голову руками, уткнулся лбом в землю:

— Живой в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго... — зашептал он.

— Сильвестр, — прервал его Арефа, — сей псалом длинен, ты просто верни, что не твоё, и Белый поведёт тебя самой короткой тропой.

Сильвестр открыл наплечную сумку и вынул золотую чашу.

— Хотел переплавить на крест для богослужения в Чаусской обители, — в его глазах была унижительная просьба.

Арефа молчал. Белый не шелохнулся и стоял как вкопанный. Сильвестр понял, что жертва храму не состоится, быстро вошёл в скит и положил чашу на стол. Арефа снисходительно улыбнулся:

— Золото, брат мой Сильвестр, это бич церкви. Лучше бы вы молоко пили и мясо ели, глядишь, и к Богу дорогу нашли. Вместо того, чтобы исправить себя, избавиться от жадности и подлости, вы за тысячу лет придумали оправдания на все свои злодеяния. Лжёте, крадёте и убиваете ради «правды божией», а Бога мните своим соучастником, который не только поможет, но тут же простит все прегрешения ваши.

По берегу речки Ёыксу шёл величественный Белый волк, за ним следовал худенький монашек, истовый и грешный проповедник веры Христовой иеромонах Сильвестр. Вдруг, будто что вспомнив, монах развернулся, чуть было не упал, встал, широко перекрестил Арефу и поклонился ему до земли.

Арефа улыбнулся и подумал: «Нет, не лицемер и не вор, а дитя глупое, то и спасает его и милует».

Арефа приложил руку к груди и поклонился вслед монаху.

Золотая рыбка

Арефа встал с нагретой, чуть скрипнувшей деревянным суставом постели, вышел во двор, наступало время утреннего клёва, огляделся: под лабазом было пусто, значит, Белый волк или загулял, или на охоте, а кадушка стояла на месте и заманчиво полнилась мягкой дождевой водой. Дед с азартом и мальчишеской удалью прыснул тяжёлые капли в лицо и на шею, стянул рубаху и ухнулся весь в настоящую темноту бочковой воды, пропахшую прелой сыростью и детством. Потом растёр руками голову и уши, уши особенно, ему казалось, что от этого не только уши загораются алой зарёю, но и мысли. Он энергично утёрся мягкой тряпицей, висевшей тут же на берёзовом сучке, отжал бороду, но протирать её досуха не стал, знал, что она всё равно ещё долго будет орошать неожиданными каплями тёплую грудь.

Светало, но серые сумерки были ещё густы, значит, солнышко где-то там, в темноте уходящей ночи, борется с назойливым потусторонним миром, чтобы зажечь новый день и дать земле новую жизнь.

Арефа ещё с вечера приготовил короткую удочку, безупречную наживку и высокомерный садок для рыбы. Он шагнул на берег, который начинался сразу же за ветвями разлапистых сосен и густым кустарником шиповника. На берегу кострище с таганком, казанок

лежал рядом чёрным пузом вверх; немного в стороне от кострища чуть над землёй возвышался Алатырь-камень, в его плоской ложбинке всегда собиралась утренняя роса, прикрытая несколькими хвоинками, камень был чёрным, как казан, но с проблеском искристого кварца. А над Ёыксой распластался редкий слоистый туман, таинственный и смиренный, он висел неподвижно, стыдливо и безысходно прикрывая противоположный берег, будто девица, застанная врасплох.

Арефа наживил крючок, поправил прикреплённый к конскому длинному волосу поплавок из сосновой коры, короткий взмах, лёгкий плюх и умиротворение: дело сделано, рыбалка началась. Он удобно уселся на берегу и устался на неподвижный поплавок. Именно во время этого неторопливого промысла у него обострилось желание погрузиться в потаённые думы.

Но потянул... нет, не ветер, а произошло движение воздуха, совершенно не ощутимое, и если бы всё та же стыдливая вуаль робкого тумана не двинулась вниз по течению, то никто бы и не заметил этого движения воздуха. Арефа оторвал взгляд от поплавка и увидел, как разгорается, светлеет кромка неба, как невидимое ещё солнце уже погнало волну тёплого и свежего утреннего воздуха по всей земле. Заря раскалялась, вот она уже ярко-белая, ясная, с видимыми лучами, которые волнуют небо, и вдруг золотая полоска начала увеличиваться волшебным и уверенным образом. Арефа отложил удочку, встал и поднял руки встичь солнцу!

— Никогда и ничего подобного не сотворить человеку! — прошептал восхищённый Арефа.

Он во все глаза глядел на всё растущую кромку солнца, похожую на Золотую рыбку, подплывшую к берегу земли, и вдруг удилище под ногами дрогнуло,

а корявый поплавок исчез, Арефа схватил удочку, подсёк и потянул к берегу. На крючок попался совсем ещё юный золотистый карасик.

— Масенький ты мой, — прошептал умилённый Арефа, встал на колени, опустил руки в воду и подтянул к себе в ладонь смиренное и покорившееся тельце маленькой рыбки. Не вынимая рук из воды, чтобы не обжечь малыша своей теплотой, бережно освободил крючок и разжал ладонь. Карась не двигался, стоял в ладони под водой и только изредка шевелил хвостиком.

— Ну, давай же, убегай!

И карась услышал деда Арефу и даже, наверное, понял, о чём он говорит, потому что вмиг, ударив по воде хвостиком и подняв пару тяжёлых капель, исчез в глубине.

И тут деда осенило, он отложил удилице, на секунду замер, глянул на солнце, которое уже уверенно обосновалось над землёй, и побежал в хижину. Он сел за стол, открыл тетрадь и бережно, но уверенно вывел: «Человек — Бог своей жизни!»

Дед откинулся на спинку стула, немного подумал и заскрипел пером:

«Не раб, не пыль и не игрушка в руках Создателя, а Бог своей жизни! Потому что человек сам творит свою судьбу и складывает свою жизнь из слов и поступков. Человек по подобию Божию творит свою жизнь каждый день и каждый час, наблюдая великие труды Создателя, сам силится создать прекрасное!»

Арефа бережно, как садок с пойманной рыбой, закрыл свою толстую тетрадь и решил больше не рыбачить, он сегодня уже поймал свою Золотую рыбку, его душа утешилась, а для живота ему хватит и вчерашней каши.

Древо жизни

Алатырь-камень Арефа обнаружил несколько сотен лет назад на берегу речки Ёйксу рядом с кипучим родником и понял, что сама судьба привела его на святое место, где соединились все четыре стихии. Камень был чёрен и только при дневном свете поблескивал кварцевыми крапинками. Много тысяч лет назад между Обью и речкой Болотной упал огромный метеорит в тысячу тонн, он выбил в земле кратер больше семи вёрст от края до края, а воды местных речек заполнили его и образовали огромное Круглое море. Люди покинули эти места, посчитав их проклятыми. В пяти верстах от кратера Арефа нашёл огромный камень — осколок той кометы, оплавленные бока указывали на его небесное происхождение.

Находка божественного Алтаря сделала его совершенно счастливым, и он обустроил здесь же рядом в небольшом и скрытном распадке свою хижину, врезав её основную часть в обрывистый склон, внутри сложил из метеоритных мелких осколков каменный очаг и умело вывел дымоход. Его жилище напоминало скит древнего отшельника-ведуна и было скрыто от посторонних глаз.

Сегодня первый день месяца листопада, тихий, солнечный и тёплый день октября. Арефа надел белые одежды, развёл в углублении чёрного камня жертвенный костёр. Сегодня он хотел говорить с богами.

Костёр разгорался неторопливо, Арефа подложил ещё сучков, собранных в лесу. Дым ровным столбом поднимался вверх, когда огонь охватил весь хворост, Арефа накормил его жертвенным жиром. Над головой светило солнце, согревая отцовским оком прекрасную землю, костёр с сыновьей любовью устремил свои языки пламени к нему, а дым чёрным сказочным деревом вырос до неведомых высот, там разделился и образовал чёрную и пышную крону.

Арефа стоял, опершись на палку, которой изредка поправлял пищу костра. Он смотрел на огонь и поднимавшийся дым, изредка подливал жертвенное масло, которое с новой шипящей силой устремлялось ввысь. Арефа зорко наблюдал, пытаясь в огне и в клубах чёрного дыма разглядеть тайные знаки. А вопросов у старика было много. Уже не одну сотню веков люди страдают, не одно поколение не прожило жизнь без войны, утрат, разорения и предательства. Русь стонала, не успевая залечить раны, новые испытания валяли её наземь и пытались убить! Она поднималась, находила в себе силы, чтобы жить и бороться дальше.

Арефа шептал слова-мысли, они сгорали в пламени костра и вместе с искрами по дымовому стволу дерева стремительно возносились вверх. Белый волк лежал под лабазом, подняв голову, в его глазах отражался огонь жертвенного костра. Сова сидела на основной ветке, иногда вдруг дёргала головой, понимая тайну происходящего.

Арефа присел на тёплую колоду, раскрыл на коленях громоздкую тетрадь из толстых и потемневших страниц и начал писать чёрным грифелем:

«Пока народ не поймёт, что стремление к справедливости есть главная его сила, до тех пор он будет жить в рабстве у корыстных людей».

Арефа писал аккуратно, выводил каждую букву, знал, что пишет для потомков, знал, что не доживёт до ясных дней, на пороге стояли новые испытания, продумывалось новое предательство, и лживые языки вероломных и коварных людей будут побеждать пламя добрых и честных сердец. Арефа внимательно разглядывал чёрный столб дыма, потом наклонился над тетрадью и писал:

«Не жалейте врагов — они вас не пожалеют».

Волк, будто поняв, о чём пишет его хозяин, поднялся и сел рядом со стариком, готовый к вызову и бою.

«Не бойтесь смерти — её нет среди светлых дел, но она есть среди павших духом. Смелые живут вечно».

«Берегите мир земной и его красоту, ибо лучшего не существует».

Арефа оторвал взгляд от страницы и вновь стал вглядываться в затейливые языки пламени и дыма, будто считывая с них знаки божественного слова:

«Не доверяйте словам, но, приняв их на веру, будьте готовы держать ответ».

«Принимая иное мнение, извлекайте из него пользу».

«Помогайте страждущим и попавшим в беду, и жизнь ваша наполнится смыслом».

«Почитайте прошлое, и соседние народы будут искать вашей дружбы».

«Мы рождены для борьбы за свободу, справедливость, любовь и человеческое достоинство».

«Бог дал тебе жизнь — оправдай доверие».

Волк, неподвижно и торжественно сидевший по правую руку Арефы, вдруг простонал, будто от дум, а Сова сорвалась с ветки и села на левое плечо старика, прихватила клювом вихрь на голове Арефы и слегка потрепала его, будто похвалила. Костёр догорал, вся сила пламени его вернулась от Бога силой Слова и Мудрости.

Историческая справка

1. В пятидесятых годах прошлого столетия люди стали применять аэросъёмку, и вдруг выяснилось, что на поверхности Земли есть округлые геологические структуры необычного строения. Комплексное их изучение показало, что это следы ударов космических тел, которые позже назвали астроблемами. В настоящее время число достоверно установленных крупных ударных кратеров на земном шаре превысило сто пятьдесят, в том числе двадцать из них — на территории России. Размеры метеоритных ударных кратеров различны и колеблются от 10–30 метров до 300 километров. Так же сильно колеблется и время их происхождения — от миллионов лет и до наших дней.

Одна из астроблем находится на территории Болотнинского района около деревни Новая Поляна. Диаметр кратера Новополянской астроблемы семь километров, кратер окружён пологим склоном

высотой 4–8 метров. Дно ровное с небольшим подъёмом в центре. Южные и восточные части структуры заболочены. Вдоль восточного края сохранились следы радиальных микроразломов. В 15 километрах западнее кратера протекает Обь. В прошлом Новополянская астроблема была заполнена водой.

Большинство метеоритов полностью сгорают в воздушном пространстве Земли, они редко достигают поверхности и не создают кратеров. Наш Новополянский ударный кратер — редчайшее явление, потому что метеорит, рухнувший на Болотнинскую землю, превышал тысячу тонн. И только наши потомки узнают о нём нечто новое, когда изучат дно кратера и узнают структуру и состав метеоритного материала.

2. Число тринадцать, идущее после двенадцати (после завершения предыдущей дюжины как полноты, наполненности определённого уровня), символизирует переход на высший уровень.

Число тринадцать означает новое, новую жизнь, новую ступень развития.

Дамба

В давние времена по приказу царя Александра I вдоль Московского тракта велено было стать селу Болотнинскому с постоянным двором и почтовой ямщиной. И приехали обустроить новое село купцы молодые и со всего свету, ну не то чтобы худые какие, но и не первой-второй гильдии, а помельче, но тоже сноровкой отличные, с глазом острым, желанием великим разбогатеть, а каким образом — это уже как чёрт на душу положит. Приехали на пустое место, от государства получены льготы, а главное — никаких конкурентов нет — какие конкуренты в чистом поле?

В те времена Московский тракт строили все: и казённые люди, и наёмные, и по приказу от каждой деревни несколько мужиков по месяцу обязаны были и мосты строить, и гати мостить, и ямы ровнять. А для того заманивала канцелярия в Сибирь народец со всех пределов Российской империи, чтобы селились вдоль тракта, обживали его. Не хватало народу-то! Кто ж в Сибирь по своей воле поедет? Только тот, кому на родине не в милость, земли ли нет, отчего голодно, или по какой другой нужде. Заселили и «тряской и лаской», так что народ здесь всякий живёт — одни воруют, другие ловят.

Прежде чем железную дорогу класть, топографы шли, и в тех экспедициях Арефа участвовал и коновозом, и шурфы копал, а однажды поваром подвизался. Ничё, хорошо готовил, никто не обгадился за весь изыскательский сезон, а было это в 1870 году.

Через двадцать лет вслед за военными топографами, как бы по второму кругу, пошёл исследовать нашу местность Николай Павлович Меженинов. Арефа и у него поработал, и как самый опытный и трезвый человек был на разных работах, но от поварского дела напрочь отказался.

Прошёл вновь Арефа по Средне-Сибирскому пути, по реке Болотной, на этом месте подсказал дамбу прудовую ставить, откуда и запланировали качать для паровозов воду чистую и в достатке. Просчитали инженеры сие предложение — и площадь впадины, и обилие родникового и паводкового водосбора, которые верно позволяли надеяться на стабильный уровень воды в будущем водохранилище. Проверили, подивились, утвердили, Арефе казённую премию выписали.

Но об одном просил Арефа — бор за речкой Болотной не трогать, потому как такой красоты больше нигде нету. Так и случилось, и поныне к бору реликтовому отношение у людей бережное, ни одна рука не поднялась на дерево живое.

Работы велись, конечно, под приглядом инженеров. А те — молодые, задорные и воспитанные. Месят сапогами болотину топкую вдоль дамбы будущей, колышки велят ставить, поглядят-померяют в прибор затейливый и опять спорят, но интеллигентно, без матюков и мордобоя, но громко.

И назначили Арефу, как человека сведущего и толкового, сотником — контроль вести за земельными работами. И поехали с двух сторон на дамбу землю возить: в одном месте грузят, а в другом разгружают, и одна подвода за другой — любо-дорого посмотреть.

А подводы все из деревень, роптать мужики начали, мол, лошадей загоним, но Арефу не обойти, сразу понял, что лукавят, — приструнил. А потом, как получка случилась, посчитали мужики гроши и с другим настроением работать принялись. А Арефа следил, чтобы лошадь не простаивала и чтобы не обидели кого, десятников держал в узде, а то по харе, бывало, врежет. Кулак-то у него работающий, натруженный, пару зубьев сразу выносил. Не крали у рабочего человека, не позволял Арефа.

Лошадёнку ему выделили, хорошую, смирную. А жара в то лето случилась просто страсть какая лютая, невыносимо работать. Уже без сапог, чуть не в исподнем, обдаст Арефа себя водой, ведра два выльет на голову и опять в пекло закипать идёт. Но хорошо иное, земляные работы в слякоть делать не с руки, скорбно в грязи возиться. И комар, вот, ни комара, ни мошки, только овод изредка сдуру ударит лошадёнку по крупу, та махнет хвостиком, и опять благодать.

Обед. Бабы всё те же из Болотной, варят тут же на печках из кирпича, солидно, печи с плитой чугунной. Под навесами от дождя и пекла — столы из плах и скамейки. Обед, по рельсе Арефа как даст, аж косынки у девок с голов срывает, значит, обед. Спиртного ни-ни, у одного ухаля увидел и об тот же рельс бутылём, а у того ухаля аж слезу вышибло. А Арефа ему,

мол, сукин сын, в следующий раз штраф назначу. И всё.

А сам в бор уходил, к сосне древней, что на взгорке. Подойдёт к дереву, обнимет ствол необъятный, а кора солнцем и теплом пахнет. Тенёк кругом, солнце к обеду к Павинскому мосту утекает, за лесом не видать его. Сядет на корневище у ствола, оглядит простор и стройку великую и представляет, как заплещется здесь огромный пруд, а в нём рыба всякая, хочешь — неводом тyani, а хочешь — ведром черпай. Закроет глаза, бывало, придремет.

И затеялись бабы меж собой выяснять, а почему Арефа бобылём живёт и всей радости жизни не знает. И говорит однажды Акулина, крепкая хохлушка, круглая да ладная, и не старая — лет эдак под сорок.

— А женю я его на себе, — говорит бабам-помощницам.

— Да на кой тебе старик? — смеётся Дуся — баба уже, но моложе, лет эдак тридцати, и тоже вдовая. — Ему же лет семьдесят!

— Да нет, — не соглашается третья, — лет пятьдесят. Вот, ей-богу, я вижу могучей он ещё. Он, глянь как идётся!

— Ну и чё, что идётся? — удивилась Акулина, а сама смотрит, как Арефа по дамбе вышагивает.

— А я вам вот что, бабы, скажу, если мужик так идёт, значит, у него там всё в порядке! — смеётся третья.

И хохочут бабы на чём свет стоит.

— Ну чё, Дуська, будешь Арефу хомутать, али мне оставишь? — спрашивает Акулина.

— Забирай, не жалко, я себе молодого найду.

— Ага, ищи, вон они все — либо при бабе — то добрый, либо под забором — то нам на утеху. А этот и не матюкаться, и не пьёт, однако, и работающий. По-мою, постригу, зипунишко новый справлю, и засверкает мой Арефа, как новый целковый, но, чур, бабы, апосля конкуренцию мне не устраивать, космы выдерну.

А те ещё пуще со смеху катятся. Арефа вот он, уже рядом, испил водички из бачка с краном, остатки из кружки на шею вылил, а тут к нему Акулина и подкатывает.

— Арефий, а как бы ты мне, вдовой и безутешной бабе, помощь организовал. Нада мне изгородь поправить да крышу на сарайке починить. А я тебе угощение организую, — а сама бабам подмигивает, а те в фартуки смехом фыркают.

А Арефа глянул на бойкую и кругленькую Акулину, всю в сладких холмах и возвышенностях, и отвечает:

— Мужика тебе, Акулина, нада.

— Так кто спорит-то?! — смеётся Акулина.

— Дом без хозяина скоро гниёт, — будто не видит Арефа, что бабы бесятся, — а потому пойдй завтра на станцию, там плотники вокзал ладят, спроси Митрофана, и попроси его тебе помочь. Мужик он крепкий, ладный, умелый и вдовый, а детки у него уже самостоятельные. Чем не хозяин? Сходи, его сосватай, а я уже старый жениться на тебе.

После этих слов бабы и хихикать перестали, насторожились. Ну а как через неделю к Акулине Митрофан жить перешёл, да сколько радости они в глазах у Акулины увидели, тут совсем сникли. И под-

ходит как-то утром к Арефе молодая Дуся и со злою слезою говорит ему:

— А вот что, дядя Арефа! Или жениха мне дай, или сам женись, — и чуть ли не за грудки его держит. — Это почто я в молодые свои годы пропадать должна без мужика и без дитёв?! Али худая я баба, аль не хороша собой, аль руки у меня деревянные? Женись, дядя Арефа, а то, может, и дитя от тебя приживу. Так мне дитяtko хочется помялкать, да грудью покормить. Силы-то во мне — быка завалить могу.

— И мне мужика, — говорит третья, — я вообще ещё девка, непорядок мне в старых девах оставаться, а худого или пронырливого не хочу, вот их сколько из деревень-то наехало, глаз не сводят, а мне мой нужен, единственный. Ладно, — говорит она робко и в глаза Арефе заглядывает, — ты на мне не женись, но жениха-то подскажи. Вон Акулина от счастья вся светится, на неё смотреть глазам больно.

Обступили бабы Арефу, за рубашонку щиплют и чуть ли не воем воют. Убёг Арефа от них к инженерам. А те спорили из-за уреза, мол, одни говорят, что мокрый откос надо в пруд вести, а другие, что стену бетонную ставить — дешевле будет, потому как на один метр дамбы надо шесть метров в воду откос отсыпать — дорого. Чуть не дрались, но экономнее, конечно, было стену бетонную со стороны воды поставить. Поставили, а лет через тридцать поняли, что выгода была временная, бетон потрескался, волны выбили щели и начали точить дамбу. И щебень на дамбу в ямы возить, и камни кидать начали в воду, чтобы воду резали да смягчали удары волн, а дамба-

то с подветренной стороны, ветра у нас юго-западные, как погонит волну от самого Павинова моста, версты две будет. И к концу пруда огромные крутые валуны, будто бычьи лбы, налетали на бетонное препятствие. Какой бетон такое выдержит?! Вода — сила страшная.

А вечером Арефа с бабами поговорил, утешил каждую, благо немного их в обслуге было, подсказал, посоветовал. И просил никому о его женихах не рассказывать, потому что наступала пора новое русло речки Болотной копать, прижимать к правому берегу.

Так и вышло, уже через несколько дней прокопали новое русло, потом огромную яму для обустройства водозабора. От водозабора две трубы идут напрямиком к насосной станции. А уж из насосов вода по трубам на станцию, напрямиком в водонапорную башню. Вот как умно сделали.

Потом мост над новым руслом навели, под ним шандора стенкой встала, и наткнулась на неё река Болотная, закрутилась, запенилась, да куда денешься, стала наполнять чашу пруда, а потом поверх шандорных плах водопадом пошла, а там — в кусты да в кочки родные спряталась.

Но не сдержали бабы слово, данное Арефе, каждой захотелось о своём счастье соседке поведать, и пошли ручьём бабы болотнинские и со всей деревенской округи к Арефе счастья искать. Так и что вы думаете? Убёг ведь Арефа, получил расчёт и убёг, но и дамба уже построена была, вот по ней, по дамбе, и ушёл куда глаза глядят.

Ох, тяжела бабья доля!

Историческая справка

Великий Сибирский путь, а именно так назывался изначально Транссиб (Транссибирская магистраль), был построен в 1891–1916 годы с протяженностью почти девять тысяч километров. Транссиб стал самой длинной железной дорогой в мире.

На всех узловых станциях строились искусственные водоёмы, водонасосные станции и скважины, водонапорные башни, которые и теперь ещё служат людям. Там, где не было естественного водоёма, строились пруды, бурились скважины глубиной до ста пятидесяти метров; чаще всего глубокие скважины дублировали запруды, с тем чтобы обезопасить работу железной дороги, потому что паровозы того времени работали благодаря паросиловым установкам, то есть на паровых двигателях.

Все объекты, обслуживающие железную дорогу, охранялись и содержались в рабочем состоянии.

Болотнинская Водокачка, сохранившиеся до настоящего времени водонапорные башни не являются чем-то исключительным — такие объекты строились по всей длине Транссиба; некоторые из сохранившихся объектов стали памятниками архитектуры.

Амнистия

Улица Московская — это Московский тракт, по которому и денно и ночью курьерские, почтовые, крестьянские тяжёлые, купеческие богатые возницы пыль и грязь месили, а зимой лихими полозьями снежный покров в наст втирали.

А в Болотной перекладные были, кучера промышляли. Много людей по тракту Московскому за эти века прошло, а более кандалники, арестанты, преступники, которые пешим ходом на Сахалинскую ссылку шли. Идут арестанты, цепями гремят — страху нагоняют, а бабки сердобольные промеж конвоя шныряют да хлебца арестанту подают. А конвоиры их не трогали, не обижали бабок, не мешали за Христа ради подать.

Поэт в Болотном жил, Николай Тельпухов, и вот что однажды он написал:

Музей Новосибирска. Под ногами
Расстелена коврами тишина.
Макеты, муляжи и, словно в раме,
В окне широком улица видна.
Обычный день. Снежок...
А чуть правее, на обозренье людям отданы,
На стенде отчуждённо, не ржавея,
Мерцают одиноко кандалы.

Минуту, две — мы смотрим друг на друга,
И, кажется, под взглядом, как в огне.
Они темнеют, скручиваясь туго,
И потянуться силятся ко мне.
Хотят, как встарь, пылить Московским трактом
И, ног моих лодыжки обсосав,
Свалить в кювет — лишь эхо троекратно
Отговорится выстрелу в лесах...

Арестантов, конечно, не стреляли, это поэт лишку
хватил, но на то он и поэт!

Село тихое было, хотя и промышляли извозом по
тракту. Шуму стало больше, когда железную дорогу
повели: инженеры-строители приехали из самого Пе-
тербурга. Мосты строили наши плотники — масте-
ровые ребята, но после деревянные мосты разобра-
ли — на железные поменяли.

Инженеры молодые, к бабам ласковые, и хоть
наши мужики их приструнили, но не всех уследили.
А как дальше ушли строители, всё опять стихло, да
ненадолго...

Царь-батюшка, молодой Николай Романов в
1896 году короновался и на радостях амнистию устро-
ил. И поехала братия кандалная с Сахалина по все-
му Сибирскому пути в Россию-матушку.

С тех самых пор научился народ замки железные
на двери вешать, а то, бывало, попросту палкой под-
пёр двери, чтобы в дом скотина не забрела, и пошёл
себе по делам-заботам.

Только пережили эту амнистию: кого усмирили,
кого прибили, кого обратно в каторгу отправили, — тут
вторая амнистия грянула, теперь по случаю рожде-
ния царского сынка, Алёши, а через год, в 1905-м,

и третья ударила, вместе с Манифестом, который даровал свободу собираться промеж себя в союзы и верить или не верить разрешалось, хоть в Бога, хоть в чёрта, хоть в саму судьбу. И поехали с каторги кто из православия в другую веру переметнулся или с попом что не поделил, тех тоже отпустили, много таких было. Это они потом попов с колоколен швырять придумали, не простили обиды: и за каторгу, и за притеснение и обман. После той амнистии опять захлестнул нашу Болотную разбой-грабёж, да ещё и насилие. И всё дело в том, что поезд на станции заправлялся углём, водой, осмотр проводился — часок на то дело уходило, вот бандюги здесь и тешились: кто простака прохожего обжулит либо сопрёт чего — и обратно в поезд! Ну и не все уезжали, бывали такие, кто отстал от поезда, а потом и вовсе остался.

Где железнодорожный узел, там и беда. С одной стороны, это хорошо, что железная дорога есть — это работа и пропитание, и плохо, потому как кого она завтра привезёт, никто не знает.

В 1913-м опять у Николая-царя праздник — 300 лет династии Романовых — и опять амнистия! Так и зашлаковали всю Сибирь сахалинскими лиходеями! Шутка ли, четыре амнистии за шестнадцать годков!

А потом революция и гражданская война, адмирал Колчак лютует, власти никакой, тут бандюкам совсем раздолье. Белочехи и поляки, пока во Владивосток ехали, тоже поглумились над людьми, и грабили, и убивали.

Но пришла советская власть, утвердилась, подобрала всех и опять в одну кошёлку — да на Сахалин! Но не всех на Сахалин, к тем годам уже новые места появились — Новокузнецк, Чита, Воркута, Магадан.

Всем в те годы полегчало, но норов-то остался, жёны и дети бандюков-то на свободе — все в Болотной! А куда им, не в каторгу же за мужем с детьми малыши? И появилась в Болотной женщина, которая разбойничала и мужиками верховодила, и звали её Манька Кочерга! Любила Маня орудовать кочергой, по руке она ей пришлась, могла изрядно врезать, а кому доставалось, тот замертво падал. Так что они, бабы, с виду только бабы, а в душе черти ещё те. Но уехала Манька из Болотной, когда Арефа ей о её делах рассказал, а больше удивилась она, когда он о сχροнах её поведал. Тут она с лица сошла, креститься начала и бегом от Арефы. Больше её в Болотной никто не видел. Ни её, ни дружков её.

Арефа-то много о чём знал. Однажды у мужичка-соседа украли лошадку, а он только с Первой мировой пришёл, инвалидом, полноги и лёгкие сильно боле-ли — немцы газами травили.

Пошёл Арефа к цыгану-конокраду и говорит ему:
— Верни лошадку убогому.

А тот кочетом на него прыгает, чуть ли не бьёт и криком орёт, что напраслину он наговаривает, что его самого за поклёп в каторгу надо. Весь табор сбежался, все орут, руками машут, цыганята в Арефу плюют.

— Хорошо, — говорит Арефа, — пойду к приставу Егору Потаповичу и расскажу, где ты лошадку прячешь, пусть он её сам с Лебяжьей заимки приведёт.

Упал цыган в ноги и говорит:

— Не губи, у меня семеро по лавкам, погибнут без меня!

— А у инвалида их четверо. Тебе плевать было, что без лошадки им только по миру идти?!

Вот такой промах Арефа в своей жизни сделал. Помог раз, да другой, и потекла о нём молва, что явился в Болотное колдун, который всё про людей знает и все тайны человеческие ведаёт, и звать его Арефой. И стал от Арефы народ шарахаться, боятся все: и те, кто своровал, и те, у кого своровали. А Арефе сначала даже весело было. Однажды идёт по улице, а навстречу бабка. Как увидела Арефу и чуть не вприпрыжку метнулась на другую сторону улицы.

— Баба Анисья! — кричит Арефа. — Да не беги ты от меня, не скажу я попадье, что это ты у неё серебряную ложку своровала!

Чуть позже пристав Егор Потапович к нему повадился и всё с расспросами. А вот кассира ограбил кто? Арефа сказал.

И начал он к нему каждый день ходить. Тогда Арефа ему и говорит:

— Хорошо, Егор Потапович, я тебе помогу, но с одним условием, что ты перестанешь деньги воровать у тех пьяных, которых тебе в околоток приводят.

Скоро к Арефе люди валом пошли, кто с денежкой, кто с поросёночком, у каждого своё подношение, это чтобы он к ним милостивее был и о них никому ничего не говорил. Начальство волостное стало к нему присматриваться, и почувствовал Арефа, что его скоро либо в каторгу отправят или, ещё важнее — просто прибьют. И уехал Арефа до времени из Болотной, вернулся в скит свой на речке Ёйксу.

Вот такая жизнь: не могут люди жить по совести. Учиться этому ещё долго надо. А пока так и живём с надеждой на амнистию: воруем, лжём, предаём и о жизни счастливой мечтаем.

Историческая справка

Уложение о наказаниях О преступлении против веры и постановлений церкви 1845 г.

Статья 182. Богохульство в церкви — ссылка и каторжные работы до 15 лет, телесные наказания, клеймение; в ином публичном месте — ссылка и каторга до 8 лет, телесные наказания, клеймение.

Статья 183. Непубличное богохульство — ссылка в Сибирь и телесные наказания.

Статья 184. Порицание Христианства и церкви, публично — ссылка до 8 лет, телесные наказания, клеймение; непублично — ссылка в Сибирь и телесные наказания.

Статья 185. Сокрытие свидетельства богохульства, порицания, критики Христианства — тюремное заключение до года или арест до 3 месяцев.

Статья 186. Богохульство, поношение, порицание, критика Христианства без умысла — заключение в смирительном доме до 2 лет, заключение в тюрьме до 2 лет.

Статья 187. Печатная и письменная критика Христианства — ссылка в Сибирь, телесные наказания.

Статья 188. Насмешки над Христианством, умышленно — заключение до года; неумышленно — до 3 месяцев.

Статья 189. Изготовление, распространение предметов веры в непристойной форме — по умыслу — наказание согласно ст. 183; без умысла — заключение до 6 месяцев или арест до 3 недель.

Статья 190. Отвлечение от веры: ненасильственное — ссылка до 10 лет, телесные наказания, клеймение; насильственное — ссылка до 15 лет, телесные наказания, клеймение.

Статья 191. Отступление от веры — лишения прав на время отступления от веры.

Статья 192. Если один из родителей не христианской веры воспитывает детей не в Православной вере — расторжение брака, ссылка в Сибирь.

Статья 195. Совращение из Православия в иное вероисповедание — ссылка, телесные наказания, исправительные работы до 2 лет. При насильственном принуждении — ссылка в Сибирь, телесные наказания.

Статья 196. Вероотступничество — запрет на контакты с детьми, до возвращения в веру.

Статья 197. Не Православная проповедь — заключение в смирительном доме до 2 лет. За повторное нарушение — заключение до 6 лет. В третий раз — ссылка, заключение до 2 лет, телесные наказания, исправительные работы до 4 лет. Соблазнённые проповедями — заключаются в смирительном доме до года.

Статья 198. Уклонение от крещения и воспитания детей в Православной вере — заключение до 2 лет.

Статья 199. Воспрепятствование добровольному присоединению к Православной церкви — заключение до 6 месяцев. Насильственное воспрепятствование — заключение в смирительном доме до 3 лет.

Статья 200. Не воспрепятствование детям и опекаемым самовольного отлучения от веры — арест до 3 месяцев, предание покаянию.

Статья 206. Раскольничество — ссылка.

Статья 207. Сектантство — ссылка.

Статья 210. Насильственное распространение ереси и раскола — каторжные работы до 15 лет, телесные наказания, клеймение.

Статья 214. Издание, распространение, продажа старопечатных книг, приобретение, использование раскольнических книг — денежный штраф, заключение в тюрьму до 6 месяцев.

Статья 215. Создание и эксплуатация объектов для религиозной деятельности раскольнического типа — тюремное заключение до 2 лет.

Статья 218. Сохранение иноверческих обычаев новообращёнными в Православие — вразумительная беседа.

Статья 219. Уклонение от религиозных обрядов, для священнослужителей — временное отлучение от службы, для поселян — временное отлучение от дома и работ.

Статья 220. Не привод детей в церковь — духовное и гражданское внушение.

Статья 221. Хождение без разрешения с культовыми предметами — денежный штраф.

Статья 222. Погребение верующего без соответствующего ритуала — арест до 3 месяцев.

Статья 223. Оскорбление святых — каторжные работы до 15 лет или пожизненные, телесные наказания, клеймение.

Статья 224. Насильственные действия против священнослужителей — ссылка в Сибирь, телесные наказания.

Статья 226. Неуважение к святыне — заключение в смиренном доме до 3 лет или тюремное заключение до года.

Статья 227. Оскорбление священнослужителя — заключение в смирительном доме до года или тюремное заключение до 6 месяцев.

Статья 228. Неумышленное неуважение к святыне и оскорбление священнослужителя — арест до 3 месяцев.

Статья 229. Оскорбление Православного священнослужителя иноверцем — заключение в тюрьме до года, повторно — до 2 лет.

Статья 230. Порча символов веры — заключение в смирительном доме до года, при неумышленности — арест до 3 месяцев.

Статья 231. Нарушение при Богослужении — денежный штраф или арест до 3 месяцев.

Статья 232. Насильственные действия при Богослужении — ссылка в Сибирь, телесные наказания.

Статья 233–234. Нахождение лица в непредназначенном для него месте в Церкви — денежный штраф, арест до 7 дней.

Статья 235. Просьба во время Богослужения — арест до 3 дней.

Статья 236. Непозволительное вторжение в Церковь — денежный штраф, арест до 7 дней.

Статья 237. Бесчинство при Богослужении — денежный штраф, арест до 3 месяцев.

Статья 238. Недопустимость торговли и развлечений рядом с церковными действиями — денежный штраф.

Статья 239. Помехи крестному ходу — арест до 3 месяцев.

Статья 240. Неприличное поведение при молебне — арест до 3 недель.

Колбасник Журавлёв

 Дом строить на Линеинной затеял ещё отец Журавлёв, да помер несчастный, а за ним и старуха поплелась. Каково бабе без мужика на свете жить... Сын Пётр в отца, крепкий хозяин, жмотистый, но основательный. Была у Петра Журавлёва жена и два сына-погодка, сыны под стать отцу — небольшие, но крепенькие, будто грузочки — один к одному. Строил он долго, крепко строил, аж до 1909 года. В доме под полом сушь от того, что на земле шлаком засыпал — и от влаги, и от мышей. Потом ложный пол из листвяку, по кругу дома — продушины, а поверх того половица из плахи сосновой. Сам дом на сваях стоит, которые будто тумбы каменные, не всяк обхватить сможет, на весу, будто на руках, весь дом над землёй держат. По такому полу дитя без штанов ползало и не студилось.

Под домом подпол, как и положено, под три метра глубиной, а под погребом ещё один погреб для хранения продукта. А на улице погребок имелся глубины немереной, и там продукт хранился, а и ледник был путёвый, в нём мясо хранили. Добротный хозяин, продуманный, одно слово — колбасник Пётр Журавлёв.

Творил он колбасу тут же, на усадьбе скотину бил, разделывал, обрабатывал. Механизм был наподобие мясорубки, но с секретом: какую резку заказал, такую

и нарубит, ну а крутила баба его, здоровая, сама как лошадь. Крутанёт, бывало, ручищей своей, на весь дом треск — маховик хрящи с хрустом перемалывал. И колбаска получалась отменной, а что более всего, так это свежесть, пахучесть и сочность. По первости на станции продавали, пройдёт разок отсель досель, на второй круг уже колбаски нет, пассажир слюну заедает и хвалит.

Богател Журавлёв, глазья завистливые видел, беспокойство имел и для порядку волка купил, ко двору привязал, сам с лопаты кормил — зверюга, она и есть зверюга. Но и для воров острастка.

Поуспокоился Журавлёв, но тут низы пролетарские зашуршали, а верхи боярские струсили. Думу думал и сказал: «Ну, жена, сынки у меня подросли, надо подумать о спасении».

— Это о каком спасении? — возмутилась жена. — На церковь жертвовать, что ль?

— Ход мы будем копать подземный, если налёт случится, мы тиканём из дома.

— Ой, — говорит жена, — какой же ты у меня умный. Правильно, ройте, а я землю по огороду ссыпать буду.

И пошло дело. Сыны да отец роют, мать по огороду, как подсыпку, землю носит-рассыпает. За год земля в огороде с домом вровень стала, а никто не видит, мало ли у кого какой огород, ну и что? Когда с обыском к Журавлёву пришли, по навету соседскому, дома никого не оказалось, печь топится, в стакане пар парит, а хозяйева как сквозь землю провалились.

В погребе второй погреб с колбасой нашли, а подземный ход не обнаружили. Так и пропали неведомо куда колбасник Пётр Журавлёв со всеми домочадцами. Сгинули, будто и не было их.

Историческая справка

Брошенный дом сначала под двухклассную школу Министерству железных дорог определили, потом разделили на два хода и по какой нужде людей селили, но на время, а потом уже и в квартиры сдали насовсем. И никто бы не узнал про подземный ход, но новые хозяева уголь завезли да в ограду самосвал загнали, чтобы не возить уголь-то, а токо скидать в углярку. Вот этот самосвал вместе с углём под землю и рухнул, заломал подземный ход.

Так-то, основательно люди жили, наперёд думали. А дом этот и теперь стоит.

Столыпин

Летом в 1910 году в Болотную прибыл Пётр Аркадьевич Столыпин. А дело было так. Поехал Пётр Аркадьевич инспектировать Сибирь, проверить, как там чиновники и прочий служивый народ делом заняты. Едет к губернатору в Томск, а по дороге — станция Болотная. Паровоз чёрный, от лоску блестит, и четыре вагона за ним, а третий особый — бронированный, с апартаментами царскими. Там и столовая, и кухня с посудой, разумеется, по нужде место есть и ванная с титаном и горячей водой. Никто вагон бронированный среди других не различит, а я могу, потому как в ту пору осмотрщиком вагонов работал и был за правильное мышление и добрые навыки определён на осмотр состава поезда самого министра правительства Столыпина. Впрочем, мне Егор Потапыча дали в помощники, он местный пристав, видимо, чтобы диверсий каких не случилось.

Пропыхтел паровоз, отцепился и за водичкой по рельсам уплыл, а я с Потапычем ходовую часть осматриваю. Идём мы вдоль вагонов, молоточком стук, а звон должен быть как у колокола-подголоска — тонюсенький и непрерывный, значит, трещин или иных каких вредительств нет. Потом крышку буксы крю-

чочком открыл, уровень масла проверил, по надобности из маслёнки ливанул и дальше идёшь, а сам всё видишь, как она там вся ходовая часть настроена. С одной стороны прошли, на перрон забрались и дальше стук да бряк. И вдруг дверь вагона открывается, и слышу я голос:

— Пётр Аркадьевич, не планировали мы на этой станции прогулку совершать!

Выходит на перрон мужчина высокий и лысый — он — сам Столыпин, а за ним Кривошеин — главноуправляющий по земле всей Российской — барин, сытый такой, холёный. Из соседнего вагона охрана хлынула, саблями гремят, Столыпина в плотное кольцо взяли.

— Нельзя вам, — причитает Кривошеин, — опасно, Пётр Аркадьевич.

А и то верно, к тому году на Столыпина уже десять покушений было. А Столыпин стоит, эдакий орёл, высоченный — вылитый император, не зря Николашка, царь наш, нервничал — ни того ума, ни того росту.

— Да не пойду я никуда, — махнул Столыпин рукой, — здесь постою, ноги разомну. Что за станция?

К нему кинулись разом волостной старшина и начальник станции, а Столыпин как увидел их холуйский прыжок, так рукой махнул в сторону, мол, уйдите с глаз долой, и ко мне поворачивается.

— Скажи-ка, любезный, как станция называется?

— Болотная! — встал я во фронт и руки по швам, а в правой молоток на длинной ручке, а в левой — маслёнка с носиком гусиным. И вдруг кто-то сзади у меня молоток хватать, и маслёнку тоже отобрал.

Я обернулся, говорю офицеру:

— Верни струмент, я за него в отчёте, а тебе без надобности! Да ещё измажешься ненароком, — а тут и понимаю всё, и такой на меня смех напал, ну и Пётр Аркадьевич вместе со мной засмеялся.

— Не обижайся на них, — говорит мне Пётр Аркадьевич. — Скажи лучше, как вы тут в вашей Болотной живёте? — И смотрит на меня эдак внимательно.

— Хорошо живём, спокойно, вашими молитвами, Пётр Аркадьевич!

— Моими, говоришь, молитвами. Ну что, Александр Васильевич, если дерзит, значит, не врёт. Кто врёт — тот холуистует. — И опять ко мне повернулся. — Откуда сам-то?

— Здешний я, болотнинский.

— Это понятно, родом откуда?

— А местный я, всегда здесь жил, уж и не помню сколько, но очень давно. Ещё до великого мора.

— Ты смотри что, — удивился Столыпин. — А Чингисхана помнишь?

— Нет, ваше благородие. Сыну его Ибаку, хану Большой Орды, когда подарки везли, я проводником был, да меня шатун помял, так и не повидался с ним.

— Прямо-таки шатун? — не поверил Столыпин.

— Как есть шатун, ваше благородие, я таких крупных более не видел, — я снял форменную фуражку: от самого темечка по затылку шли три бурундучьи полосы, оставленные когтями зверя. На них никогда не росли волосы.

— Ты смотри-ка! — опять удивился Столыпин.

— А Кучума я видел, но издалека, а с его старшим сыном достопочтенным ханом Али разговор имел. Хороший юноша, он на лечении у нас состоял.

— На лечении, говоришь... Его что, тоже медведь помял? Велики чудеса твои, Господи! — Пётр Аркадьевич перекрестился, и все, кто слышал, грохнули единым смехом.

— Как звать тебя, любезный?

— Арефий я.

— Работай, Арефий, не будем тебе мешать. А байки складывать ты хорошо умеешь! И послушайте, ведь все имена знает! А если и работает так же складно, как врёт, то цены такому нет.

— Лжец недостойн памяти потомков, — сказал мне хан Али. Я не лгу, ваше высокоблагородие. Завтра кому скажу, что с самим Петром Аркадьевичем Столыпиным беседу вёл, мне не поверят. Скажут уверенно, что лгун я отменный. Не так ли, Пётр Аркадьевич?

Министр задумался, и тишина наступила, даже охрана саблями греметь перестала.

— А ведь молодец, сукин ты сын, Арефий, а! А как точно подметил! А что ещё сказал хан Али?

— Он сказал, что лгут только трусы и предатели своего народа.

— Вот! — потрянул кулаком Столыпин. — Вот это должен знать и помнить денно и ночью всякий член Государственной Думы! Вот именно! «Лгут трусы и предатели» — как это верно. Изолгались господа наши, только мошну свою неуёмную набить да гордыню потешить. Не то что Родину продадут — мать по миру пустят! Вот так, Александр Васильевич, я начинаю верить в реинкарнацию. А ты хотел, чтобы я в вагоне сидел, а я тут, в Болотной, чуть ли не с Христом встретился. Прощай, Арефий, не будем больше тебе мешать. — И прочь пошёл, за ним все.

— А пойдём-ка, брат, — услышал я, как Столыпин Кривошеину говорит, — глянем за кулисы. Я, понимаешь ли, заядлым театралом стал, люблю за кулисы заглядывать.

И пошли они всею оравой за вокзал, в самую Болотную, ну, думаю, наконец-то дороги отремонтируют, а то с перрону и прямиком в грязь. Вон как получается, без моего догляду — вагон не пойдёт, а без его догляду — в грязи утонем.

А потом начальник станции меня с вестовым звал и червонец даёт, и говорит, мол, от Столыпина благодарность. А сам я вижу, что недоволен начальник станции, что не с ним, а со мной Столыпин разговор затеял. Долго я эти деньги хранил, а потом добротный тулупчик у знакомого крестьянина сосватал, как раз за десять рублей.

А Столыпина всё-таки убили, застрелили в театре, в Киеве, стрельнули и попали. Жаль мужика, хороший был человек, у меня глаз на хороших людей зрячий.

Историческая справка

Через Болотное проехали все видные деятели России, СССР и мира. И все они выходили на узловых станциях не только для того, чтобы решить какие-либо служебные вопросы, но хотя бы, как говорится, размять ноги. В Болотной ещё до строительства железной дороги и позже, когда появилась узловая станция, побывали: Владимир Ильич Ленин, адмирал Колчак, Иосиф Виссарионович Сталин, Феликс Эдмундович Дзержинский, Михаил Иванович Калинин, Сергей

Миронович Киров, Мао Цзэдун, Хуа Гофэн, Дэн Сяопин, Ким Чен Ир, Ким Ир Сен, Фёдор Михайлович Достоевский, Антон Павлович Чехов, Александр Твардовский, Михаил Светлов, Василий Шукшин, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Александр Вампилов, Николай Рубцов, Михаил Тарковский и многие-многие другие!

Братская кровь

Начало декабря 1919 года. Зима малоснежная и морозная, термометр будто замер на отметке двадцать пять градусов. В тот вечер сильно вьюжило, и село Егоровка появилось неожиданно, будто из снежного тумана выплыли чёрные постройки сараев и скотных дворов. Из колка в улицу на камусовых лыжах вошёл человек.

— Стой! Кто идёт? — окликнул его часовой.

— Свои, — ответил Арефа.

— Это какие такие свои? — два колчаковца вышли из схрона, который они оборудовали за углом крайнего сарая.

— К полковнику Матвею Ивановичу иду по причине тяжёлой болезни его дочери Александры.

— Ты что, знахарь? — один из колчаковцев попытался взглянуть в лицо Арефы. — А документ есть?

— Знахарь, знахарь, — с повтором ответил Арефа. — И пачпорт есть, да только ты что там увидеть хочешь в эдакой темноте? Ты и на свету еле прочесть можешь, да и то только заголовки на газетах.

— Значит, дохтур, — задумался другой часовой.

— Как есть дохтур, — Арефа снял лыжи и воткнул в сугроб.

— Ты один али кто ещё прячется?
— Как есть один, весь тут.
— Какое оружие имеешь? Что в карманах?
— Оружия не имею, — Арефа расстегнул тулуп нараспашку.

— По лесу и без ружья? А волки?
— Волки меня любят, собственно о зайцах можно сказать то же самое, медведи не любят, но сейчас они спят.

— Сысоев, обыщи старика, а то ненароком рванёт нашего полковника, сейчас время такое, бабы и те в штаны гранату закинуть норовят.

— Мешочки какие-то с травой и стекляшки...
А более ничего.

— Что за мешки? — уже миролюбиво спросил бдительный колчаковец.

— Травы сушёные, девку лечить буду.

— Да девку, поди, уже и не вылечить? Совсем, говорят, плоха. Ладно, иди. Дорогу найдёшь?

— В любых потьмах сыщу, — Арефа закинул лыжи на плечо и уверенно зашагал прочь.

Дом Михаила Колесникова стоял в центре села, не богатый, но крестовый. Сам Михаил был мастером и в кузнечном деле, и замки наладить, и лошадь подковать — трудом жил хозяин.

Собаку перевели в сарай, оттуда она и гавкнула пару раз, так, с обидой, что лишили её родной конуры и работы. Арефа сразу заметил под навесом барскую плетёную кошёвку, в здешних местах таковых не имелось. Он вошёл во двор, но тут же из кошёвки поднялся солдатик с винтовкой наперевес:

— Чаво забыл? — грозно спросил он.

— Лекарь я местный, дочку вашего полковника призвали лечить.

— Стой, доложу. Как зовут?

— Скажи хозяевам, мол, Арефа пришёл.

Через минуту солдатик шумно скатился с высокого крыльца:

— Заходи, батя, тебя уже очень ждут.

В доме его встретил хозяин и его расторопная, но большезададая жена.

— Здравы будьте, люди добрые, Михаил и Авдотья Фёдоровна, — Арефа снял кудлатую шапку и поклонился хозяевам.

— Арефа, как кстати, а у нас тут деваха хворая, помоги.

— Для того и пришёл. Показывай болящую, спасать будем, — Арефа скинул тулуп, пимы. — Авдотьюшка, полей тёплой водички на руки, озябли слегка.

Помыв руки, Арефа вошёл сквозь штору в боковую комнату. На столе керосиновая лампа, справа кровать с больной, напротив молодой мужчина. Он встал, когда вошёл Арефа.

— Седайте, полковник, я пока огляжусь.

— Авдотья, сыми с девочки одеяло. Ну хорошо, будя, — остановил он старания Авдотьи. — Стой здесь.

— Она спит, — шепнула Авдотья.

— Она в обмороке, — Арефа нажал на что-то у виска девочки, та открыла глаза и чуть слышно позвала:

— Папа, ты где?

— Я здесь, доченька, это дедушка Арефа, местный доктор, он полечит тебя.

— Не беспокойся, детонька, я хороший, добрый и больно делать не умею, а вот спасти тебя от хвори смогу. Уже завтра будешь чай татарский с молоком пить и сказки Авдотьины слушать. Она такая говорунья, всех обговорит, обсудит, всё расскажет, и что было, и чего не было, да складно так.

Арефа начал обследование: посмотрел веки, язык, послушал пульс, простучал пальцами по грудной клетке, потом приложил ухо к спине. Расспросил о болях, уложил девочку обратно в кровать и начал прощупывать живот, спрашивая: «больно — не больно».

— Вот, — вынес заключение Арефа, — правое лёгкое задето, левое чистенькое, воспалён мочево́й и, видимо, всё родовое. Авдотья, дай крутого кипятку.

— Так нет кипятку! — всплеснула руками женщина.

— Так поставь на плиту, вон она у тебя аж докрасна топлена.

Арефа достал из наплечной сумки, которую нёс под тулупом, мешочки с травами, какие-то бутылочки и стеклянный стаканчик.

— Здесь вода из моего чудесного родника, — он отлил немного из бутылки в стаканчик и продолжил рассказывать о своих делах: — А это горошки из сахара и волшебной серы. Мы бросаем их в стаканчик и ждём, когда они растворятся. А пока они растворяются, — Арефа повернулся к полковнику, — пойдёмте, Матвей Иванович, разговоры разговаривать, а дитё пускай отдохнёт, устала она от нас.

Арефа накинул тулуп, влез в просторные валенки и вышел на крыльцо.

За ним послушно последовал полковник. Арефа некоторое время стоял молча и рассматривал темноту: чёрное небо протирали редкие рваные облака, то там, то там пробивались звёзды.

— Матвей Иванович, — обратился Арефа к полковнику, — девочку надобно оставить в Егоровке.

— Как же я её оставлю? Ты зачем это говоришь?! — Полковник схватил Арефу за грудки, и в это время из кошёвки выскочил солдатик, винтовка в его руках кляцнула затвором. Полковник отпустил ворот Арефы и махнул солдатику: — Отставить!

Видно было, что полковник устал, он на взводе, что вся эта ситуация с отступлением под натиском Красной армии и тяжёлая болезнь дочери его сильно ослабили.

— Дочь полковника, дворянку! О чём ты говоришь, господин знахарь?! Как ты посмел такое даже предположить, что я могу дочь на утеху красным оставить?!

— Здесь понимать надо, Матвей Иванович, что не довезёте вы её до Томска, и не помогут вам тамошние лекари, слишком запустили. Воспаление лёгкого мы победим, есть у меня одно лекарство, за недельку справимся, а вот женские дела, там надо сражаться и бои будут трудными, постараюсь сделать, чтобы Сашенька выздоровела и потом ещё матерью могла стать, но организм у девочки очень ослаблен, вы её больную уже недели полторы как возите, а у неё боли адские.

— Уже две недели, старик, две! И без остановки, и как назло, то мороз, то выюга!

— В твоих глазах, Матвей Иванович, печать смерти, — продолжил спокойно говорить Арефа. — Девочку оставь у Михаила и Авдотьи, они люди добрые, и

никто твою дочь здесь не тронет. Поверь, даже пальцем не прикоснётся. Свои запасы хозяевам отдашь, чтобы на следующий год ей домик справили, пускай поживёт, в школе учительствовать будет, а там жизнь покажет. Когда всё уляжется, ты, если живой останешься, будешь знать, где дочь искать.

Наступила настороженная тишина.

— Ты прав, старик! Ты жестоко прав! Три года назад я похоронил жену, потому дочь — это всё, что у меня осталось, понимаешь? — полковник замолчал. Кажалось, что разговор окончен, но он вдруг спросил: — Почему ты так заботишься о ней?

— Я русский.

— И я русский, да что ж с того?! Русский! Кругом русские, да что-то света не видать. Замёрз я, пойдём в дом, — поёжился полковник.

Арефа посмотрел стаканчик на просвет.

— Лекарство наше растворилось, — заключил он, — перелил содержимое в пустую бутылочку и несколько раз сильно встряхнул, потом отлил обратно чуток в стаканчик.

Девочке он дал выпить только глоток и предупредил, чтобы кто сдуру не отпил приготовленное лекарство. Никто ничего не сказал, только отец девочки удивлённо уставился на Арефу, на что Арефа его успокоил:

— Утром ей уже полегчает, а к обеду она кушать попросит. Я понимаю вас — дочка, а тут лекарь — лапоть деревенский, не понять что. Я, ваше благородие, успокою вас рассказом. В прошлом году я вернулся из германского плена, а там я работал в госпитале — «санитатвесен», сначала горшки носил, полы мыл, дро-

ва колол, печь топил, скоро научился и говорить и писать по-немецки, память у меня хваткая, и тогда меня к хирургу прикрепили, помогать было некому. Хвалёная немецкая медицина на фронте совсем некудышняя была: грязь, клопы, мухи тучами и стрептоцид запрещён, одно слово — дурость, раны, чтоб не гноились, прижигали. А тут солдатика привезли с огнестрельным. Пожалел я его, совсем малец, и хирургу Хансу Келлену показал, как раны наши сибирские татары чистить умеют. С проколом или пулей, понимаешь ли, столько грязи попадает в рану, а нитки от одёжи — это завсегда. Келлен с того разу меня зауважал, в дом к себе под лестницу переселил, и получил я доступ к библиотеке. Три года: госпиталь, лежак под лестницей и библиотека. Келлен только улыбался и по плечу хлопал — «гут», мол, хорошо. Там я читал великих докторов — Парацелоса и Ганемана, потом доклад Тайлера из Америки, потом немцев Геринга, Беннингхаузена, русских Флиминга и Корсакова и всё о древней медицине подобия. Там же в госпитале практиковал вместе с Келленом. У нас были большие успехи. Келлен стал знаменитым врачом, он не хотел, чтобы я уехал в Россию. Вот эту медицину и пользую сейчас. Травками я всегда лечить умел, а тут такое подспорье. Видишь, сопит дитя, успокоилось. И мы давай подремим.

— Да, Арефа, — развёл руками полковник, — умеешь ты удивить. Умеешь. Такое в Сибири встретить! А я и впрямь, подумал, что шарлатан ты, а не знахарь. Но посмотрим, завтра, говоришь, полегчает?

Девочка действительно уже спала крепким сном, жар спал, со лба сняли прохладную влажную тряпочку,

но каждые четыре часа Арефа просыпался, подходил к ней, приподнимал голову и давал глоток своего лекарства. Потом возвращался к печи, садился на маленькую скамеечку и задрёмывал, чтобы ровно через четыре часа подняться и поить больную своим снадобьем.

Утром девочка проснулась раньше всех и попросилась в уборную. Арефа растолкал Авдотью:

— Иди, дитя писать хочет, принеси ведёрко, поддержи её, чтоб не свалилась, меня-то она постесняется.

Девочка впервые за неделю помочилась без режущей боли в животе, легла в постель, а Авдотья унесла ведро. Полковник ушёл ещё затемно, приказал часовому никого из дома не выпускать, если что, то стрелять на поражение. Он это приказал так убедительно, что в доме все услышали его приказ. А в обед на кухню вышла Сашенька, в тёплом халатике, надетом поверх ночной рубашки. Она поправила волосы и поздоровалась:

— Здравствуйте, господа, — сказала она, а все засмеялись.

— Где ж ты тут господ-то увидела, Александра Матвеевна? Тут крестьяне все, да вот лекарь Арефа.

— Здравствуйте, доктор, — Сашенька подошла к Арефе и приобняла его.

— Доброе утро, ваша светлость. Как изволили поживать? Не душно ли было? Наша Авдотья Фёдоровна вечно уёму не знает: то мужа пилит, то гостей духотой морит.

— Доктор, — Сашенька расцвела улыбкой, — надобно знать русские поговорки, которые говорят, что жар костей не ломит.

— Верно, Александра Матвеевна, — уловил хитрость Арефа, — это вы Авдотью по вашей бабьей хитрости выручаете, но ещё говорят: «Жарко печь натопись — угоришь, много зла накопишь — уморишь».

— Верно! — рассмеялась Сашенька, и вдруг распахнулась дверь, в горницу вошёл отец.

— Сашенька! Ты встала? Ты смеёшься?!

Сашенька кинулась к отцу:

— Папа, у меня ничего не болит! Доктор наш — волшебник, посмотри, он на старца похож. А я кушать хочу.

— Ну всё, Авдотья, что есть в печи — всё на стол мечи, — хлопнул себя по коленям Арефа. И обратился к девушке: — Но, Сашенька, здоровье ваше обманчиво, мы только боли сняли, а воспаление недельку-другую лечить будем. Я оставлю снадобья, всё расскажу, что да как принимать, а потом приду и проверю, и дам своё волшебное заключение.

— Садись, доченька, к столу. Авдотья, накрывай! А я сейчас приду, — распорядился полковник и помянул Арефу. — Пойдём, поговорить надо.

Всё повторилось, как вчерашним вечером. Арефа накинуд тулуп, вошёл в пимы и ступил на крыльцо. Полковник курил.

— Сколько я вам должен, любезный? — спросил он и полез в карман.

— Не обижайте старика, ваше благородие, я не за деньгами пришёл, душа позвала.

— Кто ты, Арефий? — вдруг засомневался полковник.

Арефа задрал голову и оглядел небо.

— Глянь, ваше благородие, небо как будто вымыло.

— И всё-таки, я пытаюсь понять и не могу, что в тебе не так?

— Русский я, с ног до головы, самошный, без подмены, истовый, если хотите! Матвей Иванович, вслушайтесь в мои слова и не ищите во мне красного цвета. Я русский, то есть русый, иначе говоря — светлый, не красный и не белый, а светлый, и свет этот у русского человека не на флаге, а в душе. Есть свет в душе — значит, русский, нет света — значит, тёмный, ничей, любой угол твой, но не русский.

Полковник откинул папироску далеко в снег.

— Деньги хозяевам, как ты сказал, я сейчас отдам, но с тебя взыщу, если что не так, и тогда не пожалю, из-под земли найду, даже если сам под землёй буду. Через час выступаем, ты нас поведёшь. Я пойду по твоему следу, не подведи. Людей хочу сохранить, пусть по хуторам расходятся. А на мне печать смерти, это я и без тебя знаю.

Полковник резко развернул к себе Арефу:

— Только дочь мою спаси! Очень прошу!

— Обещаю! — ответил Арефа, глядя в суровые глаза полковника. — Проведу без крови и дочку спасу.

Обнял его Матвей Иванович крепко-крепко, потом отпустил и, не глядя на Арефу, вошёл в избу.

Конный отряд верхом и на санях длинной вереницей растянулся по ровному полю, колчаковцы уходили от наступающих частей Красной армии. Дозор шёл по следу, оставленному лыжами Арефы, и все путались в догадках, что за огромные волчьи следы шли рядом с лыжнёй. Арефа стоял на своих камусовых широченных лыжах, а Белый волк тянул его за

верёвку с лёгкостью и даже каким-то весёлым азартом. Мимо проплывали дома хуторов Бондаренко, Стенякова, Андриенко, Наркелёва, Шелудова, Пруська, Протоковиха, Мэтба — это всё по правую руку, а по левую: Гондатенко, Зволинёнок, Вигиринский, Подпадок, Войтович. Потом появилась деревня Икса и ещё Казаковская, Еловый Падун, Могилёвская, Калинин Падун, Елизарово и так бесщётно: через версту — либо деревня, либо хутор.

На въезде в Кунчурук колчаковцев ждал Арефа. Он стоял на обочине дороги, лыжи рядом воткнуты в сугроб. Старик с удовлетворением заметил, что отряд поредел больше чем вполовину.

— Ваше благородие, — первым обратился Арефа к полковнику, восседавшему на сивом коне, — сия деревня называется Кунчурук. В двухэтажном доме живут Родченко — местные купцы, лесом торгуют, у них и бычок найдётся на съедение. А для ваших бойцов места по домам всем хватает, отдохнёте пару дней, и местные мужики выведут вас напрямиком на Томск. По пути будет Большечёрная, туда лучше не заходить. Да, пусть мужики не шалят, не обижают местных, на мне ответственность, моё поручительство.

Полковник спрыгнул с лошади, передал уздечку вестовому, подошёл к Арефе.

— Ты быстро бегаешь на лыжах, догнать не могли. И откуда такая сила у старика? Точно, ты — колдун. Я всё пытаюсь понять, кто же ты на самом деле? Знахарь, ведун или сам Сатана?

— Да что вы, Матвей Иванович, так всё и сразу на одного старика, право, даже для нашего лихого времени взяли чересчур. Я просто человек, вот и всё.

Возвращаюсь я теперь обратно в Егоровку, Сашенька меня ждёт, обещал скоро вернуться. Слово данное зовёт в дорогу.

— Так, может, отдохнёшь? Ты же верст тридцать отмахал!

— Благодарствую. Некогда. Да и есть кому меня возить, у меня свой конь, — Арефа махнул рукой куда-то в сторону, и вдруг все увидели огромного Белого волка, смиренно сидящего под далёкой берёзой.

Дед Арефа надел лыжи и пошёл напрямик по полю, и Белый встал во весь рост и шагнул навстречу старику.

— Человек! Вы слышали? — обратился полковник к столпившимся солдатам и офицерам. — Он просто человек!

— Будь я трижды проклят, но так не бывает! — сказал кто-то из офицеров.

— Не спеши клясть себя, как видишь, бывает, — поправил его полковник.

Историческая справка

1. Александра Матвеевна Заикина — дворянка, во время отступления в декабре 1919 года колчаковских войск была оставлена отцом, полковником царской армии, в селе Егоровское, на попечение деревенских знахарей. Прожила в Егоровке всю жизнь, работала учителем, двенадцать лет директором. Вышла замуж за местного хорошего и доброго парня, детей не имела. Умерла в 1967 году. Похоронена в Егоровке. Память о ней бережно хранят односельчане. Отца она больше никогда не видела.

2. Отряд колчаковцев пришёл в село Кунчурук в середине декабря 1919 года. Разместился полковник в двухэтажном доме переселенца из-под Киева Родченко Никандра Никандровича, многодетного отца (восемь детей: семь мальчиков, одна дочь), вальщика и торговца лесом. Отдыхали два дня, слушали хозяйский граммофон на всю деревню, съели двух быков, много мяса взяли в про запас. Выпили вместе с местными мужиками весь самогон, никого не обидели, рассчитались за всё выпитое и съеденное. Гуляли как в последний раз, для многих так и случилось. Перед отъездом отряда дочери гостеприимного хозяина, очень красивой девушке Марии шестнадцати лет, подарили скатерть белую, вязаную, в благодарность за гостеприимство.

Позже Родченко раскулачили, но не сослали, как тогда говорили, «за болото», потому что многочисленные его родственники воевали как за красных, так и за белых, а дом разобрали и увезли в Болотное, в этом доме до 1975 года располагался исполком районного Совета народных депутатов.

3. Понятие «русский» не этническое, а духовное, потому и является как часть речи не существительным, а прилагательным, и отвечает на вопрос «какой?», то есть — русский. Это уникальная особенность русской цивилизации, у которой духовное достоинство важнее этнического чистокровия. Именно такой древний подход стал причиной образования многонационального русского народа, а в государственном строительстве Россия стала единственной страной действительно братских народов.

Твой Выбор

Окно под потолком походило на люк, створка которого была открыта полностью, напоминая нижнюю губу, раззявисто свисавшую и покачивавшуюся в такт неспешному ходу поезда.

В окно пробивался луч утреннего света, октябрьского, не тёплого, но всё ещё яркого солнца. И этот луч на поворотах зорко осматривал внутренности теплушки: железную неуклюжую печь в углу, отгороженных кривыми жердями холёных офицерских лошадей и, с иной стороны, так же отгороженное жердями сено, в котором спали Иван и его друг и односельчанин, а кто-то поговаривал в деревне, что и дальний родственник, — Прохор. Тот завернулся в шинель и буквально закопался в сено. Иван не спешил вставать, пару дней назад он подошёл к прапорщику Давыдову и сказал, что у Прохора подозрение на тиф. Давыдов покачал головой и хмуро ответил:

— Среди людей поменьше болтайте.

— Ваше благородие, — подтянулся довольный Иван, — уже кровохлёбки раздобыл, да дёгтю, спасать друга буду. А лошадки тифом не болеют.

А после взял кусок извести и нацарапал на дверях вагона одно волшебное слово — тиф, и к ним разом все потеряли интерес.

А тиф свирепствовал, косил людей десятками, тифозных оставляли прямо на перронах, на усмотрение местных властей. А поскольку власть отступала вместе с Колчаком, то выходило, что оставались они на милость провидения и добрых людей. Полковой лекарь говорил о гигиене, но как в дороге соблюдать эту гигиену? Воды нет, сортир — дырка в вагоне, кипятку на вокзале не добыть — всем надо, а где его на все двадцать вагонов напасёшься.

В колчаковской армии Иван и Прохор числились конюхами и были приставлены к лошадям генерала Литовкина, полковника Казарезова, и ещё одна кобыла принадлежала члену Государственной Думы Головинову — крикливому и очень энергичному господину. Однако подозрительный Прохор, наверно, прав — никакой он не «член», а проходимец.

Попали они в армию Колчака случайно; ещё во время войны с немцами в России случилась революция, сначала скинули царя, а потом и тех, кто скинул царя. К власти пришли большевики. Воевать ни Иван, ни Прохор ни за красных, ни за белых не собирались, тем более что никто не понимал, на чьей стороне правда. И накануне запланированного друзьями-однополчанами побега армия Колчака сама поехала в сторону родного дома. Бог благоволил, и Иван с Прохором остались при «генеральских» лошадях, а в Казани их теплушку зацепили к Золотому поезду, который тут формировался и который должен был везти под усиленной охраной чёртову уйму золота и царского драгоценного барахла. О такой удаче никто даже мечтать не мог: их кормили, охраняли и везли домой.

За Ново-Николаевском есть станция Чебула, от этой Чебулы до родной деревни с милым названием

Светлое Озеро и трёх вёрст не будет. Но Бог сыпал милость, не останавливаясь. В Омске вдруг выяснилось, что по дороге исчезло несколько тонн золотых слитков. Описи не было, генерал Литовкин подпрыгивал перед членом Государственной Думы Головиновым и отрицал пропажу. И тогда этот чёрт из Думы решил составить опись и заставил вытаскивать ящики с золотыми слитками из вагонов на перрон...

— Слышь, Прохор, хватит храпеть, — толкнул друга Иван, — разве можно теперь нам спать, когда мы богаты, как буржуи?!

— Чё, Ваньша? Чё не спишь?

— Я говорю, что мы с тобой теперь как два буржуя, и на хрена нам теперь большевики со всеми своими декретами?

— Большевики точно не нужны! Но, Ваньша, — счастливый Прохор сел в сене и, протирая глаза, с восхищением сказал: — Как ты это провернул?! А?! Это надо же было так обернуться, я ещё и сообразить ничё не успел, а ты нате вам ящик золота!

— Так понимаешь, Проша, у всех паника, все орут: «Красные! Красные! Занять круговую оборону!» А паровоз со всего маху в состав, нас чуть лошади не придавили, ты дверь откатываешь, чтобы «матушку» вспомнить, а тут ящики золота к ногам подъезжают, и никого — все круговую оборону заняли, а кто под вагоны залёг, тех колёсами подавило! И крику ещё больше! Все орут, бегают, а ящики с золотом на перроне стоят, и никому дела нет. — Довольный собой Иван потянулся. — Я вот думаю, можно было бы ещё один ящик подрезать!

— Нет, Ваньша, — Прохор встал и поднял сennую пыль, но вразумительно заметил: — Большое

легче потерять. А тут и так шесть слитков по двенадцать кило — это же дворец построить можно.

— Дворец, — повторил Иван. — Но, как условились, два слитка твоих, а четыре моих.

— И за то тебе спасибо, да если бы не ты и твоя башка сообразительная, я бы так и стоял у открытых дверей, а ты меня оттолкнул, хвать ящик, и только потом я понял и дверь запер.

— Да, это так, но если бы ты дверь не открыл, я бы золота не увидел. Короче: тебе два слитка, а мне четыре, — Иван подал руку Прохору, и они сжали пальцы друг друга с благодарностью и будто с клятвой сдерживать своё слово.

— Теперь мы навеки друзья, — сказал Прохор, — пойду лошадам овса подсыплю да приберусь, пока на ходу, вон сколь навалили.

В Ново-Николаевске долго не стояли, поменяли паровоз и прицепили ещё теплушку с поляками, те тоже драпали домой через Владивосток. До Чебулы оставалось около сотни вёрст, и получалось, что проезжать придётся потемну. Всё, кажется, складывалось как нельзя лучше, но вдруг подходит прапорщик Давыдов и говорит:

— Заберите одного подозрительного на тиф. Всё равно у вас тиф, вот и лечитесь все вместе, — а сам в стороне стоит, заразиться боится.

Забрался в теплушку тифозный и руку тянет, мол, Никифор я. А Иван боком обходит его:

— Вот что, Никифор, мы уже, почитай, здоровые, а у тебя всё только в начале, потому старайся от нас держаться стороной.

Переглянулись Иван с Прохором и без слов договорились, как стемнеет, от тифозного будут избав-

ляться, чтобы тот потом не рассказал кому, где и с каким ящиком бежали два конюха. Темноты ждать не стали, оглушили Никифора и подтянули к выходу. Иван обшарил тифозника, нашёл его документы.

— На кой они тебе? — удивился Прохор.

— Жрать не просят, а ему уже без надобности. Вон смотри, зовут его Никифор Огурцов, — потыкал Иван в документ и сунул себе в карман.

Когда раскачали и кинули тело с расчётом под встречный поезд, то Ивана вдруг потянуло из вагона. Он стоял на самом краю, махал руками, пытаясь удержать равновесие, а перед лицом мелькали вагоны встречного поезда и тянули за собой. Но тут Прохор схватил его за шинель и втянул обратно в теплушку.

После, как закатили двери, друзья долго сидели молча, будто переживая всё случившееся ещё раз.

— Представляется мне, брат Иван, — наконец-то вымолвил Прохор, — что у каждого из нас по три слитка золота?

— Согласен, — ответил Иван. — Пойдём готовиться, скоро Чебула. — И они широко раскрыли сдвижные двери вагона со стороны откоса.

Вот проплыла мимо будка смотрителя с единственным фонарём на всю округу, вот деревня Таганай — тёмная, её только угадать можно по лаю собак, вот перегруженный состав замедлил ход на восьмимысячном подъёме... Двери открыты настежь, всё готово: ящик крепко обвязан верёвкой, чтобы не разбился, три винтовки, вещмешки, шинели скатаны, прыгать решили налегке.

— Пора, Ваньша, — прошептал Прохор.

— Нет, терпим, — ответил Иван, высунувшись из вагона, — сейчас пойдёт левый поворот, и нас вобще никто не увидит.

— Так от дому уезжаем!

— Дойдём, здесь всего-то три версты.

И вот скрипнули колёса, и скрылся из виду паровозный прожектор.

— А теперь пора, — скомандовал Иван и выпрыгнул из вагона.

Он не упал, потому что прыгал навстречу бегущей земле, и побежал рядом с вагоном. Прохор подал ящик, Иван принял и исчез в темноте, а Прохор скинул на насыпь всё приготовленное, потом прыгнул, как учил его Иван — ногами вперёд, однако Прохор не удержался и упал, но остался лежать. Состав медленно проплывал мимо, наконец-то последний вагон, там два проводника — это самое опасное, главное, чтобы они не увидели. Но они не увидели, потому что Прохор успел сообразить и откатиться в кусты.

Они шли навстречу друг другу и собирали разбросанные вещи, искали на ощупь в темноте, но помогала полная луна. Собрали всё, не нашли только винтовку Никифора.

— Нехай с ней, пусть ему остаётся, — согласился с потерей Иван, — здесь и без того тяжести хватает.

— Придём домой, Ваньша, — чуть не заорал Прохор, — я напьюсь! Ей-богу, как свинья, до икоты напьюсь!

— Не ори! Напейся, только языком не болтай!

— Да я что, враг себе, что ли?

Друзья надели шинели, поверх на спину закинули вещмешки и винтовки, с двух сторон подцепили ящик с золотом и смело зашагали в сторону дома.

Луна освещала дорогу, по полям, по колкам, всё здесь было знакомо с детства.

И вот родное озеро Светлое, оно и теперь светилося лунной дорожкой. Друзья остановились на высоком берегу под старой берёзой, Прохор закурил.

— А у меня первая свиданка здесь была, под этим деревом. Стешку, солдатку, помнишь её, у неё Аким раньше нас ушёл, говорят, его сразу убило.

— А, — неопределённо ответил Иван, — а я чуть в озере не утоп, ногу свело. Ещё пацаном, полезли в мае купаться, только лёд сошёл, ну и свело. Еле выкарабкался, тогда мне дед сказал, что жить буду долго.

Обошли озеро уже видимой в рассвете тропой, но вдруг из-за плетня вышел мужик и остановился как вкопанный.

— Микола, ты? — спросил Иван.

— Я, а ты кто есть? — не узнал Микола.

— А я Иван, а рядом Прохор, ты что своих не узнаёшь? — друзья поставили ящик на землю.

— Ваня? Прохор? Ребята! Живы! Радость-то какая! — кинулся обниматься Микола. — А я было на станцию собрался, хотел в Болотную ехать, да не судьба. Нечего там делать, время лихое, прибьют ещё. Хотел колбаски продать. А теперь нет, теперь мы ею закусим, у меня и самогончика есть! Вот радость-то какая!

Прохор достал кисет.

— Давай перекурим. Мы, Микола, с войны идём, кончилась для нас война.

— А что, прям с ружьями отпускают?

— Правильно, сам знаешь, время какое, а как солдату домой без винтовки живым добраться?

Вот, видишь, в полном обмундировании, даже со штыком.

— А в ящике снаряды, что ль? А что в ящике-то?

— Патроны, как винтовка жить будет без патронов и штыка?!

Иван спокойно снял с винтовки штык, вроде показать, и ударил Миколу в грудь.

— Ваньша? — удивился Микола и медленно осел на землю.

— И чё теперь делать? — почесал голову Прохор.

— Здесь рядом сухой колодец, понесли туда.

Сначала сбросили ящик с золотом.

— Правильно, Ваньша, а то из-за этого проклятого золота всю деревню перережем.

Потом дотащили и сбросили в колодец Миколу.

— Пусть охраняет, целее будет, — пошутил Прохор и наклонился над колодцем, пытаясь разглядеть темноту, — давай-ка сверху присыпшем слегка кустарником и травой.

Но договорить Прохор не успел, штык точно угодил ему в сердце. Иван сбросил в колодец Прохора, обе винтовки, прежде чем сбросить вещмешок, положил туда свои документы.

— Всё, нет теперь Ивана, — он собрал листву вместе с веточками и травой и припорошил клад. — Правильно ты сказал, Прохор, надо прикрыть.

Потом он поднял котомку с колбасой и бодро зашагал в сторону Московского тракта. Он шёл знакомыми полями, жевал колбасу, судьба ему улыбалась, теперь у него было шесть слитков золота.

До Московского тракта всего пара вёрст. А что будет дальше, Иван уже и не знал, события складыва-

лись сами по себе, как бы и без его участия. Вдалеке, в глубоком распадке он заметил огонёк. Удивился, зная, что деревень в этих местах не было, ни деревень, ни хуторов. Но если хутор, то на нём его не знают, а значит, можно будет попроситься на ночлег и рассчитывать колбасой.

Но то был не хутор, то горел костёр, а около костра сидел старик, в светлом овчинном тулупе, в волчьей мохнатой шапке, с белыми пышными усами и белой бородой.

— Привет, дед! — поздоровался Иван. — Никак ты здесь ночевал, заблудился ты, что ль?

— Нет, Ваньша, места сии знаю хорошо, плутать ещё не приходилось. Тебя жду.

— Меня? Чудеса, дед, и имя моё знаешь, а я тебя что-то не припомню.

— Коль не видал никогда, то и не припомнишь.

— А ты меня видал? Так, что ли? — Иван осмотрелся и увидел у костра обрубок ствола берёзы. — Погреться-топустишь?

— Погрейся, тепла не жалко, всё одно к солнышку оно летит, а там и так жару много. Вон оно, солнышко, уже скоро объявится.

Иван уселся на обрубок и ещё раз огляделся кругом, ни дома, ни землянки, никакого признака жилья.

— Так и что ты меня ждёшь, старик? Дело есть?

— Дела с тобой делать опасно, посмотри, у тебя руки в крови.

Иван вздрогнул и начал осматривать свои руки, брызнуло, может, а он не заметил. Но нет, руки были

чистыми, и на шинели ни пятнышка, Иван даже встал и осмотрел полы своей шинели.

— Ты, дед, ничё не попутал? Ты, поди, обознался, а может, я это и не тот, кого ты ждёшь?

— Тебя трудно с кем-нибудь перепутать, ты за день три души загубил: Никифора и двух своих друзей — Прохора и Миколу. Ты выбрал неверный путь, Иван, твой путь — это путь к гибели.

— Понял, ты из попов, — рассмеялся Иван, — а я думаю, откуда знает, а тут вон чё, тут проповедь. Тьфу ты, чёрт бородатый! Напугал! Ну, как есть напугал! Но откуда столько знаешь? — Иван опять огляделся кругом, пытаясь понять загадку.

— Неверный путь, говорю тебе...

— Слышь, дед, ты мне в душу не лезь, это мой путь, и я его выбрал сам. Не твою ума дело, куда я отсюда пойду.

— Да, это твой выбор, потому и пытаюсь тебя вразумить.

— Дед, ты о себе думай, а я о себе сам позабочусь. Сидишь на печи и клопов давишь, крестьянская твоя душа. Что ты, деревенщина, знаешь? Вот и ковыряйся в своей грязи, а людям в душу не лезь.

— Знаю я многое, и про души, тобою загубленные, и про золото в колодце — всё знаю.

Иван подскочил, выхватил из-за голенища короткий нож, но осел обратно на бревно — около старика вдруг появился невероятных размеров Белый волк.

— Я сейчас должен умереть? — спросил оторопевший Иван.

— Нет, не сегодня. Твой выбор всё ещё за тобой. Можешь идти, коль согрелся.

Иван не мог поверить, он встал и пошёл прочь, он оглядывался и не понимал, что произошло. А старик сидел у костра, шевелил прутиком огонь, а рядом с ним стоял огромный, просто невероятный Белый волк. Иван шёл, не разбирая дороги, и когда вышел на Московский тракт, то не сразу заметил, что окружён всадниками.

— Кто таков? — спросил один из них.

Иван сразу понял, что перед ним отряд красноармейцев.

— Я, ваше благородие, рядовой Никифор Огурцов, — доложил Иван.

Отряд, человек десять, дружно засмеялся.

— У нас, Никифор Огурцов, господ нет, у нас только товарищи. И куда ты путь держишь?

— Я, ваше... короче, сбежал с поезда, из армии адмирала Колчака, потому как насильно был мобилизован. Служил конюхом. Поезд следовал на восток, но он не обычный поезд, он вёз золото. Сейчас, должно быть, поезд в Болотном. Однако в Ново-Николаевске к нему прицепили дополнительную охрану — вагон с поляками.

— Вот оно как! Отлично! Спасибо, Никифор Огурцов, за ценные сведения. Служить пойдёшь в Красную армию?

— Так точно, товарищ командир! Конюх он везде нужен, а я и лошадок лечить могу.

— Очень хорошо. Скажи, солдат, в Болотном живёт поэт и комсомолец Александр Огурцов, он не родственник тебе?

— Никак нет, товарищ командир, я один у родителей на грядке мужик, остальные, простите, бабы.

— А где винтовка твоя, солдат Огурцов? — было очевидно, что командир все ещё сомневается.

— Когда из вагона прыгал, я прежде винтовку бросил под откос, но потом в темноте не нашёл.

— Далеко отсюда? У нас, видишь ли, всякая винтовка на вес золота.

— Вёрст пять будет, — Иван махнул в сторону железной дороги.

— Петро, забери с собой товарища Огурцова, поищите винтовку, и на займку. И оружие найдём, и сомненья развеем. А откуда у тебя столько колбасы?

— Прошу прощения, у купца одного своровал.

— Поделишься?

— Поделюсь, конечно, не моё, общее!

— Всё. В путь. Встретимся на займке.

На поиски винтовки командир выделил двух человек. Очевидно, что не доверял он новоиспечённому Огурцову. «Вот когда винтовка Никифора «выстрелила», — улыбался Иван, сидя на одной лошади с Петром. Винтовку они нашли сразу и тропками, которые указал Иван, скоро оказались на желаемой займке.

Армия Колчака вперемежку с Чешским корпусом отступала на восток. В состав белочехов входили в основном чехи, словаки, поляки, которые выступили на стороне белого движения и занимались карательными экспедициями, расстрелом тех, кто поддерживал красных, и грабежом мирного населения. Весь ноябрь и первую половину декабря народ жил под страхом смерти. Колчаковцы лютовали: отбирали скот, лошадей, телеги, сани и рекрутировали мужиков, заставляя везти отступающую армию. Кого-то отпускали, кто-то бежал, бросив лошадей и сани. Мужики уходи-

ли в партизаны, стреляли по колчаковцам из-за угла, появились небольшие партизанские отряды в Старой Чебуле, в посёлке Горном. Активно действовали отряды в Тайге и на Алтае, особенно успешно — в Барабинских степях. Колчаковцы сражались за Россию, но Россия отвергла их.

Новоиспечённый Никифор Огурцов, он же — Иван, Ваньша из деревни Светлое Озеро, служил в Красной армии, на рожон не лез, но и в окопе не отсиживался, скоро оказался главным конюхом при командирских лошадях. Однако получил ранение. Ранение пустяковое, но нога начала гнить. Сначала был госпиталь, потом отправили на лечение в Омск, оттуда в Крым, на воды. Гражданская война давно закончилась, а он продолжал мыкаться по госпиталям и водолечебницам. Итог оказался страшным: ему ампутировали левую ногу. Он долго привыкал к костылю, а потом к протезу. Но на этом беда не закончилась, всякая малая царапина начинала гнить и долго заживала, Иван забыл, что такое жизнь без боли. Орден Красного Знамени, который украшал его грудь, открывал ему все двери, но радости не прибавлял.

И только в 1929 году ему удалось добраться до станции Болотная, здесь он планировал купить лошадь и проведать золотой клад в сухом колодце. Чтобы его не узнали, хотя он и изменился за эти годы изрядно, отпустил «ленинскую» бородку и «сталинские» усы. Но на базаре в Болотном при покупке лошади его узнал земляк, сообщил, что их деревни уже нет, кто помер, а кто уехал сам. На радостях земляк пригласил «Ваньшу» к себе в гости и поплатился — и сам, и жизнью жены. Ваньша вышел из их дома, спокойно,

не торопясь, сел на только что приобретённую лошадь и поехал навещать родную деревню.

Домов на Светлом Озере уже и правда не было, несколько покосившихся сараев и загонов для скота. А озеро причудливо играло на солнце, песочек волнистыми барханчиками украшал дно мелкого залива. Добрые сосны знакомо качали головами, противоположный берег желтел высоким обрывом — всё было на месте, не стало только родной деревни.

Сухой колодец Иван нашёл сразу, тот ещё больше подгнил и обвалился. Иван привязал к берёзе лошадь, нашёл толстый сук, закрепил приготовленную ранее верёвочную лестницу и стал спускаться в колодец. На дне немного веток, гнилых венцов колодезного сруба, сгнившие тряпки с костями друзей и истлевший ящик с нетленными золотыми слитками. Иван поднял один череп, потом другой.

— Ну что, братья, как вам в аду небесном? И у меня скоро такая же рожа будет, — Иван присел, задумался о несправедливой жизни. Вот он уважаемый человек, орден есть, жильё выделяют где ни попросит, боец за советскую власть, золото — шесть слитков дождались его возвращения, и не стар — всего тридцать семь годков, а воняет от него, как от дохлого, гниёт он язвами по всему телу. Сложил Иван слитки в мешок заплечный, надел тугие лямки и ступил прежде костылём на лестницу. Сук, к которому была прикреплена лестница, треснул и обрушился на голову Ивана.

— Не может быть! — удивился Иван. — Так не бывает!

— Бывает, — ответил кто-то сверху.

— Ты кто? Слышь, ты кто?!

И тут Иван увидел в светлом окне колодца старика, белого, с такой же белой бородой.

— Несколько лет назад я пытался тебя образумить, но ты сделал свой выбор сам, разве мог тебя кто-то остановить, кроме тебя самого?

— Слышь, дед! Я тебе заплачу, помоги выбрать-ся! Дед, ты где? Это ты, который был с Белым волком? Дед, ты поможешь мне?! Ты же добрый, дед, да?

— Нет. Не помогу. Прощай.

— Я тебя убью! — Иван схватил винтовку.

— Они ржавые, ты даже себя убить не сможешь.

— Гад! Так зачем же ты сюда пришёл, скотина?!

— Лошадку отвязать, она-то зачем страдать будет? Так что за лошадку ты не беспокойся.

— Дед, я тебе всё золото отдам, выручи меня!

Но Ивана уже никто не слышал. Арефа шёл вдоль сияющего озера, он вёл под уздцы лошадку, а зло осталось умирать.

Историческая справка

До 1918 года золотой запас Российской империи хранился в Казани и насчитывал 39 тысяч пудов (639,6 тысячи килограммов) золотыми слитками от восьми до двенадцати килограммов каждый. С началом Гражданской войны в 1918 году решением Комитета Учредительного собрания золото спешно погрузили в эшелон и отправили на хранение в Омск. Сложная обстановка не позволила погрузить всё золото, и около шести тонн попало в руки Красной армии.

18 ноября 1918 года адмирал Колчак объявил себя Верховным правителем России, и золотой запас

империи оказался в его распоряжении, с этого момента золотой запас стали называть «золотом Колчака». Из-за неразберихи не была составлена опись золотых и серебряных слитков, это стало поводом для жесточайшего воровства, которое началось уже по дороге из Казани.

К сожалению, все документы, касающиеся использования золотого запаса Российской империи, утеряны, но, по некоторым свидетельствам, известно, что 11 тысяч пудов (180,4 тысячи килограммов), или 241 миллион золотых рублей (треть всего запаса), Белое движение израсходовало на приобретение оружия и обмундирования, в основном в Англии и Франции.

В Омске усилили охрану белочехами, и воровство выросло. Золото исчезло в Чите в конце 1919 года. Предположительно часть запаса оказалась у атамана Семёнова, другая часть чуть позже «всплыла» в Японии, часть увезли чехи, некая часть запаса обнаружилась в Австралии.

Огни в тумане

— Товарищи комсомольцы! Ребята! Да прекратите орать! Всё! С первым вопросом закончили! Марина, ты сегодня секретарь собрания, не отвлекайся, — Яков Шерстнёв был серьёзен, но толком не знал, как вести комсомольское собрание, потому что в повестке стояли два несовместимых вопроса. Первый, Международный женский день 8 Марта, который праздновался впервые, и никто не знал, как его праздновать. И сейчас на комсомольском собрании решили просто поздравлять всех женщин Болотнинской волости. Праздничная повестка развеселила ребят, и они манерно и в шутку начали поздравлять присутствующих на собрании комсомолок Анну и Марину Меленчук и Елену Ленскую, других комсомолок в организации ещё не было. И второй...

— Ребята, да хватит кривляться! Давайте перейдём ко второму вопросу, вот слушайте, пришёл такой циркуляр: «Товарищи! Голод на Волге усиливается. Голодает до тринадцати миллионов человек, десятая часть всего населения Республики». Слышите, ребята?! Это страшный голод в Поволжье. Там люди умирают, — но комсомольцы уже притихли и слушали внимательно, и Яков продолжил читать: — «В настоя-

щий момент в связи с окончанием в марте подготовительных работ к сельскохозяйственной кампании ЦК выдвигает задачу борьбы с голодом как боевую, массовую, политическую и деловую кампанию. В ней должны принять участие все без исключения члены партии, причём ответственность за ход кампании возлагается целиком на Облбюро, губкомы и укомы», — Яков перестал читать и обратился к комсомольцам: — Понимаете, товарищи, что и комсомольцы не должны остаться в стороне, и от нас люди Поволжья ждут помощи! Нам нужно поднять всю молодёжь нашей волости, в этом циркуляре ЦК ВКП(б) выдвигается основной лозунг, вот послушайте: «Десять обеспеченных кормят одного голодного. Перед нами стоит задача добиться того, чтобы рабочий отчислял добровольно 3 фунта хлеба в месяц; чтобы каждые 30 рабочих и служащих усыновили одного ребёнка; каждый крестьянин должен дать голодному не меньше 3 фунтов хлеба в месяц; каждые 10 дворов должны принять на своё содержание 1 ребёнка». Вот такие дела в нашей молодой республике.

— Это нам буржуи подговняли! Весь резервный хлеб на войну выгребали, а тут засуха! — выкрикнул Антон Николайчик.

— Товарищи, — как можно степеннее продолжил Яков, — начать собирать помощь предлагается с 15 марта 1920 года. Но мы не должны ждать 15 марта, мы должны поехать всем активом по всей волости и рассказать и про праздник 8 Марта, и объяснить людям про голод, и убедить их сдавать пшеницу для голодающих Поволжья. Куда сдавать, я выясню в волисполкоме. И ещё есть просьба ко всем комсомольцам: посещая деревни, встречаясь с молодёжью, надо орга-

низовывать комячейки на местах. Вот когда мы станем настоящей силой — когда у нас будут комячейки.

— Надо усилить работу по продразвёрстке! Это поможет голодающим Поволжья! — вмешался Костя Новосёлов.

— Правильно, — опять вскочил Антон Николайчик, — кулаков на кол!

— Нет, ребята, продразвёрстку надо вообще отменить как пережиток капитализма, как Николашкино наследие, — не согласился Яков Шерстнёв.

— Ввёл-то он, но пока без неё нам не обойтись, крестьянин излишки сам не отдаст, ты слышал — тринадцать миллионов голодают, мы, конечно, что-то по деревням соберём, но решить вопрос на государственном уровне сможем только с помощью продразвёрстки, — рассудил худенький Иван Цибульский, подумал и добавил: — И с беляками ещё война идёт, вот добьём их, освободим Дальний Восток, тогда и с этим наследием проститься можно будет.

— А как быть с усыновлением сирот? — спросила Лена Ленская.

— Я не знаю, — развёл руками Яков. — Вот что делать с детьми, вообще не понимаю. У кого какие предложения?

— Я предлагаю организовать детский дом для сирот здесь в Болотном, а потом уже искать тех, кто усыновит. И нужен приказ от волисполкома, чтобы бездетные семьи усыновляли два ребёнка, у кого один ребёнок — усыновляли одного ребёнка и чтобы содержали до шестнадцати лет.

— Правильно Лена говорит, — поддержал крепкий и рослый Миша Дубенко, которому давно нрави-

лась миловидная Лена Ленская, — а кто не подчинится — по закону военного времени — к стенке и всё!

— Эко ты хватил, — не согласился Иван Цибульский, — опять война? Четырёх месяцев не прошло, как Колчака из Болотного выперли, а ты опять стрелять? Мы только что все винтовки по волости собрали, ещё под снегом сколько осталось...

— Весной выгаят, — вставил Дубенко.

— Вот именно, там ещё трупы выгаят вместе с винтовками. Выход у нас один — убеждать людей надо!

— Правильно, убеждать! — поддержал Яков. — Разъяснить и убеждать, а для этого нужно, чтобы Огурцов спектакль написал про революцию.

— А я и так пишу, уже много написал, к лету будет готова пьеса, — встал, поправляя очки, Саша Огурцов.

— Вот это да! А как называется? — Яков хлопнул Огурцова по плечу.

— Огни в тумане.

— Здорово! Название толковое, — поддержал Цибульский. — А прочти что-нибудь, а? На память сможешь?

Александр встал, вышел из-за стола и начал торжественно декламировать:

Мы не знали смеха... Жили сумрачны, унылы.
Труд буржую отдавали безответно, как волю,
Голодали, холодали. А из нас тянули жилы.
Смеха яркого не зная, были хмуры мы и злы.

Но пришло и наше время. Цепи рабства мы порвали,
Мы свободны, точно ветер... Мы хозяева земли.

Нас заставить быть рабами, кто осмелится едва ли?
Для себя теперь мы сами золотые короли.
Там кипит война святая... Дрогнул враг от нашей силы...
Здесь мы строим жизнь иную ярко, красочно и гибко.
Да, в борьбе мы утомились... Но зачем смотреть уныло?
Пусть на лица наши ляжет счастья светлая улыбка!

— Ура!!! — закричал Цибульский. — Здорово-то как! Золотые короли! И название наше, комсомольское.

Уже на следующий день в тупик около вокзала станции Болотная поставили крытый вагон под пшеницу для голодающих Поволжья. Пока холод, решили собирать только пшеницу, а уж потом можно будет собирать и картошку, и свёклу, и другие овощи, и ещё — квашеную капусту. Учёт пшеницы поручили дежурным почтово-багажной службы станции, которая размещалась тут же в десяти метрах от тупика, а охрану — транспортной милиции, из окна которой был виден вагон. Под детский сад выделили недалеко от вокзала на улице Линейной брошенный дом колбасника Журавлёва. В помощь Лене Ленской определили Анну и Марину Меленчук и фельдшера тётю Клаву, старенькую, но надёжную. Дрова и уголь обязались заготовить комсомольцы паровозного депо. Мишка Дубенко — комсомолец, спокойный и крепкий малый, подговорил Якова, и тот назначил ему в напарники по агитации в сёлах Лену Ленскую, но с оговоркой — пока не привезли детей с Поволжья, потом Лену переведут заведовать детским домом.

По деревням пошли пешком, на улице уже подогревало, и если ночью градусник опускался ниже

двадцати, то к обеду было по-весеннему тепло. Дубенко и Ленская прежде решили идти в богатые сёла — Сабановку, Баратаевку, Александровку, Большеречку, а потом уже и в Корнилово. Всего наметили пройти двадцать деревень. Начальник станции был из буржуев, но с понятием, а потому отпустил Дубенко на общественную работу с условием, что за него отработают сменщики. С товарищами вопрос не встал, ребята все из рабочих, объяснять не пришлось, что такое в марте: людям жрать нечего — ни травы нет, ни запасов в погребе. Отпустили и сказали, чтобы собирал пшеницу, а о работе не думал, по очереди отработают за него.

Лена и Михаил вышли утром, через восточный переезд, скоро пересекли Московский тракт, и вот он, простор сибирских полей, и высокие, будто терема, берёзовые колки. Михаил захватил еды, трофейную винтовку и патроны к ней, уж больно много волков развелось нынче. Яркое солнце покусало снег с южной стороны, сугробы изрядно осели, а умятая санями дорога была скользкой, но упругой. Мишка шагал широко, но не быстро, чтобы Ленская успевала, а она и старалась не отстать и всё говорила, говорила, чуть не задыхалась, и её голос был ему приятен и мил, вот так он хотел её слушать всю жизнь. Вот так идти и слушать...

— Миша, — придержала его Лена, — смотри, волки!

Метрах в пятидесяти из одного колка в другой двигалась небольшая стая волков, след в след. Они передвигались по неглубокому снегу, опустив головы

и высунув языки, и Лене показалось, что языки у волков ярко-красные и что с них течёт тягучая слюна.

Михаил снял винтовку с плеча, надел штык и загнал патрон в патронник.

— А зачем штык? — удивилась Лена.

— Не бойся, на всякий случай, — спокойно ответил Михаил. — А случаи, они же разные бывают. Но ты со мной, а значит, красные победят!

И Лена благодарно прижалась к его плечу, но он-то знал, он даже жаждал этой схватки с волками, чтобы показать, какой он надёжный. Они продолжили путь, но были внимательны, хотя стая волков, скрывшись за лесом, больше не появилась им на глаза.

Сабановку и Баратаевку оставили на обратный путь, решили отмахать сразу пятнадцать вёрст до Александровки. В деревню вошли в полдень. Деревня в одну улицу — не заплутаешь, перешли Большую Речку по деревянному мосту и направились в школу. Славилась Александровка трудолюбивыми зажиточными переселенцами из Белоруссии и известным на всю волость учителем начальной школы Денисом Богданом.

Дениса застали в школе, у него сидел полный класс малышей. Тот выслушал комсомольцев и сказал:

— Урок у меня через пятнадцать минут закончится, я отпущу детей, и они сообщат по домам о собрании. Собрание проведём в школе. К управляющему я сам схожу.

Перед собранием Денис ещё несколько раз ударил по рельсу, который висел около управы. Потянулись люди к школе.

— Чего, Денис Иванович, звонишь в колокола? — спросил худенький старичок по имени дядя Ваня-свисток, в обдрыпанной ушанке. — Никак спасти тебя пора, мальцы тебя наши одолели?

Скоро все места за столами были заняты, мужики закурили, Денис замечаний делать не стал, а только открыл окно и посередь комнаты поставил ведро для окурков и предупредил:

— Товарищи, прошу окурки о столы не тушить, бросайте в ведро, без промаха, там водица есть.

— Да что ты, Денис Иванович, всякий раз нам об этом трындычишь, учёные мы уже, — сказал кто-то и громко чихнул.

— Будь здоров, Тимофеич!

— Здоровее видал!

— Вот вы говорите, учёные, а писать не умеете, — обратился к мужикам учитель. — С осени по решению волисполкома открываем школу для взрослых: и для мужчин, и для женщин.

— А женщины — это, значит, бабы наши, так разуметь надо? — хихикнул дядя Ваня-свисток.

— Все желающие, потому что в будущее без грамоты нам нет дороги.

Мужики собрались с интересом, потому как зимние заботы кончились, к посевной подготовились, по дому управились, а тут и развлечение — в школу вызвали. Сидели рядками, переговаривались, крепкие бородатые мужики, шапки сняли, кто на столы, кто на колени положил. Бороды у всех чёрные, крепко чёсанные, по-парадному, только один старик присел около стенки как бы сбоку, но у первого ряда, тот весь белым был — и голова, и борода, и тулуп на нём белый.

— А тем, кто помирать собрался, ему тоже грамота нужна, аль нет? — не унимался дядя Ваня-свисток.

— Вот, дядя Ваня, — включился в хохму круглолицый парень по фамилии Жук, — вот помрёшь, а там ангел перед тобой лист, мол, пиши, грешник, прощение самому главному, а ты писать-то не могёшь! И сожрут тебя, костлявого, черти, не подавятся.

— Товарищи! Товарищ Жук, у тебя сегодня шутовское настроение, и это понятно, ты ещё молод, и март на дворе, — взял слово управляющий — хромой партизан и член партии. — Товарищи, к нам прибыли комсомольцы из Болотного, по поручению партии и правительства, а вы ржёте, простите, как жеребцы. Давайте выслушаем делегатов.

— Товарищи, на Волге голод, люди мрут, надо помочь пшеницей, кто сколько сможет.

— А мы тут при чём? Мы робим с утра до вечера, спины гнём, а тут на тебе, на то сдай, и за это сдай, и тут пожертвуй. Вы как попы клятые. Нет от вас спасения. Государству, что требовалось, я лично всё сдал, у меня вот и памятка есть, — поднялся из-за стола мужик и показал бумагу.

— Милок, ты пойми, — обратился к Мише другой мужик, — три месяца как нас Колчак ободрал, всё ведь выгреб, и скотину, и лошадей забрал, и розвальни! Всё уволок, лихоимец, мы живы остались чудом, а кого-то и до Тайги заставили их благородия везти. Нам-то здесь как выживать? Мы, чай, не калачи с маслом едим? И не с неба они нам валятся.

Наступила тяжёлая тишина. Всё, что говорили мужики, всё — правда, ограбили их крепко, все излишки продразвёрстка забрала. Но и всякий знал, что

не настолько прост наш крестьянин, чтобы всё отдать, но кто, где и что припрятал, знать никому не полагалось. И Миша растерялся, не говорить же мужикам, чтобы они схроны свои раскупорили.

— Девка у тебя ладная, продай, — сказал вдруг круглолицый Жук, — тогда, можа, и найдём чё.

Мишка с лёту достал-таки его в нос. Когда их разняли, столы валялись на боку, у Жука текла кровь, а Мишка рычал, как медведь. Лена крепко обняла его и шептала:

— Всё, Мишенька, успокойся, ты же комсомолец, а дерёшься, а он провокатор. Не поддавайся.

С трудом, но все успокоились, вернули на место столы и опять чинно расселись и сосредоточенно закурили.

— Не хорошо, плохо себя повёл наш товарищ, — сказал управляющий, — стыдно мне за него, а ведь мы с ним партизанили, и не струхнул он ни разу, а тут он сейчас как купец говорил, как буржуй, который всё купить может. Да только за деньги, товарищ Жук, всё купить нельзя, ни рабочего, ни крестьянина, кого-то и где-то, может, и можно, кто-то и где-то, может, торгует собой, но не у нас. В нас теперь столько пролетарской силы, что не подступись к нам — по морде схватишь! Что и произошло вполне резонно.

— Я вот что думаю, — встал белый старик, — мы немного заблудились, и это понятно, и товарищ Жук тоже в растерянности, это он нечаянно, по молодости, не подумавши, брякнул. Но нам нужно понять одно, что вчера мы выживали за счёт того, сколько у нас в амбаре припасено, сколько в стайке хрюкает, сколько в чулане висит, лежит и прикопано. Но надо

понимать, что не мы, а капиталисты войну с немцами запалили, потом ещё продразвёрстку ввели, потом белый террор устроили и гражданскую войну, ведь не рабочий и не крестьянин войну затеял, а тут ещё и засуха подоспела им на помощь! Но теперь-то наша власть, мы другими становимся, мы сильны тем, что трудимся как всегда, а выживаем все вместе. Теперь мы не позволим умирать людям с голоду, а самим сидеть в сторонке, теперь мы придём и поможем, а если вдруг у нас беда, то они придут к нам на помощь, и вот это наше товарищество — наше общее богатство — никакой Колчак не отберёт и не угонит, как скотину. Да мы и живём так. Да разве не вы помогаете семье Гончара, погибшего на фронте и который покоится где-то в чужой земле? Не капиталист, не поп помогает его семье, а вы помогаете, да если бы не вы, то и вымерли бы уже с голоду его семь ребятешек. А когда в прошлом году дядя Ваня сломал ногу, не вы ли помогли ему сенца на зиму заготовить и хлебушек собрать? Вот он среди вас сидит и теперь смеётся, балагурит, ещё и грамоте придёт учиться. Люди с голоду умирают, да неужто не поможем? И двадцати лет не прошло, как вы от голода и безземелья из Беларуси сюда в Сибирь приехали. Уж кому-кому, а не вам рассказывать, что такое голод!

— Добро, дед, хорошо сказал, — прогундосил Жук, отнимая руку от окровавленного лица, — не прав я, и не только за то, но и за наше общее дело, мешок пшеницы отдам от души. Ну и от души скажу, прости, парень, меня, но девка у тебя действительно уж очень хороша!

И уж тут смеялись все, и Миша с Леной тоже.

Денис долго провожал комсомольцев, говорили о событиях в Москве, на фронте, вспоминали прошедшее собрание.

— Ой, — вспомнила Лена, — мы забыли рассказать про 8 Марта и организовать комячейку.

— Почему не успели, вот сейчас Денису всё и расскажем, и он организует, возглавит комсомольскую организацию деревни Александровки. Понимаешь, Денис, в каждой деревне должны объединиться люди, самые честные, работающие, те, для кого общее так же важно, как личное. Если лучшие станут руководить нашим обществом, и десяти лет хватит, чтобы мы поняли и ощутили, что такое счастье. Капиталист, он и добрые дела может делать, если они ему прибыль принесут или если сильно испугается за свою власть над людьми. А у нас должны объединиться самые лучшие, больше чем святые. Правильно дед сказал, что мы заблудились, нужны ориентиры, маяки.

— Огни в тумане! — подсказала Лена.

— Точно! Огни в тумане! Молодец, Лена! Денис, а что это за дед выступал на собрании, такой, с белой бородой, ну, совсем белый?

— Не знаю, не наш он, а я подумал, что он с вами пришёл.

— Чудеса прямо сегодня. Но как он правильно заметил, наши люди, они же общиной живут, друг без дружки никуда, да и не выжить. Но я его где-то уже видел, не помню точно. Прощай брат, извини, что стол сломал, — Михаил обнял Дениса.

Так и простились, Денис бодро зашагал обратно в деревню, а комсомольцы зашагали в Большеречку. Михаил шёл чуть впереди, размеренно, но так, чтобы Лена не отстала.

— Лена, хочу тебе признаться...

У Лены дрогнуло сердце, и румянец залил щёки.

— Только ты пока никому не говори. Я решил пойти работать в милицию. Вот я так думаю, что всех переубедить нам всё равно не удастся, например, вора уговорить не воровать. Ты ему, мол, не надо, товарищ, воровать, а он согласится и скажет, да, брат, не надо, и тут же сворует. Ты ему опять про совесть, про народ, про голод в Поволжье, а он, гад, как воровал, так и воровать будет. А если ему по роже врезать или к стенке поставить — всё, как отрезало, ему даже во сне страшно будет от одной только мысли что-нибудь своровать.

— И чем же тогда, Миша, наше общество буржуинского будет лучше? — возмутилась Лена. — Там по морде и на каторгу, и здесь такая же песня? Мы должны построить общество, чтобы люди с детства понимали, что воровство — это зло, которое не даёт нам жить счастливо. Мы должны воспитать такое общество, мы должны так научиться убеждать, агитировать, чтобы человек сразу советским становился. Ведь понимание добра, оно воспитывается, можно воспитать доброе общество людей, а можно и злое. Вот мы и будем воспитывать, и милиция должна воспитывать, да, может, и наказывать, но с одной только целью, помочь человеку стать хорошим человеком. И тогда нам уже не нужно будет ходить и убеждать друг друга, что если беда, то надо помочь и спасти людей от голода.

— Замучаешься убеждать. Хотя кто-то и поймёт, но есть такие экземпляры, ты ему хоть в лоб, хоть по лбу! Его только пуля убедить может.

— А я верю, что скоро мы построим такое общество, в котором люди сами всё будут знать и думать не

о еде, а о счастье, и думать, как лучше построить свою жизнь, чтобы дети гордились ими.

— Может быть, но сейчас трудно людей убеждать, каждый сам по себе, всё в свою кубышку, а чтобы сознание подросло для этого время нужно. Вот сегодня парень этот, Жук, по морде получил и сразу всё понял. А ведь прежде мы его убеждать пытались. Да не получилось.

— Получилось бы, только мы слов правильных не нашли, он наш, понимаешь, он в партизанах был, с колчаковцами сражался. Миша, — остановилась Лена, — а ты, правда, на мне женишься?

— А ты, правда, за меня пойдёшь?

Они обнялись и долго так стояли посередь дороги.

— Тру-у! — услышали они, рядом остановилась кошёвка, и Жук гаркнул: — Садись, комсомол, поручено мне вас до Большеречки довести и на ночлег определить.

— Вот видишь, Миша, — улыбнулась Лена, — люди они хорошие, ты только в хороших людей не веришь, но я тебя перевоспитаю.

— Правильно, его перевоспитывать надо, а то как чуть, так сразу в драку. Нехорошо это, Миша, — и Жук заржал громко и нахально.

— Ты был в партизанах, а почему не комсомолец? — строго спросил Миша, усаживаясь в кошёвку.

— Уже комсомолец, Денис уже среди меня агитацию провёл. Это он к вам отправил довести. Поехали!

— Мальчики! — закричала Лена громче скрипа полозьев. — Счастье — это когда ты строишь свою

жизнь, не считая деньги и не глядя на обстоятельства, а своей волею и своим желанием, сам. Понимаете? Сам строишь, побеждаешь и ошибаешься — всё сам, а общество помогает тебе всё преодолеть, а главное — помогает тебе стать великим человеком!

— Это всё на словах, а в жизни всё иначе. Это где же столько денег взять, чтобы люди их считать перестали? — Жук обернулся и увидел, что его пассажиры целуются, отвернулся и крикнул, да так, что весь белый свет услышал: — На свадьбу пригласить не забудь! Нехорошо без свата на свадьбе! Эх, родимые, а давай с ветерком! Эх-ма!

И понеслась кошёвка широкой дорогой, засвистел ветер в ушах, полетели комья снега из-под копыт, заблестел простор в переливах снежных огоньков, засмеялось, затанцевало солнце. И раскрылся взору великий простор, будто книга, на белых страницах которой ещё предстояло написать имена новых героев.

Историческая справка

1. Продразвёрстка (сокращение от словосочетания «продовольственная развёрстка») — политика обеспечения заготовок продовольствия за счёт обложения крестьян налогом в виде зерновых (хлеб) и других продуктов, проводившаяся в период с 1916 по 1921 год. Начало продразвёрстки было положено Правительством Российской империи в ноябре (декабре) 1916 года и продолжено Временным правительством (в виде «хлебной монополии»), а затем и правительством РСФСР.

2. Российские учёные выяснили, что в дореволюционную эпоху засухи вдвое чаще происходили на территории Поволжья, однако при этом они были менее суровыми, чем в прошлом и в текущем столетии. Данные получили при помощи анализа годичных колец древних деревьев.

Поволжье представляет собой один из исторических регионов России, где засухи достаточно часто вызывали эпизоды массового голода, экономической нестабильности и других проблем в относительно недавнем прошлом нашей страны. В частности, засухи считаются одной из главных причин нескольких волн массового голода в Поволжье в конце XIX века, а также в 1921–1922 годах.

Российские исследователи сравнили структуру и свойства колец для сосен, которые произрастали в разных климатических регионах Поволжья, в том числе в бореальных лесах на севере, в смешанных лесах в центре и в лесостепи на юге. Это позволило ученым точно раскрыть влияние нехватки воды и высоких температур на рост деревьев и получить полную картину того, как часто засухи происходили в данном регионе России с 1830 по 2014 год.

Расчёты показали, что в последнее столетие дореволюционной эпохи засухи происходили вдвое чаще, чем в текущем и в прошлом столетии. По подсчётам профессора Соломиной и её коллег, в XIX веке произошло как минимум 14 подобных эпизодов, тогда как в XX и XXI веке случилось лишь семь и одна засуха соответственно. При этом учёные обнаружили, что засухи были значительно более суровыми в советскую

и постсоветскую эру, чем в дореволюционную эпоху.
(По данным сайта nauka.tass.ru)

3. Денис Богдан — учитель Александровской школы Болотнинского района, приехал в Сибирь из Белоруссии. Он создал несколько литературных художественных произведений и русско-белорусский словарь, которые, к сожалению, не сохранились до наших дней, но о его трудах мы знаем из дневниковых записей русской писательницы Карнеевой Натальи Борисовны. В 1931 году Денис Богдан поехал в Белоруссию с целью агитировать учителей переехать в Сибирь и помочь бороться с безграмотностью. В дороге он заболел и умер.

Женорг

Хаврония всю жизнь страсть как не любила своё имя. Когда-то и отцу младенца, очень состоятельному купцу, оно тоже показалось неблагозвучным, но поп упёрся:

— Всё по святцам, я не вправе нарушать церковный закон и лишить ребёнка его ангела-хранителя. И если сегодня 25 июня, значит, так Господу Богу было угодно назвать сие дитя во имя святой преподобномученицы Хавронии Сирской.

— Так что же теперь девке мучиться всю жизнь с эдаким поганым именем? — возражал отец девочки и предложил двойную плату за крестины.

Но в тот день отец Онуфрий был крайне не стоворчив, и виной тому была его законная супружница, попадья матушка Аглаида, которая из своей природной вредности выразила ему неуважение и крайнее неповиновение. И ничего в том не было бы необычного, если бы сегодня это не произошло в присутствии детей, которые не токмо не встали на его сторону, но при этом они ещё ехидно и крайне паскудно ухмылялись.

Изменить свою жизнь Хавронии помогла революция, когда в феврале 1917 года буржуи скинули

Николая II, она перестала подчиняться отцу, а после свержения буржуев в октябре всё того же обильного на события года убежала из дома и объявила себя Октябриной!

К тому времени она уже окончила Змеиногорские высшие курсы и всею силою приступила к ликвидации безграмотности сельского населения. Она была убеждена, что без всеобщего образования будущего у молодой Советской республики нет.

Своего супруга и революционера Алексея Никитина она встретила в 1918 году, когда Белое движение при поддержке стран Антанты начало Гражданскую войну. Но закончились и эти лихие времена, зарождалась новая неведомая и невиданная жизнь. Октябрина вступила в партию, мужа как опытного партийца часто переводили с одного места на другое, за почти десять лет они объехали всю Сибирь, но вот наконец-то в 1927 году они осели в Болотном. Алексей на ответственной партийной работе, а Октябрина была определена на работу в райисполком женорганизатором.

В Сибири шла коллективизация. Агитаторы сбились с ног, но если бедняки с охотой вступали в колхоз, то середняки размышляли, прикидывали, тянули время и не спешили объединяться. Кулаки же в колхоз вступать не желали, и более того, осевшие в деревнях колчаковцы тоже подстрекали колеблющихся не вступать в колхозы. И тогда молодая советская власть придумала работать с женщинами, которые имели особое влияние на мужей. И этим делом — пропагандой колхозной жизни — занялись женорги.

— Вот ты, Октябрина, скажи, — поднялась Валентина, крупная и, очевидно, очень сильная женщи-

на, — я всю жизнь робыла, чтобы у меня корова была, а когда лошадка появилась — так совсем радость, и теперича ты говоришь — отдай! Это же грабёж! А, бабоньки? Или я чего-то не понимаю? Так объясни мне, дуре деревенской, чтобы я завтра взяла бурёнку свою да тебе отвела.

— А дитёв я куда дену, ежели в колхозе работать начну? Вот сама посуди, — поднялась и закричала другая, круглая, как мяч, и вся в конопушках, — утром ушла, а вечером пришла. А дети? Кто присмотрит, кто накормит, кто срать посадит, кто жопу ему вытрет? А когда у меня корова в стайке, и бычок, и курочки здесь же, я всё успею. Али не так? Али я совсем баба дурная?!

— Для детей мы детский сад организуем, куда детей сдавать на день будете.

— Это какой такой сад, это кому сдавать?! — удивились конопушки.

— Да неужели у вас в деревне нет женщины, которой дитя своё поручить можно? Не поверю, что у вас таких нет!

— Ну если только Анастасия, наверное, — сказал кто-то робко.

— Да, Настя, она с дитёв пушинки сдувает, для неё все дети — ангелы.

— А где эта Анастасия?

— Где, дома, где и положено матери быть, у неё своих четверо, это мы здесь лясы точим, а она при доме, где бабе и положено быть.

Агитировать женщин — это дело очень мудрёное, если не сказать мучительное, даже в какой-то степени безнадёжное. У мужиков, у тех хоть перекур есть и возможность подумать, а у женщин суд вершится

враз, одним махом, наотмашь и с визгом. Кричали женщины все разом, ничего нельзя было понять, но все обсуждали детский сад.

— Женщины! Товарищи женщины! Прошу внимания! Кто из вас самый крепкий хозяин, поднимите руки. Отлично. Вот вы, — обратилась Октябрина к одной из женщин с поднятой рукой, — вы с мужем трактор купить сможете?

— Корову смогём, а трактор, пожалуй, нет.

— А если все вместе соберёте деньги, сможете? — продолжала Октябрина.

— Сообща-то смогём, наверное, только кто деньги собирать будет?

И опять загудели бабы, загалдели. Хай такой поднялся, что подкинь полено, пока не загорится, на пол не упадёт.

— Бабоньки! Да тише вы! Вот колхоз для того и нужен, чтобы и деньги собрать, и трактор купить. Колхоз — это вы, потому что вы собрались и решили все вместе: на что деньги потратить в первую, а остальные во вторую очередь, по-хозяйски. На покос или иная забота, кому детей оставляете? Друг дружке! Чем не детский сад? Трактор один все поля вспашет и больше, если захотите, единолично столько не осилите, трактор он железный — паши, сколько хочешь, а мужик, он один, его поберечь надо. Всё ж, какой-никакой, а свой.

— А мужики при бабах останутся или тоже общие будут?

— Да ты уж молчала бы, они и так все твои!

И вдруг поднялся визг, две женщины схватили друг друга за волосы и давай тягать по всей избе. Раз-

няли сами бабы, развели по углам. Валентина, крепкая и высокая, сама как трактор, пригрозила:

— Людѐв не стесняетесь, так хоть бы уполномоченную постеснялись. Всё мужика делют. Тьфу, прости господи, а там мужичѐнка-то, не поверишь, Октябрина Георгиевна, на одну ладошку посади, другой прихлопнуть можно.

— Худой петух да ёбкай! — возразила конопатая и сама прыснула со смеху в подол.

И опять покатались бабы, но уже со смеху.

— А у самой-то дети есть? — выкрикнул кто-то из женщин.

— Нету, бабоньки, детей у меня нету.

— То-то легко ей рассуждать, да в детсад детей сдавать. Ей своих не водить, а чужих не жалко!

— Подмороженная я, бабоньки. Это ещё в девятнадцатом году из Корнилова мы с Алексеем моим от колчаковцев по полям убегали. Ноябрь уже был. Шли пешком и в стогу заночевали. Вот и подморозилась я тогда, Алексей вообще чуть без ног не остался, но старичок один помог, знахарь здешний, принѐс лекарства и спас его.

Вдруг распахнулась дверь, и на пороге появилась Анастасия, в валенках на босу ногу, в зипуне и наспех накинутой шали:

— Бабоньки! Кулаки Октябрину задумали убить!

Наступила тишина, которую прервала Валентина, она, как исполинская башня, как памятник, поднялась во весь рост:

— Откель знаешь? А коль напраслина?

— Старичок один сказал.

— Что за старичок?

— Да откель мне знать. Постучал в окно и грит, беги к бабам в школу, предупреди, что кулаки Октябрину убить задумали. Ну вот я и прибежала.

— Вот что, бабоньки, — распорядилась Валентина, — Октябрину надо полями вывести.

— А мне в Баксон надо, там у меня завтра собрание будущих колхозников.

— Поведёт Маруська, она скоро на ногу, Вера и Аксинья — молодые да скорые, с ней пойдут. Проведёте до Дальнего Падуна, а дальше сама найдёт дорогу.

— Ой-ё-ёй! А волки-то как? Волков нынче много, чуть не по деревне ходють, — взмолилась молодая и красивая Маруська.

— Меня не трогают, я же много по деревням хожу, и потемну случалось, и в метель, я видела одного волка, белого, очень большого, с лошадь, но он издали идёт и не нападает.

— Вот! А я что говорила?! — взвизгнула Маруся. — Есть у нас Белый волк! Есть! А вы мне не верили, так теперь уполномоченной из женорга поверьте.

— Белого волка я часто вижу, и иногда мне кажется, что он меня охраняет. Я же слышу — воют, а ко мне не подходят, и тогда я начинаю понимать, что рядом где-то Белый, волки его боятся.

— Вот и дожили, бабоньки, до счастливой жизни: люди убить хотят, а звери защищают. Воистину человек страшнее зверя стал!

— А потом куда пойдёшь? И всё пешком?

— Не скажу, куда потом пойду, бабоньки, не обесудьте, видите, как дела оборачиваются, значит, хорошее дело я рассказываю, если кулаки меня убить собрались. Если вы разбогатеете, то кто ж их кормить

будет? Правильно или нет? Кулак — потому и кулак, что всех в кулаке держит, не трепыхнёшься. Он из тебя, если захочет, все кишки выдавит.

— Ну что, бабы, у каждого свой разговор дома будет, — Валентина показала кулак, и все поняли, что её Фёдору сегодня придётся жить трудно.

— Но завтра все к председателю, заявления писать будем. Хочу богатой стать! А? Кто ещё хочет, поднимай, бабы, руки!

Историческая справка

Прототипом героини рассказа стала Хаврония Георгиевна Никитина (Кашина), которая родилась 24 мая (крестили 25 июня) в 1901 году, в семье зажиточного крестьянина. В апреле 1927 года была переведена на работу женорганизатором для работы с женщинами, которые в большинстве были безграмотными. В одной из деревень агитировала женщин вступать в колхоз. Кулаки решили её проучить, учинить расправу за деревней. Об этом стало известно женщинам, они вывели её огородами. На лице у Никитиной был шрам — свидетельство о непростых временах.

Косач

Пётр Косачёв родился калекой в деревне Грязное, их пятистенки стоял на берегу речки Зелёной. У него одна нога была короче другой, а потому ходить он учился сразу с костылями. Врождённое уродство въелось в характер злобой и недовольством. Чем старше он становился, тем более не любил людей, и не только — его раздражало всё: и лес, и речка за огородом, и даже гуси во дворе, одного он даже пнул, просто проходя, и сломал ему ногу. Мать сетовала на дворнягу и недоумевала, как собака могла сломать ногу крупной птице, но гуся пришлось съесть до времени. Эта нелюбовь скоро подарила ему прозвище — Косач.

И когда деревенские пацаны бегали по вольным улицам, играли в лапту, притихали на рыбалке или соревновались на сборе грибов, Косач сидел дома или около дома и пытался учиться. Изредка к нему заглядывал дьячок из Болотнинского храма Николая Угодника, он оставлял ему книги, разъяснял некоторые уроки и обещал, что скоро заберёт его и тот будет петь на клиросе. Учиться Пётр Косачёв тоже не любил, но памятовал обещание дьячка, старался выполнить все задания, мечтая уехать от опостылевшего дома и стареньких безропотных родителей. Став подростком и уже овладев письмом и счётом, он вдруг приобрёл в

деревне значение, а получив первых нерадивых и сопливых учеников, понял, какой великой властью обладает учитель — это стало настоящим открытием, которое изменило его планы на будущее.

Его страстное желание учиться окончательно покорило сердце доброго дьячка, и тот договорился с железнодорожным начальством, чтобы убогий раб Божий Пётр мог бесплатно посещать занятия в Министерской железнодорожной двухклассной школе, которая разместилась рядом со станцией Болотная на улице Линейной. Жить Косач устроился при храме, в подвальной каморке у истопника, который с удовольствием разрешал Пете поддерживать тепло в храме, пока сам отлучался к куму в Кондукторский переулок.

Скрип деревянных самодельных костылей ежедневно следовал вдоль улицы Линейной от храма Николая Угодника к железнодорожной школе и обратно. Два года тягостно, но сытно прошли в Болотном, родное село Грязное, случайно примкнувшее к железной дороге, позволяло изредка навещать стариков, пополнять запасы картошки и солонины. Друзей в Болотном у Косачёва не появилось, но прозвище Косач, будто по щучьему велению, передалось от грязновских пацанов болотнинским.

Скинули царя, железная дорога забурлила сначала мешочниками, торговками, новыми магазинами и питейными заведениями, из которых по всей ночи неслась потрескивающая музыка сначала граммофона, но скоро французская фирма «Пате» предложила усовершенствованный патефон. Косач просто влюбился в это чудо — музыку, и однажды случайно сво-

ровал такой агрегат у раззявистого пассажира. Грязное вдруг ожило и затанцевало, к Косачу потянулись парни с просьбой включить «музыку» на вечёрке. Гармонь молодёжь уже не устраивала.

Жизнь текла своим чередом, Пётр Косачёв жил учительским трудом, принимая оболтусов из зажиточных крестьянских семей. Девочек грамоте в деревне не учили, считали делом не нужным, и, как говорили: «спусть прядёт». Грязновские девочки умели изрядно прясть уже в шесть лет. Однажды, считай, под самую зиму из Болотного прибыл уполномоченный, собрал сход и сообщил, что в Болотном власть у Советов, что, по декрету вождя большевиков товарища Ленина, заводы теперь принадлежат рабочим, а земля — крестьянам. Но продрозвёрстку никто не отменил. Пшеницу, как и прежде, сдавали государству, а себе оставляли только на еду, посев и хозяйственные нужды.

В феврале 1918 года развернулась полномасштабная Гражданская война. Однако в столь бурное и кровавое время именно ненавистная хромоногость спасла жизнь Петру Косачёву. События развивались молниеносно, железная дорога лихорадочно перевозила солдат сначала с востока на запад, а потом, когда красные начали побеждать, — с запада на восток. Деревня Грязное, так удачно прилепившаяся к железной дороге и получившая от этого определённые выгоды, теперь терпела бедствия — её грабили все кому не лень.

Косач придумал такую хитрость: как только в деревне начинался грабёж, или поиск красных-белых, или продовольствия, мать разбивала в доме тухлое яйцо, отец ложился в постель якобы с тифом, а сам

Косач в лохмотьях и на костылях выходил во двор покурить. Убогого жалели все, но если и врывались в дом, то от вони и от «тифа» бежали прочь.

Продуктовые запасы Косача ни разу за почти два года военной перебранки не пострадали. Более того, инвалид детства сам научился промышлять, однажды ему удалось добыть двух добрых коней. Седоки в том и другом случае были побиты в бою, и осиротевших лошадей выловил Косач, потому как в это время прочее дееспособное население сидело по погребам. Уже на следующий день Косач выменял лошадей на еду, одежду и инструменты, так у него появился второй патефон. На кой ему второй патефон, Косач и сам бы не знал, но ответил удивлённому отцу, что «не твою ума дело».

Грязное лихорадило не только от стука проходивших поездов, от былых выгод или нынешнего лихолетья — именно благодаря железной дороге население деревни Грязное увеличилось. Однажды притормозил состав, и из вагонов вынесли сразу несколько больных тифом колчаковцев и уложили под насыпь, а сами поехали дальше, но не сразу, машинист не рассчитал, а возможно, и не знал о крутом подъёме в сторону Чахлово, который сами железнодорожники звали «восьмитысячником». Этот участок Транссиба считался самым сложным, потому что от Чебулы до Чахлово тянулся крутой подъём, и машинисты, как правило, разгоняли состав, чтобы преодолеть его, а составы, которые ехали в обратную сторону, беспощадно воняли тормозными колодками, разгоняясь с горки в сторону Чебулы. Паровоз побуксовал немного, потом помощник машиниста рассыпал по рельсам песок для сцепки колёс,

и состав с трудом, но уплыл, оставив свой тифозный «выкидыш» на откосе.

Время хоть и злое, но люди в Грязном жили добрые, и скоро тифозников разобрали по домам. Не по себе становилось, когда несли больного, а тот не мигая и бессмысленно смотрел в небо, а на вопросы отвечал невпопад. Так к ближайшей соседке Косача тётке Зое, солдатке, потерявшей мужа в Первую мировую, принесли парня длинноногого, назвался Михай Туралиным — худой, тонкий, красивый. Выходила его тётка Зоя, уже через месяц, опираясь на палочку, больной вышел на улицу и присел на завалинке. И стал Михаил тётке Зое сыном, а не мужем, как поговаривали в деревне. И что удивительно, выходили всех, похоронили только одного, и того — от ранения. Не победил солдатик две болячки разом.

Лечили тифозных чесноком и мёдом, опять-таки в каждой хате закуры сделали из черного дёгтя, чтобы самим не заразиться. А тут ещё и знахарь забрёл в деревню — Арефа — известный в здешних местах кудесник и ведун, он пришёл с травками, обошёл все хаты, раздал советы и оставил настой из кровохлёбки, крапивы и зверобоя, а может, и ещё чем поил, людям было неведомо. Но более всех приходу Арефы была рада жена Семёна, которому Арефа вырвал давно сгнивший коренной зуб, да так искусно, что Семён даже испугаться не успел. А потом вдруг сильно расстроился, мол, как я теперь жить без самогона буду, я же им целый год от боли спасался. Но повод выпить Семён нашёл уже утром, он торжественно и благодарно поднял чарочку за здоровье спасителя. Косач же к милосердию отнёсся равнодушно и тифозника в дом

не взял, мол, «своего говна хватает», чтобы ещё и с насыпи подбирать.

Осенью, как раз в вересень, в день Световита, а христиане в этот день празднуют рождество Пресвятой Богородицы, в самое раннее туманное и тёплое утро, раздался непонятный, но жуткий гром и скрежет, потом будто взрыв и опять тишина. Управляясь одним костылём, Косач выпрыгнул из дома, остановился на крыльце и стал прислушиваться к утренней заре, которая всё ярче расцветала на востоке в мареве молочного тумана. Косач понял, что нечто случилось на железнодорожном пути, тем более что за дальним колком находился самый опасный участок восьмитысячного подъёма — крутой поворот. Опыт подсказывал Косачу: где беда — там нажива! Накинув старенький серый зипун и прихватив второй костыль, он скоро заспешил вдоль железнодорожного полотна, по стороне, которая проходила по высокому склону. Косач понимал, что если случилась катастрофа, то все вагоны внизу, в глубоком распадке, который тянется от речки Берёзовой до самой станции Чахлово. Но остаться неувиденным ему не удалось, он ходко пропрыгал с полверсты, как ему навстречу вышли три мужика.

— Петро?! — удивился один из них.

Косач узнал двоих: сапожника Казеткина из Болотного и рабочего с угольного склада Владимирова.

— А ты что здесь? — мужики переглянулись, очевидно, спрашивая друг друга, как быть.

— Я — могила, — Косач почувствовал опасность и перекрестился, — матерью клянусь!

— Лады, — согласился Казеткин, — ты нас не видел. И лучше тебе туда не ходить. Там под откосом ка-

рательный отряд поляков, если увидят, сразу убьют, даже разговаривать не будут.

— Это вы их... того? — уважительно спросил Косач.

— Меньше вопросов, скачи лучше домой! — огрызнулся Владимир.

Мужики прошли дальше, и скоро Косач услышал топот удаляющихся лошадей.

«Уехали, — понял он, — выжил, а могли бы и убить. Я бы убил». Он поднялся и медленно пошёл дальше, но теперь с предельной осторожностью, но и понимая, что два раза за день не умирают.

С горы Косач увидел всю страшную картину катастрофы. Вагоны, колёсные пары, человеческие тела — всё перемешалось с сырой землёй глубокой впадины. Паровоз лежал отдельно с разорванным котлом. Партизаны пустили под откос пять вагонов с поляками. Оставшиеся в живых копали две ямы, к которым сносили убитых и изувеченных людей. Вдруг раздались выстрелы, Косач упал на землю, но выстрелы прекратились.

Страшная картина волновала его, он даже наслаждался и риском, и кровью, и количеством трупов. Но вдруг его объял ужас, два солдата и офицер, ходившие среди развороченных вагонов, стреляли в раненых. А другие тут же подбирали их и несли к ямам. Офицеров хоронили отдельно от солдат.

У Косача вдруг пересохло в горле, язык стал шершавым, он даже не мог сделать глотательное движение, но где здесь, на высокой сопке, можно найти воду? И вдруг он увидел гриб, старый, коричнево-чёрный моховик, он потянулся, сорвал его и начал есть,

грибная влага смочила губы и горло, и приступ сухоты стал отходить, оставляя пряный грибной вкус.

К полудню похороны были закончены, оружие собрано и прикопано под двумя сросшимися берёзами у самого подножия склона. Потом свежую землю над схроном припудрили листвою и сухими ветками. Перед тем как уйти, поляки построились около могил и после команды выстрелили в воздух. Салют, понял Косач. Поступила команда, и неровным строем поляки пошли вдоль насыпи в сторону Чахлова.

Целую неделю с первыми лучами солнца Косач ходил к месту катастрофы и, как собака, искал и вынюхивал всё, что могло пригодиться в хозяйстве. И он был не единственным, скоро вся деревня копошилась среди искорёженных вагонов, и кому-то удавалось найти винтовку или саблю, но ни к могилам, ни к схрону с оружием никто не подходил.

Красная армия теснила отступающих колчаковцев, а вместе с ними и примкнувших белочехов, в Грязном уже не осталось ни одной лошади, ни одной телеги — всё было реквизировано отступающей армией Колчака. Однажды заглянули красные партизаны, зашли к Косачу.

— Привет, Петро! — поздоровался Казеткин. — Счастливый ты человек!

Косач пожал руки мужикам.

— Спасибо, что не пристрелили, — криво улыбнулся он.

— Петро! А что у тебя так дюже воняет?

— Яйцо тухлое мать раздавила.

— Во люди живут, тут жрать нечего, а у него яйца протухают.

И Косачу пришлось рассказать, как отпугивал тухлыми яйцами грабителей. Посмеялись мужики, вышли на волю, закурили, чтоб вонь с себя сбить.

— Слышь, Петро, а у тебя винтовки какой нет? Не прикопал случайно где, у поляков винтовок было много. Понимаешь, с оружием у нас проблема, а я тебе кобылу задарю.

— Кобылу я у вас выменяю, — сказал Косач и вытащил из комнатки отца патефон.

— Музыка?! — удивились партизаны. — А работает? А, может, она того, а? Ну-ка включи, давно душа не грелась.

Косач открыл аппарат, несколько раз крутанул ручку, установил иголку на пластинку, и запрыгало вместе с солнцем над навозным двором и серой камышовой крышей пятистенка: «Я кукарача! Я кукарача!»

Насмеялись мужики вдосталь и нервный озноб сняли.

— Ну, спасибо, Петро! Потешил ты нас куда с добром. Что, мужики, меняем лошадку на музыку?

— Меняем, — загудели мужики.

Подвели кобылу. Взял её под уздцы Казеткин и говорит уже без смеха:

— Вот, Петро, вручаю тебе лошадь нашего товарища, погибшего за счастье трудового народа. Береги её, это тебе наш подарок и поручение.

Все встали и сняли шапки.

— Я грамотный, время правильно понимаю, — принял лошадь Косач, — новые времена наступают, народ всем править будет и красные большевики.

— Молодец, Петро, правильно всё понимаешь. Ну, всё, товарищи, пора. — Но вдруг Казеткин остановился. — Слышь, Петро, а может, тебе музыку жалко, может, самому хочется про кукарачу послушать? Так оставь себе.

— Нет, у меня ещё один патефон есть.

Вот тут не выдержали даже неулыбчивые. А как просмеялись да утихомирились, Косач положил руки на седло кобылы и одним движением рук вознёс себя в седло, подтянул костыли и приторочил к сиденью.

— Силён, — удивился Казеткин, — силён.

— Ну а теперь, господа партизаны, — обратился счастливый Косач, — поехали решать второй вопрос. Надеюсь, что схрон на месте. Будут вам винтовки!

Умело он развернул лошадь и погнал галопом, да с такой удалью и озорством, что и птицам такая лихость не под силу.

Единственным в деревне, кто радовался встрече с Косачом, был Мишка Туралин. Завидя соседа, Мишка выходил на улицу и орал, будто счастье к нему привалило:

— Петро! Здорово! Ну, ты как?!

И эта счастливая улыбка соседа раздражала и радовала Косача одновременно, и он присаживался поговорить с Мишкой. Тётя Зоя гнала самогонку, и несколько раз Мишка уже зазывал к забору соседа, пропикивал в редкий плетень стопочку, наполненную до краёв, и огурчик.

— Испей, Петро, самогоночки! Будь здоров, брат, с уважением и по-соседски.

Мишка жил охотничьим промыслом, благо вдоль речки Зелёной и зайца, и лисы, и косули было много.

Бывало, и большая удача заглядывала к нему в ствол ружья — и он валил сохатого.

Когда начали организовывать колхоз, Косач одним из первых подал заявление и благодаря грамоте скоро стал делопроизводителем и счетоводом. Но верил он, что это только начало служебного роста, впереди намечалось открытие школы. Вот школа и была его главной целью, мечтой, если хотите, и возможностью закончить-таки в Томске педагогические курсы.

Школу скоро открыли, детей всех переписали, дом сбежавшего кулака под школу определили, но Косача к школе не допустили. Оказалось, что по нормативам ещё с царского времени инвалиды от рождения не имели права работать в исполнительных органах и школах. Какая-то мышь канцелярская когда-то придумала, что у инвалидов детства психика какая-то не такая и допускать их к детям нельзя. Более того, вполне официально считали, что всякое врождённое уродство есть знак вырождения, а рыжие не принимались даже как свидетели в суде. Их тоже считали от рождения лживыми людьми. Но компенсацией Косачу стало повышение его до должности управляющего колхоза. Теперь он становился блюстителем порядка во всём Грязном и во всём колхозе имени Кагановича.

Женился Косач не по любви, а оттого свадьбу не играли, записались в сельсовете, и будет. Дуняша была девицей скромной, тихой, даже робкой, но некрасивой. Её уродовал непомерно большой рот, редко утыканный заострёнными, как семечки, зубами.

Но вечером того дня Мишка Туралин, увидев молодожёна, пришёл в полный восторг и заорал, как оглашенный:

— Петро! Нет, так дело не пойдёт! Подгребай к причалу, будем праздновать. Косач не сопротивлялся: плетень, стопарик, огурчик и краюха чёрного и запашистого от конопляных семян хлеба.

Когда Косач впервые увидел молодую жену Михаила, красавицу Ольгу, он остолбенел, и взорвалось его сердце, и похоть уже не могла успокоиться. Он по-соседски заговаривал с Ольгой, облокотившись на плетень, но та была вежлива и хладнокровна. И понял тогда Косач, всем нутром почувствовал, что эта женщина навсегда останется недоступной. И возненавидел он её, как человеку ненавидеть невозможно.

Скоро в семье Туралиных появилась девочка, и как только «нянька» подросла, родился мальчик. Косач сидел на крыльце, курил, а детский плач и утешительная песня матери качались, как люлька в созвездии Большой Медведицы, он слушал и шептал: «Чтоб ты сдохла».

Должность управляющего была по душе Косачу, он честно и подчёркнуто добросовестно выполнял свои обязанности. Он выявлял малейшие проступки или недочёты и тут же сообщал в НКВД, и скоро виновник исчезал из деревни отбывать назначенный срок. А если вдруг у Косача появлялся недоброжелатель или даже самому Косачу показалось, что кто-то поглядел на него не так, судьба этого человека была уже решена. И ничего не было слаще, чем придумывать и организовывать вредительство или воровство. В этом была и изобретательность, и риск, и сладость победы над выбранной жертвой. Злоба и жестокое мщение стали смыслом жизни Косача. За эту неприимимость его ненавидели все, а председатель колхо-

за доподлинно знал, что, если что случится, органы узнают всё от Косача, и когда его вызывали в район, он ехал готовый ко всему самому страшному, а жена собирала ему одежду и еду на случай, если вдруг его арестуют. Правда Косача была как бритва — резала всех без разбора, и раны заживали долго.

Власть заботилась о людях, строила школы, детские сады, дома культуры, коровники и свинарники, не было года, чтобы в МТС не поступала новая полуторка или трактор, комбайн или сеялка. Люди выбрались из полуразвалившихся хат, солому на крышах заменили на шифер и железо, комфортно обустраивали быт, в Грязное провели электричество, а железная дорога, как неистовая труженица, возила и возила грузы, плотность грузопотока ошеломляла — несколько минут между составами, а по пассажирским поездам в деревне сверяли часы. Власть заботилась, но власть и отучала бездельничать и требовала ответственного отношения к своей работе, а воровство было приравнено к статье «измена Родине» и каралось как измена — десятью годами лишения свободы. И даже эта государственная жестокость была оправдана подготовкой к войне. Фашисты гремели оружием так, что слышно было до самого Тихого океана. И когда весной, уже накануне посева, у Мишки Туралина исчезли два мешка посевного отборного зерна, он уже знал свою дальнейшую судьбу. Вечером он окликнул Косача:

— Петро, можно тебя на минутку.

А Петро сидел на крыльце и курил.

— Петро, не губи, я същу это зерно, не я его крал.

Косач встал и молча зашёл в свою избу, плотно закрыв входную дверь. Мишка постоял, замотал куд-

латой головой и завыл. Утром он был ещё пьян, когда за ним приехали два сотрудника милиции, на первом же допросе его спросили о колчаковском прошлом. Через три месяца началась война.

Грязновские мужики с вещмешками за спиной потянулись вдоль железнодорожного полотна в сторону станции Чахлово, потом поездом до Болотного, и на фронт. А в Грязном, как и во всей стране, наступили вечные сумерки, на всю деревню из мужиков остались механик, без которого ни один трактор работать не хотел, и хромой управляющий. Председателем, вместо выбывшего на фронт, назначили женщину, которая до того заведовала свинофермой. Косач только ухмыльнулся, все, и он в том числе, знали, чья теперь власть в Грязном.

Два года войны позади, с трудом убрали урожай сорок третьего года, всё на себе, потому что машины и лошадей забрали в первые дни войны, остались только бабы, которые и впряглись в непосильную работу: «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик».

В тот вечер Ольга бежала домой, уже выпал снег, но ещё не застыла земля, крутила ранняя ноябрьская вьюга. Только белая грязь под ногами, густая метель и жердь крайнего загона. Она очень спешила, оглядывалась и озиралась кругом, будто боялась кого. И вдруг ей навстречу вышел незнакомый человек, он был без шапки, ветер сдул копну белых волос на бок, белую распахнутую шубу трепало ветром, как флаг на колхозной управе. Ольга ойкнула и замерла, ей этот старик показался привидением, явлением из другого мира.

— Прячься за изгородь, — приказал Арефа.

— Что? — не поняла Ольга.

Арефа толкнул её к изгороди и сам шагнул за неё, прикрыв её спиной. В это время мимо прошла лошадь, наездник глянул на Арефу и поспешил дальше, только погрозив старику:

— Гляди мне, не балуй!

Всадник растворился в белой мгле.

— Ты что же творишь, девка?! — чуть не закричал старик.

— Что, дедушка?!

— Ведь он же тебя выслеживает и день, и ночь!

— Не губите, дедушка! — упала на колени Ольга. — Я всего лишь немного пшенички взяла, вот в кармашек, совсем есть нечего, детишек поддержать!

— Встань, чего в грязи ползаешь.

Вдруг неистовый и злобный рык оглушил деревню, будто сто паровозов издали звериный клич, а потом грохот стремительно несущегося по отчаянному чахловскому склону очередного эшелона. Он спешил на фронт, потому что шла война.

— А теперь иди, но воровать не моги, скоро победа, и Михаил твой вернётся, он на фронте.

— На фронте? Он же в тюрьме!

— Уже на фронте, героем вернётся. Не весь, но вернётся, жди. Уже на офицерском довольствии, скоро и до тебя помощь его дойдёт.

Ольга схватила руку деда и, прильнув горячими губами, омыла её слезами радости и горя, страха и отчаяния. Когда она очнулась, около неё никого не было, только в руках осталось несколько червонцев.

Косач вернулся домой ночью, уставший, злой и голодный.

— Эй, — гаркнул он, — дай самогону!

— Что, Петя? Что-то случилось? — выглянула из комнатки растрёпанная со сна Дуняша.

— Случилось! Крыса ускользнула! Сука! Нагребла пшеницы полные карманы и ускользнула! — Косач пнул табурет.

— Да кто же, что за крыса? — Дуняша спешила налить в стакан самогон.

Косач выхватил полный стакан, плесканул на пальцы, выпил залпом, утёр коротко стриженные усы, выдохнул и сматерился.

— Ты когда-нибудь белого волка размером с лошадь видела?

— Господь с тобой, — ахнула Дуняша.

— А сову говорящую?

— Да помилуй меня Господи! — замлела от страха бедная женщина.

— А старика белого, огромного, как дом, вот с такой бородой? — Косач ударил себя по животу.

Дуняша в испуге отступила от мужа, прикрыв себя руками.

— А я видел! Шас только! Еле ноги унёс.

Косач сбросил на пол полушубок, сел на кровать, стянул грязные сапоги и как был в штанах и теплой поддёвке забрался в постель.

Сон окутал его розовой пеленой, и он уплыл куда-то в иной сказочный мир, в котором он должен был жить на самом деле, а не в этом убогом, в котором он родился калекой. Не в этой ненавистной реальности, среди людей, которые умели, как чудовища, дышать завистливой злобой и достигли в этом такого совершенства, что даже умудрялись находить разницу

между завистью и злобой. И вдруг он увидел свою совесть, совесть прожитой им жизни, она, как грязный и вонючий карлик, брызгала ядовитой слюной из открытого рта и кричала что-то непотребное, но понятное только ей. Карлик метался среди людей и пытался ловить загубленные им души, но только лишь с одной целью, чтобы опять задушить.

Но вдруг откуда-то пробился свет и подул легкий и свежий ветер, а живительная роса стекла по листве и траве, смывая марево розового тумана. Издалека начала приближаться тень, она росла, и скоро проявились очертания могучего старика, с широкими плечами и седого как лунь. Простая одежда и развевающиеся волосы наполняли его образ удивительной, сказочной добротой. Косачу немного полегчало, он заглянул в глаза старика и увидел в них то, как он на самом деле должен был прожить жизнь, как карлик превратился в доброго великана. Злоба истончилась добротой, зависть преисполнилась щедростью, а ненависть утонула в любви к людям.

Утром Косач не смог встать с постели, к полудню перестал узнавать жену, а к вечеру помер. Врач из Болотного приехала, когда помогать было уже некому, засвидетельствовала ненасильственную смерть и уехала обратно. Односельчане не могли поверить, и всякий спешил к Косачу в дом убедиться и недоумевал столь скорому исходу. В народе жило поверье, что подлые и лживые люди живут долго, а этому и сорока не было.

Три дня председатель колхоза уговаривала механика и баб помочь похоронить управляющего. Все отказывались и ссылались кто на здоровье, а кто невесть

на что. Через пять дней, когда трупная вонь летала по всей деревне, председатель привезла ящик водки и пообещала тем, кто выкопает могилу, выдать дополнительно пшеницы. Могилу копали уже вечером, потемну, гроб тащили бабы волоком по сырому снегу, уже изрядно выпимши. Следом шла вдова Дуняша. Спихнули гроб в могилу и быстро закидали землёй, отдышались от вони и ещё раз помянули. Слов добрых не сказали, но и плохих не произнесли. Только утром подавленная Дуняша заметила, что могилку выкопали неправильно, поперёк всех могил, не как у людей. На что измученная похоронами председатель резонно ответила:

— Как жил, так и похоронили.

Поминала жена мужа в одиночестве.

Историческая справка

1. Весной 1919 года большевики, бывший старший унтер-офицер Канаев, сапожник Казеткин и рабочий угольного склада, пустили под откос колчаковский воинский поезд у станции Чахлово. Могилы поныне выделяются двумя квадратными провалами в земле.

2. Случай «поперечного» захоронения в Сибири не единственный, так люди хоронили «стукачей».

Игрушка

Весной 1926 года Никифор Седых возвращался из Болотного, в милиции он рассказал, как жили в Белоруссии, а жили впроголодь, и вот они, тринадцать семей, всё продали и приехали в Сибирь. В райисполкоме им выделили землю, место хорошее, всем понравилось, на берегу малой речки Тулки, кругом сосновый бор, полный ягод и грибов, кедрач, тут же берёза, осина, много калины, черёмухи, обильные сенокосные луга и поля под пшеницу, но не угодили переселенцы чем-то соседям из Бибеева, гонят их, побить грозят. Шесть вёрст до Бибеева — далеко, но им места мало. Белорусы приехали навсегда с детьми малыми, с жёнами, шалаши поставили, дом начали возводить, а бибеевские приехали и топорами всё порушили, уезжайте прочь, говорят. Только колодец выкопали, они туда дохлую кошку бросили, только почистили, они опять дохляк подкинули.

Милиционер слушал внимательно, посмотрел документы на землеотвод и порубку леса.

— Кто место указал, где дома ставить?

— Землемер, ваша милость, — ответил Никифор, сминая шапку в кулаке.

— Ты, давай, без вывертов, это оставь. Нашёл «вашу милость». Короче, у тебя всё в порядке, доку-

менты правильные, место указано должностным лицом, а потому живите, стройтесь и не мешайте нам работать. У меня бандитизм, вредители склады с пшеницей жгут, кулаки саботируют организацию колхозов, а вы там бибеевских шугануть не можете. Сколь у вас мужиков?

— Так сколь семей — столь и мужиков.

— Вот! Целая армия! Гоните всех и стройтесь. Всё. Езжай домой. А если что, говори, что у Никитина был, мол, он вам шею намылит. Понял?

— Так мы же уже...

— Иди, не до тебя, у нас тут банда объявилась, баба ею верховодит. На дорогах грабить взялись! Вот это проблема! А вы там сами разберётесь, поди, не с бандитами договариваться, а с такими же крестьянами — найдёте общий язык.

— Так мы...

— Всё! Сказал, сами, значит, сами. Тринадцать мужиков, и вам ещё милиционер нужен?! А у вас ещё тринадцать баб есть! Взяли косы, вилы — двадцать шесть вооружённых бойцов — это же почти боевой взвод!

— Так их человек сорок, а то и полста приходят!

— А за вами закон, за вами постановление райисполкома! А это что, не сила?

Вот такой разговор получился, Никифор возвращался ни с чем. Вернулся он уже в ночь, ждали его мужики у костра, охраняли добро, боялись — бибеевские нагрянут. Но те появились только вечером следующего дня. Да столько никогда не приходило!

— Знать, хорошее это место, коль они так гонят нас отсюда, — сказал сородичам Никифор, — надо золотишко пошукать в речке.

Каменные выступы кругом, утёсы, хребтины то тут, то там из земли выпирают. Как есть драгоценное место, а ради чего людям в такую дикость впадать, — вот как догадались белорусы.

А в это время:

— А-а-а! — орал бугаище и бегал между шалашей с топором. — Мы копские! Прочь с наших земель!

Бибеевские парни махом раскидали сруб по брёвнышку, который переселенцы складывали весь день, раскатали почём зря.

— Уходите, откуда пришли! — орал «копской» — здоровенный, молодой и наглый.

— Так мы пять тысяч вёрст прошли, чтобы здесь осесть... — умоляет Никифор.

— Как пришли, так и уходите, чертяки! Кто вас сюда звал?

— Так мы же не сами по себе, нам райисполком место это выделил!

— Какой-такой райисполком, теперь власть у народа, а мы и есть народ, и вот тебе фига, а не земля, — и бугай сунул Никифору увесистую фигу под нос, даже толкнул его этой фигой в лоб. — Валите, говорю, в свою Беларусь, пока не поубивали! — и топорами по брёвнам от сруба всё искромсали и по ходу зачем-то телегу порубили. Хмельные все, задиристые.

А кругом стоят кедры вековые, красоты неопишмой, светлые побегии на кончиках ветвей, будто свечии новогодние, украсили пышные хвойные лапы. Стоят кедрачи, качают головами и стыдятся людей, дикости их и неумения жить миром.

— Простите, — говорит Никифор, обращаясь к родичам, — нет у меня иного выхода, я вас сюда за-

звал. Убью сейчас этого ирода, топором зарублю, пусть в каторгу пойду, но и товарищ Никитин тогда приедет и порядок наведёт. Вижу, не выжить нам без смертоубийства.

В вой кинулись бабы, а мужики отступили от столь решительного слова Никифора, да только бугай расхохотался. Ухватил Никифор привычный с детства топор, и никто уже не сомневался, что ляжет сейчас голова бугая от меткого, как молния, удара старого плотника.

Но вдруг ступил меж ними старик, весь белый, с белой бородою и в кафтане белом, и говорит бугаю:

— Ты говоришь, что ты копской? Нет, от славного египетского рода древних христиан осталась у тебя только фамилия Копской. Великий род оборвался на тебе, погубил ты честь духовного и великого рода, который когда-то спасся от преследования среди белых руссов. Тридцати лет не прошло, как твои родители бежали из Беларуси от нищеты и голода в Сибирь, а ты уже хозяином стал здешних земель?

— Ты кто, дед? — опешил бугай.

— Я — твоя совесть! А ты думал, что всё омертвело в душе твоей? А тебе знать следует, что твой род здесь в Бибеево принял славный и добрый чатский татарин, славный Бабей, и опять обогрел и накормил вас и малую ещё будущую маму твою, и дела не было шаману, что дед твой христианин. Забыл ты величие своего рода, а потому и одичал.

— Поди прочь, старик, — сверкнул глазами бугай, — и не посмотри, что старый, — и указал на сбившихся в кучу белорусов. — Они бездельники, они пришли воровством жить и нас грабить да порчу наводить!

— Тебе ли вспоминать о благочестии? Тебе ли, кто скупаёт за бесценок смолу, скипидар, дёготь и древесный уголь у бибеевцев, как у рабов, — вот у них, а потом втридорога продаёт в Болотной?! Молчишь? Переселенцы ещё не видели твоих кирпичных смолокурен, которые ты прячешь в этих лесах.

— Врёшь!!!

За спиной деда появился огромный Белый волк, он сыто облизнул свой нос и лёг у ног старика.

Копской обвёл мутным взглядом стоящих вокруг людей и вдруг, обессиленный, гаркнул:

— Утром! Да, утром смогёте дом поставить — живите, а нет, то валите куда подальше! И никто вам не поможет!

Он пошёл прочь, потом встал как вкопанный, будто что вспомнил, обернулся и потряс топором:

— И чтоб дым из трубы! Дым обязательно!

— Спасибо, ваша милость, — поклонился старику Никифор и все его сородичи.

— Да какая я тебе «милость», Арефа я. Дом сделать успеете, если сложите его небольшим, как игрушечный, чтобы лечь можно было на лавку, стол поставить, встать во весь рост, и печурку взбейте, чтобы дымок только шёл. Вот и вся хитрость. Будьте здоровы, будьте как дома, потому что мы все здесь в гостях. Приедет к вам скоро жить святой старец Савка, вот и пусть дом этот игрушечный ему достанется, пусть в нём живёт, чудит и молится, и вас радует.

Дед Арефа развернулся и пошёл домой в густой и кудлатый бор, а рядом с ним шёл Белый волк. И ничего бы в этом не было примечательного, если бы они не разговаривали между собой.

Историческая справка

1. Деревня Игрушка на речке Тула Болотнинского района перестала существовать после реформы по укрупнению хозяйств в 1970 году.

2. Старца Савку помнят и донныне, ещё при жизни его звали «святой старец», он ходил босиком и летом и зимой, крестил младенцев, отпевал покойников, знал много молитв. Пользовался большим уважением у земляков.

3. Копты — этнорелигиозная группа белых египтян, древнейшая ветвь христианства, которая сохранила свои традиции в чистоте. Преследовались в разные века, рассеяны по всему миру, малая часть осела в России и Белоруссии.

4. Причиной непримиримого отношения к вновь прибывшим переселенцам стали нелегальные смолокурни новобибеевцев, расположенные вдоль реки Тула.

В дореволюционной России существовали примитивные средства, производившие смолу, древесный уголь, дёготь, в небольшом количестве скипидар, которые пользовались спросом у населения и за границей и приносили смолокурам до ста процентов прибыли.

Первоначально существовало ямное смолокурение. Позже обустроили кирпичные смолокурные печи.

И ещё один способ добычи смолы — подсóчка — периодическое нанесение специальных резов на ствол дерева в период его вегетации с целью получения продуктов жизнедеятельности растения.

Положить или опустить?

Расскажу я тебе историю, о которой ты знать не знал, слыхом не слыхивал.

Жила-была в пяти верстах от Болотного деревня Степаниха. В Степанихе той жили люди интересные. И была среди них прихоть именовать всех на свой манер: Власиха, Морозиха, Тарасиха — проще сказать, все фамилии заканчивались на «ха», и прозвища так же коверкали, лепили всё ту же «ха»: Козлиха, Чуха, Федюха, Краюха. Однако к которым концовка сия никак не лепилась, люди были милостивы, звали на обычный манер, но запросто: Сашка, Ирка, Ольга, Анька, но в остальных случаях: Дуняха, Варюха, Галюха. Костюха.

И жила в той Степанихе женщина по имени Степаниха, крупная, дородная и замужня. И славилась она силой неистойой.

Как-то прибыл в Степаниху циркач Аскольд из неведомых краёв — гири тягал, силой своей похвалялся, а напоследок сыпанул денег в шапку и грит, мол, всё заберёт тот, кто его одолеет. Кто пожадней, пошёл бороться. Одного положил циркач, потом другого, а прочие мужички смутились да задумались. И тут кому-то в голову пришло пошукать Степаниху, мол, пусть накажет этого силача заморского. Искали

недолго, чё искать, баба, она всегда при доме. Глянула Степаниха на циркача и grit:

— А не жалко? Человек в гости приехал, а я ему хребет ежели сломлю?

— А ты аккуратнее, не быка валить будешь, — успокаивают её мужики, — легонько так, чтоб не пострадал.

Утёрла Степаниха прежде жирные губы, поскольку трапеза у неё только что была, фартук свернула за пояс и манит циркача:

— Ну, давай, иди уже, а не то у меня картоха стынет на столе.

Нагнулся борец, руки к Степанихе потянул, а она его за пальцы хватить и сдавила их, да так, что циркач на колени пал, а после подхватила она Аскольда этого, подняла да о землю ударила. Лежит силач, дыхание ищет, ни жив ни мёртв, а Степаниха деньги из шапки в фартук пересыпала и домой ушла. В тот день мужики тамошние весь вечер за здоровье Степанихи пили и всё хвастались, какие у них бабы сильные, так увлеклись, что их потом бабы же по домам и разносили.

Другой случай. Привезла вдова из Ольгинки зерно на Павиновскую мельницу, которая на речке Болотной стояла, в том самом месте, где дорога мостком в Карасево идёт. А возле мельницы подвод с зерном видимо-невидимо! Сколь глаз не напрягай — все подводы неймёт. Мужикам чё — сидят, кто трубку курит, кто лясы точит, а кто в картишки режется, а у вдовы детки малые да хозяйство, а мужика нету, уже год как на погост сбежал.

И говорит вдова мужикам:

— А вот ежели я свои два мешка пшенички да одним хватом на второй этаж мельницы занесу, без передыху и перехвата, пропустите меня помимо очереди?

Ржут кобели деревенские, от скуки маются:

— Ну, если без передыху и перехвата, — говорят, — тады пробуй!

Поставила вдова два своих куля на телеге торчком, обхватила, обняла каждый куль рукою своей девичьей, одним махом на плечи положила и пошла к мельнице, а идти-то через всю очередь, почитай полверсты. Так и чё ты думаешь, допёрла и с ходу в жерновую воронку высыпала.

Я бы, может, и сам в эту байку не поверил, но однажды шёл по улице Западной со стороны Гофротарного завода, там ещё старое педучилище размещалось, а навстречу розвальни, гружённые мешками, по дамбе от пруда Лоханки плывут, да вдруг ни с того ни с сего как погнала лошадь вверх по склону. Возница орёт на неё, вожжи на себя тянет, аж голову лошади чуть не отрывает, а та ещё пуще погнала. Два мешка с сахаром брык в сугроб, а сани дальше летят, так за горою и скрылись. Вдруг из дома баба выскакивает, одним махом на горб мешок закинула, а второй обняла и такой мелкой цыпой по сугробам в дом к себе засемила. Подивился я силе бабьей, потому как в каждом том куле по пятьдесят кило сахару, а ну, сто килограмм на себе да по бездорожью унеси попробуй. Стою жду, минут через пятнадцать возница возвратился.

— Сюда, — говорю горе-мужику, — к сему забору лошадь вяжи да к Александре Фёдоровне в дом иди со словом благодарным, что сахарок твой сберегла.

Скоро мужик выходит, волоком мешок прёт и кряхтит. Потом за вторым побёг. А тут и хозяйка вышла, смотрит, как сахарок грузится, слезу смахивает, а возница ей всё в ноги кланяется и благодарит. И повёз сахарок в столовую педучилища. Вот такая история: и сахар нашёлся, и греха не случилось.

Можно ещё рассказывать про баб наших и мужиков, силой дивных, да такие, поди, и в других сёлах имелись. Но вот кого больше нигде не было, так это Михаила Силантьевича и Анны Константиновны из Абрашино. То муж и жена. Он мужичок так себе, а вот она, Анна Константиновна, то иное дело — гренадёр, росту под два метра, каждая грудь как мужнина голова, в руках сила немеряна. Как-то загрузили подводу всяким продуктом и на базар поехали. А на телеге и пшеничка, и просо, и овёс, и медка кадушка, и ягодка, и грибочков бочонок — чего только нет, под самый верх запаслись. И полдороги не проехали, у колеса чека потерялась, колесо в лес поехало. Прикатил Михаил Силантьевич колесо и говорит:

— Давай телегу разгружать.

А жёнка его подошла к телеге и со всем скарбом подняла кузов, и говорит ему в ответ:

— Суй колесо на место.

Закрепил колесо Михаил Силантьевич, и дальше поехали.

Камень — деревня малая, но красивая, на самом красивом берегу Оби стоит. Вот куда сроду добраться нельзя было. Никаких дорог, но и грязи особой тоже нет, потому как песчаная почва. Но так или иначе, а лес валить и дрова заготавливать можно было только с разрешения властей, а с властью, оно хоть с цар-

ской, хоть с советской, как свяжешься, так и не развяжешься, и дело затянется, и кутерьмы не оберёшься. И по-тихому опасно, покуда в деревне всегда есть кому клязгу в район настрочить, все ныне грамотные. А и сейчас не лучше. Сейчас ещё и хуже. Берёзка срубленная ещё на землю падает, а лесник уже сэмэс-депешу по Вацапу получает, на снегоход сел, и вот он, тут как тут, с протоколом. Дела...

А сучья собирать можно, так Анна Константиновна приспособилась: привяжет к верёвке гирьку трехкилограммовую, похожую на подкову, забросит её на сук сосновый, а ветки у сосны хрупкие — дёрнул и сломал. Сучья-то можно заготавливать, потом Михаил Силантьевич их рубит на колоде. Посмотрит Анна Константиновна в окно на труды своего мужа, которого ветер и тот бережёт, выйдет, наломает руками по нужному размеру дров и идёт топить печь.

Но речь не о дровах. Михаил Силантьевич родился в один год и день с Иосифом Виссарионовичем Сталиным — 22 декабря 1879 года, и очень гордился этим обстоятельством. Ко дню рождения готовился с особой тщательностью: гнал самогон с древесно-угольной очисткой, получалась горячая слеза, колол свинью, доставал из погреба разносолы — бруснику для лёгкой закуси, калину для пирожков, капустку, обязательно квашенную полувилками с клюквенной добавкой, но главным блюдом всегда оставались груздочки. Любил Михаил Силантьевич груздочки со сметаной и чтоб немного зёрнышек от укропа засоленного осталось. Резал он грибочки крупными дольками, крошил мелко лист хрена, но в меру, а потом смешивал всё в белом сметанном соусе — и на холод,

чтоб набралась пряным вкусом! А потом только на стол.

В день рождения собирались к нему мужики. Солидно, без суеты рассаживались за столом, вели разговоры. Михаил Силантьевич очень уважал Сталина, говорил, что если бы не Сталин, так прожили бы в трухлявом пятистенке, как тараканы, а тут и колхоз, и школа, и трактора, и грамоте обучили, и нажрались хоть вдосталь, уже за это ему спасибо — заканчивал тост Михаил Силантьевич и пил стоя и до дна. Мужики стояли над столом понуро и серьёзно, все прошли войну, выжили, и то чувство гордого достоинства за прожитую жизнь, которое испытывали после войны, было слаще мёда.

Но после половины «четвертной» разговоры скатывались до обсуждения силы и сноровки Анны Константиновны, и, уже изрядно захмелев, Михаил Силантьевич звал жену и просил:

— Сборись с мужиками!

— И чё, уже напились? Нет мне никакого резону время тратить, я с вами в прошлом годе боролась.

— Сборись, говорю, — командовал Михаил Силантьевич.

Анна Константиновна понимала, что хмель уже мозги застил и спорить бесполезно, спрашивала:

— Ну и сколь вас сегодня на пуд сушёных?

— Сколь есть, все тут, — отвечали мужики, а было у Михаила Силантьевича четыре друга.

Шли на улицу, накинув полушубки и влетев в чьи попал валенки.

Анна Константиновна повязывала платок на голову и снимала передник.

— Положить или опустить? — спрашивала она.

— А как получится, — отвечал Михаил Силантьевич, он выполнял роль судьи.

В устах Анны Константиновны угроза «положить» значила положить на землю или закинуть в дальний сугроб, а «опустить» — значит расправиться решительно, ударив о землю.

Уже сговорившись, но по команде мужа, двое из мужиков накидывались на Анну Константиновну сзади, повисали, обхватив шею, а ещё двое пытались выкрутить ей руки.

Сначала Анна Константиновна освобождала пленённые руки, скинув борцов в сугроб, потом, как щепот, снимала с загривка ещё двоих и складывала себе под ноги. Всё, борьба закончилась, мужики, стряхивая снег и считая ссадины, шли в дом и молча усаживались за стол. Теперь наступала пора глубокого и вдумчивого анализа проигранной схватки. Допивалась вторая часть «четвертной», и на глаза Анны Константиновны опять появлялся муж и, чуть покачиваясь, но крайне гордый за её неиссякаемую силу, приказывал:

— Иди, сборись!

Второй заход был скорый на расправу и крайне решительный. Горе-борцов Анна Константиновна по очереди отрывала от себя и основательно прикладывала к натоптанному ею за день снежному насту двора. Эта жестокая расправа называлась у неё «положить».

Помню и другую историю про Анну Константиновну, которую ни Михаил Силантьевич, ни его друзья вспоминать не любили. А было это в 1919 году. Из

соседней деревни прискакал гонец и сообщил, что у них остановился колчаковский продовольственный обоз — экспроприировали и скотину, и пшеницу, на завтра собрались в Камень.

Анна Константиновна в деревне обладала непре-рекаемым авторитетом, и, по её совету, мужики отогнали скотину в лес, что было доброго, то по заимкам развезли, а пшеницу и овёс прикопали.

Колчаковцы прибыли к обеду, ещё хмельные с прошлого дня, а деревня пуста. Анну Константиновну скоро выдала какая-то чёрная душа, и обозлённые колчаковцы решили устроить показательную порку: вытащили из бани лавку, под прицелом винтовок уложили на ту лавку Анну Константиновну и начали хлестать шомполами. А той нет чтобы поорать погромче, глядишь и отпустили бы, ан нет, стопа не проронила, а бить перестали, когда она сознание потеряла.

Арефа пришёл в Камень, вошёл в дом: Анна Константиновна лежала на животе и стонала.

— Болит? — спросил он с одной целью, чтобы отвлечь женщину от тяжёлых дум.

— Болит, сердешный, сильно больно.

Он достал баночку на травах и грибах, которые скрадывали боль и обезвреживали рану. Смазал всю спину. И дал Михаилу Силантьевичу наставления:

— Скажу, что били солдатики не в полную силу. Шомпол, если ударить со свистом, прорубает до кости, а тут лишь до мяса. Мазь я тебе оставляю, смазывать будешь один раз в день, аккуратно, да не как масла на хлеб, а тоненько, чтоб на две недели хватило. Много воды давай и корми болтушкой из яйца и сметаны,

потом бульончики мясные, но в меру корми, чтобы силы все на выздоровление шли.

Так и выходил Михаил Силантьевич свою супружницу. Опять-таки деток у них уже четверо было и все девки, старшая совсем взрослая, есть кому ухаживать, не зря рожала. Потом на солнышко стали выводить, берёзовой тонкой коркой, что от ветра задирается, засыпали раны, и заживать ещё скорее стало. Пропадал аппетит — медовуху пила, а хмель, хоть и малый, всегда закусить просит.

Историческая справка

Все герои рассказа реальные люди. Всех силачей припомнить сложно, но рожала наша земля людей сильных всегда.

Ольга Титова из Бибеева — призёр Европы в 1966 году, чемпионка Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Софии в 1967 году, рекордсменка мира в Берлине в 1968 году по метанию диска. Когда советские спортсмены ехали в Софию на Всемирный фестиваль молодёжи, выяснилось, что в вагоне нет мужчин, способных победить в борьбе на руках молодую спортсменку из Новосибирской области.

Сёстры Ольга и Светлана Федосеенко в разных весовых категориях в разные годы становились чемпионками России, Европы и мира по самбо и дзюдо. В частности, Ольга становилась чемпионкой мира в 1994 и 1995 годах, а Светлана чемпионкой Европы в 2008 и 2015 годах.

Всех не перечить!

Четырежды четыре

**Михаил Силантьевич
и Анна Константиновна**

Михаила Силантьевича сельчане считали человеком низкорослым и слабым и были крайне неправы, потому что, во-первых, рост его насчитывал тридцать восемь вершков, а после революции уточнили — сто семьдесят сантиметров, во-вторых, он был физически устойчивым, потому что трудился всю жизнь шкипером и умело водил суда по верхнему течению Оби, то есть в условиях мелководья и обилия островов. При этом проявлял крепость характера не только на судне, но и на домашнем корабле, который насчитывал четырёх дочерей и жену — Анну Константиновну. И отгадка в столь обидном недоразумении таилась в двухметровом росте его супруги, которую отродясь никто из мужиков даже по трезвости в рукопашной схватке на спор победить не мог. Анна Константиновна была выше мужа на голову и имела очень крепкую форму тела, отчего её благоверный казался маленьким и хлипким.

Благодаря своей физической силе и благоразумию Анна Константиновна разрешала все спорные вопро-

сы в деревне, слыла умелой повитухой, а когда ей исполнилось сорок, она начала принимать роды у тех, кого сама же когда-то приняла на этот свет. Вот почему в деревне её ласково звали Няней и отказывались ехать рожать в райцентр, мол, от добра добра не ищут.

Сама Анна Константиновна рожала только девочек, каждые четыре года — ребёнок, а потому, когда в деревню пришла советская власть, семья шкипера Михаила Силантьевича была уже укомплектована четырьмя девками, или, как говорил сам Михаил Силантьевич, «ещё один Бабий остров на Оби». А ведь и был такой остров, но как в 1956 году построили водохранилище, ушёл тот остров под воду, а остров Михаила Силантьевича и теперь живёт и жить будет в потомках да сродниках.

Панна

В ту древнюю пору по темноте и неразумению детям имена по святцам раздавали, оттого русских имён и не осталось. В 1905 году родилась в семье Михаила Силантьевича девочка, и поименовали её в честь мученицы Параскевы Римской, а в доме просто Парашей звали. Кругленькая, ладная, красивая, в мать — сильная, всех последующих сестёр вырастила. А вышла замуж за поляка. Как тот сердешный в Сибири оказался, никто уже и не вспомнит, но дословно знали, что воевал он в Гражданскую отважно, прежде с Будённым в атаку ходил, после с Ворошиловым на ты общался, награды имел. Звали его Кравчук Ларион, и как водится в наших краях, молодая жена его с любовью Ларей звала. А он, напротив, звать её Парашей

наотрез отказался и решительно заявил: «Не быть в моём дому столь поганого имени, звать буду тебя Панночкой — принцессой своею».

А работал Ларион участковым от НКВД, порядок наводил, уж очень беспокойные у нас места были — леса кругом, есть где нечисти всякой прятаться. А беззакония было всякого в достатке. Посуди сам, колчаковцы, когда отступали, кто в тайге займку учинил, кто в деревне окопался, а зло куда деть на новую советскую власть, а тут коллективизация шла, на помощь белякам кулаки пришли. И пшеницу жгли, и скот угоняли, и председателей колхозов выслеживали и стреляли, вроде всего понемногу, а если вместе все беды собрать — целое несчастье получается.

Ларион Кравчук уж очень лихой: смелый, умный, хитрый и беспощадный к врагам народной власти, но и добрый — слабых защищал и к середнякам относился с пониманием, вёл среди них просветительскую работу. И когда вместе с доблестным отрядом таких же милиционеров избличил целую шайку вредителей, пришла к нему беда: они стали утверждать от подлой природы своей, что Ларион Кравчук есть самый что ни на есть их товарищ по разбойным делам. Арестовали Лариона, посадили, допрос учинили. А следователь неопытный, нет чтобы разобраться, он этого Ларю в суд, как врага народа. Да ещё и поощрение получил за избличение «подлеца» среди сотрудников НКВД.

Над нами солнце одно и небо голубое, воду пьём из одного родника, а если ливень, то все мокрые будем, и живём мы одинаково в трудах и заботах. Откуда же среди нас жестокие люди берутся, которые ради премии или иного удовольствия человеческой

жизнью рассчитаться могут, за лишнюю копейку мать родную продадут, вот откуда же эта вся человеческая сволочь берётся, я понять не могу!

Отбегав все высокие инстанции, пройдя по всем коридорам чиновных апартаментов, собрала Панночка документы мужа и фото прихватила, на которых бравый Ларион Кравчук рядом с Будённым и Ворошиловым сфотографирован, села в поезд и в Москву покатила. Нет для русской женщины преград, коль любимый в беде.

А время то бедовое было, шла борьба с врагами, окопавшимися в руководстве страны, и не только. Много Лейба Троцкий своих сподвижников на разные посты продвинул, а кого не смог, через жён влияние наладил. Та чистка коснулась жены Ворошилова, и даже жены самого Калинина стороною не обошла. Сталин так и говорил, мол, я не революционер, а борец с сионизмом, потому как он страшен всем. Мудрый был человек, к войне хорошо подчистил троцкистов, поднял страну из руин Гражданской войны, провёл индустриализацию народного хозяйства. Войну выиграл и второй раз поднял страну из руин! Кому такое доводилось!

Нарком обороны СССР Климент Ефремович Ворошилов принял Панну сразу же, как только помощник положил перед ним общее фото, на котором он и его бойцы запечатлены. Выслушал горемычную внимательно и сказал завтра прийти. Переночевала Панна на вокзале, уже утром была в наркомате. Вышел вчерашний помощник Ворошилова и, извинившись, сообщил, что, к сожалению, Климент Ефремович помочь ничем не сможет. Скажу наперёд, после

войны в 1946 году Панна опять отправилась в Москву и добилась встречи и с Будённым, и с Калининным, но ответ был тот же: ничем помочь не можем. Знать бы ей, что Лариона Кравчука после приговора расстреляли в тот же день.

Началась война, и Панна по доброй воле уехала в Анжеро-Судженск на шахты. Прежде её поставили фонари заряжать и шахтёрам перед сменой выдавать, а после сама попросилась в забой. Рубила Панночка чёрный уголёк с такою силой любви, что горел тот уголёк в паровозных топках ярим пламенем.

После войны работала на заводе электровакуумных приборов, жила в общежитии на Красном проспекте, 218. Замуж не пошла, женихов отшивала, потому что всё Ларю своего ждала, не могла Панночка-принцесса своего принца обидеть. И не обидела.

Обь-Бабушка

Реку нашу Обью испокон веков звали; менялись времена, племена, языки и наречия, менялся сам человек, и древнее имя реки Бабушка превратилось в нынешнюю Обушку. А и впрямь, река наша, как бабушка, тёплая, обильная, полноводная, гостеприимная, и характер у неё наш — мягкий и решительный, добрый и требовательный, и от погоды настроение меняет.

Коль лето на дворе, солнце в зените, поля в ягоде, мужики на покосе, бабы на грядках, а ребятня — на берегу Оби плещется, загорает, а то играет с камушками разноцветными, а кто камень с дырочкой — Курино бога нашёл, тот счастлив. И вода в Оби тихая, тё-

пляя, чуть-чуть о берег касается мягкой волной, будто ладошкой гладит, и своей водяной чешуёй с солнцем играет. А на берегу сосны, могучие да стройные, будто на страже стоят, красоту оберегают. Вечером мужики с сенокоса возвращаются, «от зайчика» гостинцы детворе раздают, и по домам спешат скотину напоить, накормить, сорванцов к труду приучить, девочек за сноровку похвалить, баб своих погладить. Летом на Оби счастливая пора.

Мария

С мыслью о сыне Михаил Силантьевич зачал второе дитя, но, вопреки его мечтам, на свет появилась Мария. Однако и на удивление, отец младенца не испытал разочарования, потому как девочка родилась царственной красоты. В России такие только по дальним деревням рождаются: сильные, стройные, ласковые и ослепительно красивые.

Мария в облаках не витала, сельскую жизнь любила, школу окончила отличницей и стала полеводом, всю жизнь табак и подсолнух выращивала. Возглавляла бригаду коммунистического труда, её очаровательная улыбка висела на Доске почёта, которую она видела всего лишь раз, когда приехала в райцентр получать орден Трудовой Славы за вклад в победу над фашистской Германией. Всего от колхоза такой орден пять девчат получили, и, когда их с парома привезли, вся деревня вышла полюбоваться своими героями, на груди которых медали прикорнули.

Женихов у красавицы Марии было не счастье, вот сколько штакетов у забора — столько предложений,

около каждой можно жениха ставить. Но русская баба — это вам не фунт изюма, это особый нрав, она из всего изобилия предложений выберет самый гнилой куст, самую трухлявую поганку, самое бестолковое чмо.

Вот и Мария вышла за весёлого парня, Алексей слыл красавцем, умело брэнчал на гитаре, носил модные брюки дудочкой, однако стоило родиться сыночку, он загрустил. А послушав детскую песню несколько дней, посмотрел на плачущее дитя, увлечённую своим материнством Марию, взял гитару и исчез навсегда. Больше его в деревне никто и никогда не видел. Тяжела бабья судьба, коль мужик пустой.

Однако жить надо, дитя растить, и приспособилась Мария по осени возить в город на продажу мешок табаку да мешок семечек, благо Панна уже в городе жила и на заводе работала — было где остановиться, товар спрятать. А и племянничек Вовша от младшей сестры у Панны тоже жильё промышлял, пока в речном училище ума-разума набирался. Мечтал парнишка, как дед Михаил Силантьевич, шкипером стать.

Торговую точку оформляли недалеко от дома, на толкучке, что с краю площади Калинина самостийно каждый день образовывалась. Торговалось на той толкучке всё: и одежда всякая, понятно, продукты питания, и своё, и ворованное, мелочь хозяйская — всё недорого, однако облавы случались, и милицейский патруль навещал толкучку не так чтобы настойчиво, но страх витал над торговым рядом всё время.

А народ послевоенный, нищий, но радостный, заводы вокруг площади Калинина людьми полны, всё грохочет, всё дымит. А с двух до пяти ночи по трам-

вайним линиям с железной дороги дрезина по три вагона таскала — то уголь в них, то кокс, а то металл и прочая надобность. От площади Калинина по Красному проспекту специальную ветку проложили.

Торговое дело шло хорошо, племяш сообразительным получился, семечки и табак порциями подносил, потому как вдруг облава и всё конфискуют. И сам другой раз вставал поторговать, короче, Мария из города с деньгами в деревню возвращалась. Так и жила красавица, год в деревне, а август на толкучке, и самой хватало, и дитя не в обиде росло.

Шторм

Но случается и у Бабушки каприз: как засвистит ветер холодный по глади обской, как занесёт на небо тучи огромные, которые крыши домов свалить могут, и всё вдруг во тьме утонет; волна высоким гребнем по простору обскому несётся, от ярости пенится и с рыком волчьим на берег кидается. Прогневалась Обь-Бабушка невесть на что, но учитывать её настроение надо, тут быстрее лодки на берег тащи да повыше, чтоб сгоряча не унесла, и в дом прятаться беги от холодного и жгучего ливня, который будто косою все травы положил, всех птиц разогнал, одни сосны стоят на крутом берегу и терпят, стоят и терпят, как мудрые старики, знают, что пройдёт непогода, сменит Обь-Бабушка гнев на милость — и опять солнце и тепло, как пироги на столе, сладкие, медовые. А что, и бабушка тоже человек, и ей нужен отдых от терпения, так и Оби нашей — не всё миловать, а и приструнить баловней смысл есть, чтобы вкус не теряли.

Александра

Минуло ровно четыре года после рождения Марии, и на свет появилось в семье Михаила Силантьевича и Анны Константиновны новое чудо — человек! Но опять девочка! Однако Михаил Силантьевич тоже был упрям и наперекор всем предложениям дочку называл Александрой.

— Зачем имя мужское девочке? — спрашивает Анна Константиновна своего своенравного мужа.

— А вот! — ответил супруг и упрямо записал в церкви малютку Александрой.

Так у ребёнка появилось сразу три имени: Александра, Саша, Шурочка. Есть такая примета: как назовёшь, так и поплывёт. В отличие от старших сестёр Шурочка родилась маленькой и выросла в миниатюрную девушку, но характер имела мужской — решительный и жёсткий. И когда ей исполнилось шестнадцать, началась коллективизация, наступила пора раскулачивать зажиточных крестьян, саботировавших организацию колхоза «Вперёд», первой в комсомольских рядах была именно Шурочка — маленькая, стройная, как мальчик стриженная, но с наганом за пазухой. И все знали про наган и уважали активистку ещё больше.

— Почему кулак не хочет в колхоз? — спрашивала она собравшихся односельчан. — А потому, что богат и работать не привык. А почему он вредит и мешает организовать колхоз? — и сама же отвечала: — Потому что кулак боится: если вы разбогатеете, кто к нему батрачить пойдёт?

Но общественная работа и решительный характер не задержали Шурочку в девках, она скоро вышла

замуж за спокойного, домовитого Александра Петровича. Не высок сокол, но дом в обиду не даст.

— Ты что же дочка, парня с другим именем найти не могла? — смутился Михаил Силантьевич.

В отличие от сестёр маленькая и худенькая Шурочка прям с порога семейной жизни начала рожать детей. Первым родился мальчик, назвали его в честь Владимира Ильича Ленина, но в семье пристало к нему несколько иное имя — Вовша. А следом пошли, как из пулемёта: Пётр, Людмила, Зоя, Миша, Рита, Аркадий, Александр.

Рожала Шурочка, а сама мечтала, что вот подрастёт немного дитя малое и выйдет она на работу, пока мечтала, опять беременела. Не давал ей покоя муж, не хотел, чтобы она на работу выходила, вот и портил ей спокойную жизнь. Что скажешь, мужики они такие, каждый по своему жене жизнь испортить умеет.

Особенно строптивый и ярый характер Шурочки проявлялся в баталиях с соседкой. Дом-то был на два хозяина, а веранда общая, только деревянной решёткой перегорожена. Шурочке сразу соседи не понравились, потому что говорили на непонятном языке, детей не имели и жили в недостатке. То были поволжские немцы, которые перебрались в Сибирь ещё в двадцатые, когда в Поволжье сильные засухи случились. Он работал на МТС механиком и слыл человеком добросовестным, а вот она, его жена Ирма, то ли от врождённой дури, то ли от бездетности имела характер гадкий и скандальный. Вот и поселились в одном доме две семьи на одинаковой площади, но полные противоположности: с одной стороны детский гам и

вечная забота, а с другой стороны тишина и полное материальное благополучие.

Страна готовилась к войне с фашистской Германией, в колхозе проводилась еженедельная политинформация, и люди затаив дыхание слушали сначала о войне в Испании, а потом как обстояли дела на Финском фронте.

— Всё равно вы будете колонией Германии! — кричала Ирма из своей ограды.

— Скоро война, и мы вам башку проломим! — отвечала Шурочка.

И пакостная Ирма написала письмо в НКВД, мол, соседка не согласна с политикой партии и сеет смуту, пугает людей войной. Шурочку арестовали. Продержали два месяца, провели беседу и как многодетную мать отпустили домой.

Что за причина была той стычки между Ирмой и Шурочкой, никто уже не знает, но всем запомнились две молодые женщины, орущие на всю деревню самые непотребные слова, а пуще удивила Ирма, которая в полном иступлении высказалась однозначно и категорически, что все русские — свиньи и их надо истреблять, так и сказала — истреблять. За русских Шурочка простить уже не могла, посчитала, что их интеллектуальная часть схватки закончена, и, забыв о двух месяцах тюрьмы, вцепилась Ирме в волосы. Собравшиеся односельчане не спешили разнимать женщин, тем более Шурочка очевидно побеждала. Расцепили, когда посчитали, что возмездие настигло арийскую сторону.

Но Шурочку было уже не остановить, ненависть хлестала фонтаном, от одного появления Ирмы в поле

зрения срабатывала, как сорванный предохранитель. Однажды в воскресный тёплый летний день Шурочка, выйдя из дома, сквозь решётку увидела очаровательную и совершенно мирную картину: Ирма с супругом сидели на веранде за круглым столом и пили чай. Бездонное голубое небо, щебет только что народившейся птичьей мелочи, душистое варенье ещё с прошлогоднего запаса, блюдечко с парящим чаем, вазочка витая, полная кусочками сахара, блюдо с румяными плюшками, а посреди этого изобилия царственно возвышался самовар. Трудно сказать, что так возмутило Шурочку, но с криками:

— А! Немецкая сволочь, вы чай из русского самовара пьёте?! — она кинулась к соседям на веранду.

Стол спас муж Ирмы, он удачно поймал худенькую, но верткую Шурочку и приказал своей жене звать на помощь Александра Петровича — мужа Шурочки. Ирма всё-таки попыталась ударить Шурочку, но после удачного пинка от соседки оставила эту затею, побежала звать помощь. Александр Петрович принял жену с рук на руки и унёс брыкающуюся Шурочку домой.

Осенью в 1941 году немецких соседей призвали в Трудармию на Кузбасские шахты, туда же добровольцем ушла старшая сестра Панна, потому как шахтёров не хватало — все ушли на фронт. А к Шурочке потянулись солдатки, чтобы та погадала на картах.

— Жив, — заверяла Шурочка, — скоро вернётся.

Но из сотни мужиков и парней, ушедших на войну, вернулись только двое, и те инвалидами.

Закончилась война, дети подросли, и Шурочка поставила перед мужем вопрос ребром:

— Иду работать! — И скоро устроилась продавцом в местном сельмаге. Но через три месяца уже Александр Петрович заявил решительно и жёстко:

— Увольняйся! Недостачу больше покрывать не буду!

И Шурочке пришлось опять вернуться к семейному быту. Работа не задалась, а всё из-за доброты. Жили люди бедненько, Шурочка отпускала товар под запись, но не все могли рассчитаться вовремя, образовывалась недостача, которая грозила тюрьмой. Муж выручил Шурочку раз, два, а потом сказал, как отрезал:

— Я всю деревню не прокормлю! Хватит! Сиди дома!

Ледостав

Но приходит зима лютая, сыплет на воду крупу белую, воеет, крутит над обскою волной снежные воронки, кусает Обь-Бабушку, а той нипочём, течёт себе далее. Но как ни теплы берега, скоро ледяная кромка прихватит урез водяной, и тихие заводи стеклом покрываются. Зима на Оби дело позднее, кругом уже сугробы бока нагуливают, а Обь-Бабушка всё ещё без шубы, но скоро шуга обозначится, и чем крепче морозы, тем плотнее ледяная каша, тем медленнее ползёт она, и вот уже один слой ледяной крошки с другим цепляются и в торосах замерзают. Льдины будто обломанные зубы торчат, мёртвой синью сверкают. Всё, ни пройти по Оби ни проехать, ни лодкой, ни пешком ходом, будто тёрка ледяная, ступить некуда.

Течёт Обь под злобными торосами, а мороз ещё пуще злится, что не покорила ему река, трещат ле-

дяные оковы от мороза, будто плетью щёлкают и зубами скрежещут, а Обь знает своё дело, смеётся над белобородым морозом и полыньи вымывает, будто дразнится. Знает Обь-Бабушка, что полютует зима, покуражится, а как солнышко пойдёт на поворот да весну пустит, тут и конец ледяной неволе.

Нюра

Понятно, когда Александре исполнилось четыре года, родилась четвёртая дочь Нюра. На упрёк друга Михаил Силантьевич ответил резонно и мудро:

— А не очень-то и хотелось. Парни, они все на сторону, а девки в дом!

Нюра ну никак не походила ни на старшую сильную и волевою Панночку, ни на красавицу Марию, не было в ней отцовских качеств Шурочки, она росла тихой, степенной и вдумчивой девочкой. Книжки на тумбочке у кровати менялись стремительно, сельская библиотека скоро была изучена досконально. Особенно любила она поэзию и декламировала наизусть с таким чувством, что слушатели замирали. Любила петь и танцевать, но где в деревне взять учителей для столь деликатного образования. Про таких людей, как Нюра, говорят — «воспитанный человек». И действительно, Нюра никогда не кричала, матом не выражалась, с соседями не ругалась, а ещё девчонкой уже походила на классную даму — степенную и вдумчивую. Парни не то чтобы обходили её вниманием, но побаивались, мол, о чём с нею говорить, что ни скажешь — всё дураком будешь.

Но однажды в деревню приехали бродячие артисты, это случилось уже после войны. Председатель не устоял от соблазна порадовать людей, уставших от тя-

гот, забот и только что схлынувшего горя, выложил артистам кругленькую сумму. Артисты веселили публику различными глупостями. Прежде вышел карлик со скрипкой и дама увесистая, на полтуловища выше скрипача, в пёстром платье с бахромой и перьями на шляпке. Пела не ахти как, но карлик играл будто смеялся над нею: то быстро, то медленно, и юморно так на неё снизу вверх поглядывал и ехидно улыбался. А та, чтобы в ноты попасть, то тараторила песню, то тянула, будто жилы ляжки. Был акробат с гирями и пантомим. Пантомим смешил: он изображал доктора, который операцию больному делает. Сначала послушал больного, потом взял невидимый нож и вонзил в него, разрезал размашисто, потом будто таз поставил и все кишки вытащил в него, последнее сердце вынул, оно пульсировало в его руках, и типа рядом на стол положил. Потом что-то отрезал и обратно кишки в больного вывалил, а сердце забыл. Зашил и начал слушать, а сердца-то нет. Короче, смеху было много, народ до икоты смеялся.

Но особое впечатление артисты произвели своими пёстрыми и пышными костюмами. Яркие цвета, веера, дамские сумочки и шляпки пленили Нюрочку, перед нею будто открылись врата рая, и она не могла более оставаться в замученной трудом деревне, бежала вместе с артистами. Когда побег обнаружился, все только руками развели, вот от кого угодно могли ждать, но не от вдумчивой Нюры.

А Нюра в это время плыла вместе с артистами в Камень-на-Оби, и пока поднимались вверх по течению Оби, артисты обобрали пассажиров, кого в карты, а кого в напёрстки. Скандал был громкий, в Камне их чуть ли не на пинках высадили с парохода.

Разочарованная в артистах и искусстве Нюра вернулась в Абрашино через несколько дней. Михаил Силантьевич выпорол Нюрочку, вожжами так угостил, что об артистах, песнях и плясках она больше не только не говорила, но и не вспоминала.

Когда наступило время выбирать профессию, Нюра согласилась с отцовым аргументом, что «бухгалтер всегда в тепле и зарплата вовремя», закончила школу счетоводов, и жизнь наконец-то определилась в бухгалтерии нового маслозавода райпотребсоюза, построенного на краю деревни.

Специалистов по промышленному изготовлению масла в деревне не было, а потому райпотребсоюз прислал работать специалиста из райцентра. Городская одежда, стриженная в парикмахерской голова и аккуратные ногти свели впечатлительную Нюрочку с ума. Роман был ярким, страстным, но не долгим. Вдруг приехала жена молодого специалиста и вздула Нюрочку так, что та не только уволилась с работы, но и бежала от греха подальше к подруге в соседнее село. Обратившись в деревню она вернулась через год с младенцем на руках.

Девочка получилась копией Нюры, такая же степенная и начитанная, и, что примечательно, она осуществила мечту матери — закончила культпросветучилище и всю свою жизнь работала воспитателем в детском саду. И когда уходила на пенсию сказала очень важные слова: «Чем больше отдаёшь, тем больше тебе достаётся. А если твой дар оказался полезен людям, будь уверен — у тебя счастливая жизнь».

Вот и думай теперь, как выгоднее жить — с расчётом или без? Кто знает, может быть...

Банга

В районе закончилась уборочная зерновых. Урожай оказался щедрым, а погода угодливой, наверное, впервые за последние годы собрали пшеницу без потерь. Теперь наступила пора личных огородов, которые вмиг превратились в разорённые, исковерканные скорой лопатой погосты, только капуста в углу, как заблудшая стая откормленных гусей, притихла в ожидании первых заморозков.

В эти же дни закончилось следствие по делу Добрыгинской банды, двадцать девять человек — ответственных работников района ждали суда. Партия свой вывод уже сделала, и все фигуранты дела были исключены из партии единогласно. Никто из членов райкома даже не воздержался!

Иван Кузьмич Высоцкий был одним из подсудимых, и вот, может быть, именно это несправедливое клеймо вызывало у него самую яростную обиду. «Какая мы банда?!» — тысячный раз негодовал он, если именно он, Высоцкий, организовал в 1922 году в родной деревне Киряково первую во всём районе сельскую партячейку. Первый! Ещё в двадцать втором, когда за каждым углом скрывалась колчаковская контра да лютый кулак! Ему угрожали, дважды стреляли

в спину, а в 1926 году хотели сжечь первый колхозный урожай пшеницы. О пожаре сообщил мальчонка, который пробрался к дому Высоцкого и из темноты в открытое окно с дрожью в голосе прошептал, что сегодня «пшеницу палить будут».

В ту ночь Иван Кузьмич организовал засаду. Поймали трёх сельских мужиков, но ни керосина, ни спичек — ничего не нашли, что уличало бы их в организации поджога. Наутро переворошили всё вокруг колхозного амбара — закладки не обнаружили. Но Высоцкий знал точно, был уверен, что шли поджигать. Потом опытный следователь из районной милиции сказал ему, что поторопились брать, надо, мол, на месте преступления, и поджигателей отпустили. Однако этих мужичков вскоре раскулачили за саботаж «колхозного строительства» и переселили «за болото», куда-то на другой берег Оби, в Могочинский урман на десять лет.

Высоцкому и в кошмарном сне не могло присниться, что наступит день, когда он сам будет шагать из родного Кирякова в Болотное, чтобы предстать перед судом за проваленную работу по сбору предложений в Сталинскую конституцию, и за невыполнение плана по сбору урожая, и за «неудовлетворительную разъяснительную работу среди трудящихся масс». Дело завели на тех, кто ходил и ездил по району и проводил колхозные собрания, обсуждал Сталинскую конституцию и записывал предложения крестьян. А колхозники предлагали ввести, как у рабочих, восьмичасовой рабочий день, ежегодные отпуска, леса и реки отдать колхозам в собственность! За что, спрашивается, выгнали из партии и с работы? Все вдруг и почему-то

сразу забыли его труды и заботы по установлению советской власти на родной земле, но вспомнили, что он был унтер-офицером царской армии.

Иван Кузьмич шёл привычной, хорошо укатанной дорогой и, когда стал спускаться в широкий падун, заметил в высокой траве старика. Война с немцами, борьба с бандитами, а потом беспокойная работа в милиции воспитали в Иване Кузьмиче животную настороженность и звериную интуицию. Он приближался, шагал неторопливо, основательно, а старик стоял, недвижно, впрочем, он не скрывал своего присутствия. Уже издали Высоцкий заметил, что старик не здешний, не из крестьян: бородатый, с особой, воткнутой в землю палкой, на которую устало опирался. На голове тёплый платок, завязанный сзади, короткий зипун, на ногах сапоги, кожаные, с новым ботинком, но старым голенищем.

— Доброго здоровья, мил человек! — первым приветствовал старик.

— И вам не хворать, — недобро ответил Иван Кузьмич, не расположенный к разговору.

— Разговор, сынок, есть, — не обратил внимания на дерзость старик.

— Дед, у тебя дело или так, вышел поболтать от безделья? — остановился ходок.

— Брехать попусту и мне противно. Сберечь пришёл тебя, предупредить хочу: низину минешь, поворот в горку по леву руку пойдёт, там березнячок хилый, в нём стрелок прячется, тебя ждёт. Ты о нём и думать забыл, а он тебя помнит — Гольцов, а попростому Хрящ.

— Гольцов?.. Хрящ! — удивился Иван Кузьмич. — Кулак, наш киряковский, поджигатель! И что? Он же сослан на десять лет.

— Десять лет и минуло, а ты не заметил. Вот ты его вспомнить сразу не смог, а он о тебе все эти годы только и думал. И неспроста он теперь пришёл, памятуя, что все уверены, будто он в Могочино томится, а всё для того, чтобы подозрения на него не было.

— И что, за поворотом, говоришь? — Иван Кузьмич нащупал на поясе под шинелью трофейный наган, с которым по привычке никогда не расставался. — Ну, тогда лады. Спасибо, отец.

Старик перешёл дорогу и зашагал по высокой траве вдоль ручья. Он шёл к знакомому родничку, в наплечной сумке самое необходимое, чтобы перекусить да горячим чайком потешиться. Пока собирал хворост для костра, слышал выстрелы — два ружейных хлопка и один сухой, наганный.

Иван Кузьмич нашёл старика в самой низине, тот сидел на бережку малого ручейка и сочинял костерок из мелких сухих веточек.

— Слышал выстрелы, понял, что скрутить тебе его не удалось.

— Крепкий и ярый. Видишь, рукав прострелил, гад, одежду попортил.

— Присаживайся, где удобно будет, здесь родничок серебряный, — старик показал на живое водяное блюдце у берега, которое стекало по ложбинке и настаивалось в тростнике, чтобы потом бежать вниз, слиться с братьями и превратиться в быстрый ручей.

— Дед, а не есть ли ты тот самый Арефа, о котором мне старики рассказывали?

— Может, и тот. Я же не знаю, о чём вы разговаривали.

— А ты, как я понял, наперёд всё знаешь?

— Знал бы наперёд, тот мальчонка бы не погиб.

— Какой мальчонка?

— А тот, что предупредил тебя о поджоге. За то и убил его Хрящ, утопил. Разведал и убил.

— Не знал я того, надо же. Сослали и сослали, и думать забыл.

— А мальчонка тот людей от голода спас, добрейшей души человек... За ним всякая живность по пятам ходила, в руки тыкалась. А ты знаешь, кем тот мальчонка Хрящу приходился?

— Ничего не знаю, — прошептал озадаченный Иван Кузьмич.

— Сыном родным! Вот и получается, что гнилое семя, а и то может дать доброе зерно. Вот почему сын за отца не в ответе, а отец за сына в ответе!

— Да, много потерь, очень много, — вздохнул Иван Кузьмич.

Костёр потрескивал мелкими хвойно-берёзовыми сучками, от едкого дыма по щеке старика стекла слеза. Ивану Кузьмичу стало тяжело и больно на душе, и его забота о суде теперь показалась мелочью по сравнению с настоящим горем. Но вдруг на полянке, из-за кустов ивняка, появилось несколько зайцев, они приблизились к Арефе и оставили у его ног пучки травы.

— Вот и заварка поспела! — поблагодарил зайцев старик. — А я думаю, чем гостя порадовать? А они уже позаботились, смотри: душица, смородина, земляника, Melissa, чабрец, шиповник — и где всё нашли? Хороший травяной чай будет — для бодрости духа!

— И не боятся же? — удивился Иван Кузьмич, наблюдая, как целая ватага зайцев окружила старика. — Чудеса!

— А чё им бояться, здесь все свои.

Заваренный кипяток начал источать пряный запах лесных трав. Старик разлил чай в деревянные плоски. Иван Кузьмич подхватил одного из зайчат и посадил себе на колени, погладил его, а тот, смешно дёргая усиками, обнюхал его руку, пропахшую порохом и смертью.

— Надо же, как хорошо! Слышишь, старик, когда тебя не боятся и доверяют — вот такие маленькие, хрупкие, слабенькие, и оттого тебе их пожалеть хочется. Прямо-таки сердцем обмяк и тяжесть с души сошла.

Заяц притих на коленях Ивана Кузьмича, а тот сидел рядом с Арефой, отхлёбывал душистый навар, разглядывал живое блюдечко родника.

— Чудно это! Там смерть, а здесь жизнь. Старик, научи меня с зайцами разговаривать.

— Они не понимают слов. Мы разговариваем не словами, а сердцем. Когда-то так и было на земле, но потом боги научились говорить и стали людьми.

— Отчего же? От слов?

— Ко всякому живому липнет грязь. Вот и слово запачкалось ложью.

— Да, лжи много! Человек только то и делает, что лжёт! Экая же дрянь — человек!

И вдруг зайцы кинулись врассыпную. Иван Кузьмич огляделся:

— Кто их спугнул?

— Твоё сердце.

— Тьфу ты, как у тебя всё не просто!

— А жизнь, она простой не бывает, но и не настолько сложна, чтобы не мочь разобраться в ней. Вот ты обиделся на людей, на суд идёшь, а суда не будет.

— Суда не будет? Почему?

— Потому что люди понимают, что вы запутались.

— Да в чём же запутались? В том, что служили верой и правдой?!

— Ложь, она ведь разная бывает. Вот скажи, чем Хрящ хуже твоего киряковского колхоза? Я отвечу: а ничем! Тот себе пёр, меры не знал, а теперь и колхозники твои всё под себя подгребают. Объединились, вроде коллектив, а жадности больше стало. У нас же в районе как не колхоз — так кулак, и ещё требуют: дай мне то, дай мне это, мы — народ!

— А для чего, спрашивается... — начал говорить Иван Кузьмич.

— Не перебивай, погодь, — отмахнулся Арефа. — Да, работаете вы хорошо на свои колхозные закрома, а на государево вам плевать. Вы же кулаки! У вас же не колхозы в районе, а банды. Вот вы пошли собирать предложения в Сталинскую конституцию, и что колхозники предложили — восемь часов работать? Это какой такой восьмичасовой рабочий день вы захотели, если зимой на печи почитай полгода лежите? Утром встал, по хозяйству управился, в коровнике колхозном подмёл и неспешно домой. Летом иное дело, там и день и ночь — страда. Или вы восемь часов с перерывом на обед косить, скот пасти, урожай убирать будете? А зерно на поле пусть гниёт? Так, что ли? Леса и реки захотели в собственность колхозу. Чем не бар-

ские замашки — собственные угожья! К примеру, план по хлебозакупу — 6000 тонн, а с колхозами заключили договоров всего на 3650 тонн, считай, вполовину. А выполнили и того меньше — 2156 тонн, считай, треть. Но зато животноводство — это впереди всех. А знаешь почему? Потому что пшеничка та в хлев шла на откорм скоту, потому что цена пшеницы — пшик, а говядинка, а свининка — ого-го. Вам важнее пшеничку скоту скормить, чем государству отдать! Али ты не знаешь, что из-за санкций мы станки для заводов в Америке за пшеницу покупаем? Таковы условия капиталистов. Сегодня пшеничка для страны — это всё! Это воздух, без которого не выжить! Потому что в Европе фашисты, потому что скоро война! А вы эту пшеничку скоту, чтобы барыш колхозный посчитать и в кубышечку спрятать!

— Что? Война всё-таки будет?! — поднял понурую голову Высоцкий.

— Будет, сынок, будет страшная война, и работы тебе ещё много предстоит сделать и выполнить свой долг коммуниста.

— Меня исключили...

— Нельзя человека исключить из рядов борцов за справедливую жизнь, если сам человек себя не исключил. Суда над вами не будет. Добрыгина, председателя райисполкома, расстреляют, а вас даже судить не будут. Потому как все понимают, что хорошие вы люди, добросовестные, но дали слабинку, не разобрались и не поняли, что и коллективная корысть существует. Коллективная! Вот на эту удочку вы и попались.

— Мы выиграем войну?

— Да, выиграем, потому что ложь и корысть победим, но наступят иные дни, когда власть лгать начнёт

и свои личные закрома охранять, как нынешние колхозники. Вот тогда мы проиграем, и вернутся в страну и капиталисты, и кулаки.

— Понял, батя, понял! Впереди жизнь бурная, опасная. Жаль, что боги не смогли уберечь слово от лжи.

— Боги не смогли — человек сможет.

— Да, ты прав, старик, горе заставит стать честными.

Историческая справка

1.

(по данным справки
из Архива Болотнинского района)

1936 год. В стране идёт всесоюзное обсуждение проекта Конституции СССР. Эта конституция вошла в историю как Сталинская. Обсуждают и вносят свои предложения и жители Болотнинского района. Так, председатель колхоза «Путь Ильича» Кандерепского сельского совета, товарищ Липский, внёс предложение дополнить статью 109: «Предоставить право советам депутатов трудящихся отзывать судей, не оправдавших доверия граждан». Колхозники артели «Новый городок» деревни Баратаевка предложили к главе «Суд и прокуратура» добавить специальную статью, где говорилось бы, что товарищеские суды избираются при крупных селениях, предприятиях сроком на два года и председатели товарищеских судов обязаны отчитываться о своей работе перед избирателями два раза в год. Кроме этого, колхозники внесли в проект Конституции предложения о навечном

закреплении рек и лесов за колхозами, об установлении восьмичасового рабочего дня для сельчан и об отпусках для них. Всё это вышестоящее начальство посчитало вредительством, и в Болотнинский район приехали проверяющие. Были уволены и исключены из партии почти все работники районного исполнительного комитета, а сам Добрыгин арестован.

Просматривая материалы дела Аристарха Георгиевича Добрыгина из архива Федеральной службы безопасности Новосибирской области, мы видим, что 27 октября 1938 года его приговорили к высшей мере наказания — расстрелу и в этот же день привели приговор в исполнение.

2.

МАТЕРИАЛ К ДОКЛАДУ*

1. Крайкомом ВКП(б) установлено, что в Болотнинском районе имеется налицо сращивание руководящих работников райисполкома с враждебными советской власти и партии элементами. В первую очередь быв. пред. РИКа ДОБРЫГИНА. Отделами РИКа заведывали чуждые враждебные элементы. Засорённость аппарата РИКа. (Список прилагается.)

* Архивная копия материала к докладу «О неудовлетворительной работе и грубейших ошибках Болотнинского райкома ВКП(б)» первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. Эйхе.

В документе присутствуют сокращения: райзо — районный земельный отдел; райисполком, РИК — районный исполнительный комитет; СНК — Совет народных комиссаров; с/с — сельский совет; х-во, хоз-во — хозяйство.

2. Доверяли разъяснять Сталинскую конституцию чуждому враждебному элементу: ГУДКОВУ, ВЫСОЦКОМУ, ЯБЛОНСКИХ, ВАСИЛЕВСКОМУ. В результате чего в проект конституции вносились контрреволюционные предложения (о передаче лесов колхозам на вечное пользование, 8-часовой рабочий день установления колхозникам, пользование отпусками и курортами наравне с рабочими). Все эти предложения записывались в протоколе и принимались на общих собраниях в присутствии Добрыгинской банды.

3. Добрыгин и его банда культивировали нарушение Сталинского устава сельскохозяйственной артели, раздувание антиколхозных настроений, давали возможность производить индивидуальные посевы колхозникам на полях севооборота — рожь, пшеницу, бобовые и проч. в количестве 35 гектар, производили посевы 673 х-ва. Со стороны уполномоченного СНК ни один из них не был обложен хлебопоставками.

По отдельным сельсоветам:

1. Кандерепский	—	118	х-в	сеяли
2. Кончурукский	—	177	"	"
3. Больше-Реченский	—	127	"	"
4. Мануйловский	—	77	"	"
5. Кривояшинский	—	50	"	"
6. Черновский	—	32	"	"

Посевы отдельных колхозников по сельсоветам, наиболее выдающиеся:

1. По Кандерепскому с/с колхозник	—0,20	гект.
КУЗЬМИН Захар		
2. ФИШЕК ГИНДРЕ	—0,20	"
этого же сельсовета		
3. ЛАВРЕНЕНКО	" "	—0,20 "

4.	По Мануйловскому сельсовету:	—0,23	гект.
	МОСТАКОВ А.		
5.	НЕСТЕРОВ Роман этого же сельсов.	—0,25	"
6.	ВАЛЕТОВ Борис " "	—0,26	"
7.	ВАЛЕТОВ Н. " "	—0,20	"
8.	ШАЙТАРОВ А. " "	—0,25	"
9.	ВАЛЕТОВА Ольга " "	—0,25	"

4. 853 единоличных хозяйств, производящих посе́вы, облагались зернопоставками в 4152 центнера, а выполнено 189 центнеров. Со стороны уполномоченного СНК никаких мер не принималось по выполнению зернопоставок с единоличников.

5. Хлебозакуп: План хлебозакупа 6000 тонн. Заключено договоров в колхозах на 3650 тонн. Колхозами выполнено 2651 тонна. По отдельным колхозам выполнено наполовину, а по некоторым совершенно не выполнено.

Колхоз «Борец за Октябрь» заключил договор на 1450 центнеров, сдал на элеватор 39 центнеров.

Колхоз им. Калинина заключил договор на 1100 центнеров, сдал на элеватор 501 ц.

Колхоз «Восход» заключил договор на 600 центнеров, сдал на элеватор 191 центнер.

Колхоз «Перелом» заключил договор на 800 центнеров, а сдал на элеватор 223 центнера.

Колхоз «Берёзовка» заключил договор на 1200 центнеров, сдал на элеватор 301 центнер.

6. Нарушение устава сельхозартели колхозниками, держащими скот сверх устава, на 1 февраля 1937 го-

да: 117 колхозных хозяйств, держащих по 2 коровы. 46 хозяйств, держащих овец с 11 и больше. 34 хоз-ва, держащие свиноматок с трёх и выше. Безкоровных колхозников — 921 х-во. Живущих колхозников, точно соблюдающих Сталинский устав, — 17 х-в в районе, а на 1 января 1936 г. имелось с двумя коровами 307 х-в и с тремя коровами имелось 3 хозяйства.

На 1 января 1936 года имелось у единоличников 101 лошадь.

А на 1 января 1937 года — 31 лошадь.

Причём план посева доведён райзо единоличникам на 31 лошадь — 30 гектар.

7. Воспроизводство по развитию животноводства в районе:

1. По крупному рогатому скоту план на 1936 год 4500, выполнено — 4770.

2. По свиньям план на 1936 г. 4900 выполнено 4000.

3. По овцам " " 3370 " 4275

4. По лошадям " " 7680 " 7006

8. Не облагались единоличники денежным налогом и вышедшие из колхоза — 21 х-во.

По Егорьевскому сельсовету	—	1	х-во
" Карасевскому "	—	4	"
" Турнаевскому "	—	6	"
" Кандерепскому "	—	1	"
" Демидо-Карповск. "	—	1	"
" Ачинскому "	—	1	"
" Черновскому "	—	4	"
" Кругликовскому "	—	1	"
" Кривояшинскому "	—	2	"

9. Давали возможность косить сено колхозникам на колхозных участках: этим самым занижали трудодень колхозника.

Что сделано райкомом и райисполкомом:

1) Изгнаны из аппарата РИКа и др. учреждений чуждые элементы 30 человек:

1) ЯСЮКЕВИЧ	11) ДЕГТЯРЕВ	21) САВЧЕНКО
2) САВЕЛЬЕВ	12) НОВИКОВ	22) ТИТОВ
3) ЕЛИЗАРОВ	13) РОГАЛЕВ	23) ТИХОМИРОВ
4) МАЛЬЦЕВ	14) ЛИПСКИЙ	24) КИРЯКОВ
5) ФИЛИППОВ	15) ТАРЫХОВ	25) ГУДКОВ
6) ФЕДОРОВ	16) БЕЛЬЧУК	26) АРХИПОВ
7) ЯБЛОНСКИЙ	17) ЩЕРБАКОВ	27) БЕЛОВА
8) ВЫСОЦКИЙ	18) ЦАРУК	28) ДЬЯКОНОВ
9) ЛАГУТИН	19) ШИЛЯЕВ	29) ПРОНИН
10) СИДОРОВ	20) БАБИНОВИЧ	30)

2) Колхозники, производящие посевы, обложены хлебозаготовками — 673 хоз-ва, по норме единоличных хозяйств.

3) Проведена массовая работа с колхозниками по контрактации вторых коров на колхозные фермы Кончурукского сельсовета.

В колхозе «Труд» законтрактовано 8 коров и 4 телки Ачинского сельсовета.

В колхозе «Заря» законтрактовано 4 коровы.

В колхозе «Завет Ленина» законтрактовано 2 коровы.

3.

Уроки Болотнинского района

(газета «Советская Сибирь», № 33, от 9 февраля 1937 года)

В Болотнинском районе произошли события, политические уроки которых имеют огромное значение для всех партийных и советских организаций края. Это со всей силой подчеркивает постановление Крайкома ВКП(б) «О неудовлетворительной работе и грубейших ошибках Болотнинского райкома ВКП(б)».

Сталинская Конституция повышает роль и ответственность советов и партийных организаций во всех областях государственной, хозяйственной, общественно-политической и культурной жизни, усложняет их работу.

Товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII Съезде Советов предупредил о том, что «если народ кой-где и изберёт враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена из рук вон плохо, и мы вполне заслужили такой позор». Товарищ Сталин указывал, что «надо работать, а не хныкать, надо работать, а не дожидаться того, что всё будет предоставлено в готовом виде в порядке административных распоряжений».

Работать, а не хныкать! Работать по-новому, ещё теснее связываясь с массами, укреплять и совершенствовать советские органы, воспитывать трудящихся в духе соблюдения Сталинской Конституции, в духе высокой революционной бдительности и непримиримости к врагам народа.

Процесс антисоветского троцкистского центра ярко показал, что враги социализма, до предела озло-

бленные нашими победами, продались фашистским контрразведкам и не останавливаются в своей гнусной борьбе против социалистического государства рабочих и крестьян ни перед чем, прибегают к террору, шпионажу, вредительству и диверсиям.

Путь к новым победам коммунизма лежит через дальнейшее укрепление советского государства, через усиление революционной бдительности. Тов. Молотов в своей речи на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов говорит: «Надо усилить борьбу с беспечностью и покладистостью некоторых руководителей в нашем государственном аппарате. Надо поднять революционную бдительность в рядах трудящихся. Надо не на словах, а на деле помнить о классовом враге и поднимать коммунистическую сознательность в массах. Расчистить путь от врагов — значит развязать силы масс в борьбе за полную победу коммунизма».

Вот это главное и забыли в Болотнинском районе. Здесь руководители партийной организации и советского аппарата извращённо, в духе мелкобуржуазных либералов, поняли существо социалистического демократизма и дали возможность врагам партии и Советской власти развязать свою активность. Это нельзя назвать иначе, как предательством интересов Советского государства и партии.

В Болотнинском райисполкоме орудовал предатель Добрыгин — бывший председатель райисполкома. Он передал советский аппарат в руки бывших кулаков и троцкистов, исключённых из партии, белогвардейцев и др. Отделами райисполкома и важнейшими участками работы ведали враждебные люди. Эта банда расставляла свои силы и в сельсоветах.

Используя своё положение в советском аппарате, предатель Добрыгин и окружавшие его враждебные люди грубо извращали, в угоду классовому врагу, политику партии и правительства в советском и колхозном строительстве. Они всячески потакали антиколхозным, спекулятивным элементам. Единоличникам в районе были предоставлены большие льготы — они не облагались налогами, их доходы не учитывались и т. п. Не облагались и те хозяйства, которые выходили из колхозов.

Добрыгин и его шайка культивировали грубые нарушения устава сельхозартели, нарушения трудовой дисциплины. Вся эта подрывная работа в конечном итоге приводила к срыву важнейших хозяйственно-политических заданий, к хроническому отставанию района.

В Болотном грубо нарушалась и советская демократия. Райисполком и многие сельсоветы оторвались от масс избирателей. Достаточно сказать, что советы района насчитывают только... 200 человек актива. В Болотнинском поселковом совете, как и во многих других, секции и депутатские группы существовали формально. При поселковом совете числилась транспортная секция, и как ни дико, в ней не было ни одного железнодорожника, хотя в Болотном имеется большой железнодорожный узел!

Райисполком и сельсоветы игнорировали наказания избирателей.

В райисполкоме и его отделах затесавшиеся туда враждебные элементы издевательски относились к жалобам и заявлениям трудящихся. В аппарате райисполкома, в райзо и других отделах при проверке об-

наружено много неразобранных жалоб. В райздраве и сельсоветах, чтобы «не возиться» с жалобами, их даже не регистрировали.

Грубые извращения советской демократии были допущены в период подготовки и проведения районного съезда советов. Разъяснение Сталинской Конституции среди трудящихся района райисполком и райком поручили враждебным людям (бывшим кулакам, исключённым из партии белогвардейцам и троцкистам и т. д.). На собраниях, где обсуждались отчёты советов, присутствовало всего 45–50 процентов избирателей.

Добрыгин и его вражеская шайка при выборах на районный съезд протащили в числе делегатов 15 бывших кулаков, колчаковских офицеров, троцкистов и других враждебных людей. Добрыгин выдал делегатский мандат бывшему белогвардейцу Высоцкому несмотря на то, что на пленуме Ачинского сельсовета кандидатура Высоцкого была провалена и он на съезд не был избран.

Но всего этого Добрыгину показалось мало. Он дал распоряжение выдать еще 19 пригласительных билетов на съезд бывшим кулакам, белогвардейцам и троцкистам, изгнанным из партии, и другим чуждым людям.

Ко всему этому надо добавить огромную текучесть председателей сельсоветов, большую засорённость советского аппарата в районе. Один из председателей сельсовета Автучин отбыл недавно тюремное наказание за растрату. Немало таких людей протащил на руководящую советскую работу Добрыгин.

Всё это могло произойти в результате того, что Болотнинский райком партии (секретарь райкома Хмельницкий, его заместитель Вагаев) потеряли большевистскую бдительность, игнорировали указания партии о том, что Сталинская Конституция не снижает, а повышает руководящую роль парторганизации.

Райком фактически потворствовал антисоветским действиям Добрыгина и его банды.

Предательскую деятельность Добрыгину и его банде облегчила обстановка грубого игнорирования и зажима самокритики, обстановка семейственности. Зам. секретаря райкома Вагаев сознался:

— О непартийной деятельности Добрыгина мы знали, но решали эти вопросы в узком кругу, в кабинете Хмельницкого.

Болотнинский райком оторвался от партийных масс, запустил партийную работу. Главное внимание райком уделял хозяйственным делам, подменяя советский и хозяйственный аппарат. Партийных работников из боевых политических организаторов масс райком превратил в порученцев по текущим хозяйственным вопросам.

Неудивительно, что пульс партийной работы в Болотнинском районе бился крайне слабо. В первичных парторганизациях подряд по 2–3 месяца не было собраний. Парторги и парткомы не отчитывались о своей работе. К предложениям и критическим замечаниям членов партии райком не прислушивался. Долго райком, например, не рассматривал заявлений коммунистов о том, что двурушник Галанин — подлый троцкистский последыш. С большим опозданием

райком выбросил его из партии. Редактор районной газеты «Путь Ильича» Деев, покрывавший все антисоветские действия кулацкой шайки Добрыгина, не только не печатал разоблачительных заметок, а даже сжигал их, чтобы скрыть всякие следы.

Крайком ВКП(б), рассмотрев результаты проверки болотнинской парторганизации, решил созвать районное партсобрание с отчётом райкома. Это собрание в Болотном впервые за последние годы прошло при большой активности и на высоком уровне самокритики. Оно признало работу райкома неудовлетворительной, извращающей линию партии, и решило просить Крайком ВКП(б) снять с работы секретаря райкома Хмельницкого и его заместителя Вагаева. Предатель Добрыгин и соучастники его кулацкой шайки исключены из партии. Они предаются суду.

Крайком ВКП(б) утвердил эти решения общего районного партийного собрания и разрешил болотнинской парторганизации переизбрать райком, не оправдавший доверия партии. При помощи Крайкома болотнинская парторганизация встряхнулась.

*

Уроки Болотнинского района имеют огромное политическое значение. Они напоминают, прежде всего, о необходимости повысить бдительность и уметь распознавать врага под любой маской.

Тов. Эйхе в докладе на собрании новосибирского партактива указывал:

«Бдительность нужно организовать. Непростительно ошибаются те товарищи, которые думают, что достаточно, если они почаще будут выступать, почаще

произносить слово «бдительность». Такие люди фактически превращаются в аллилуйщиков*.

Первым условием настоящей большевистской бдительности является развёрнутая партийная работа, чтобы партийная жизнь, как писала «Правда», была ключом, чтобы каждая клеточка нашей партии жила развёрнутой, полнокровной партийной жизнью».

Тов. Эйхе далее указал:

«Без самокритики, без развёрнутой большевистской самокритики не может быть и речи о бдительности».

Уроки Болотнинского района говорят, что враги получают возможность вести свою подрывную работу там, где бдительность притуплена, где она подменяется аллилуйщиной, где не в почёте большевистская самокритика — это могучее средство нашего движения вперёд.

Партийные организации должны обеспечить коренную перестройку работы советов. Все недочёты советов надо поставить под огонь большевистской критики масс.

Уроки Болотного говорят о том, что развёрнутая советская демократия не означает ослабления бдительности к проискам врагов народа, а требует её заострения, дальнейшего укрепления и улучшения работы государственного аппарата. В этом состоит основное условие наших новых побед под знаменем Сталинской Конституции.

* Аллилуйщик — тот, кто чрезмерно восхваляет кого-либо или что-либо; человек, неумеренным восхвалением существующего положения вещей прикрывающий отрицательные явления и тем мешающий борьбе с ними.

4.

Высоцкий Иван Кузьмич служил в царской армии младшим офицером, но никогда не служил в Белой армии, а демобилизовался сразу же после прекращения боевых действий на германском фронте, 11 ноября 1918 года. В газетной статье «Уроки Болотнинского района» повторяется неправильная информация, которую, видимо, для усиления впервые использовал первый секретарь крайкома Р. Эйхе.

В последующие годы Иван Кузьмич Высоцкий добросовестно работал, был восстановлен в партии, награждён государственными наградами, служил в органах Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), пользовался огромным уважением людей. Умер в 1972 году. Похоронен в Болотном.

Спас на Воге

Накатанная дорога пошла круто вниз, очень круто, упираясь в кромку воды речки Икса, а там деревянный мост. Октябрина Георгиевна Никитина — уполномоченная Болотнинского райисполкома хорошо знала эти места, за десять лет работы, она досконально изучила дорогу, на которой разместились закреплённые за ней деревни Кругликовского куста.

Пролётные дрожки, сохранившиеся с дореволюционных времён от мукомола Павина, с мягкими рессорами и пружинным сиденьем, запрягались для Октябрины Георгиевны на выезд в район. И сегодня, 1 августа 1937 года, был намечен митинг в Карасево в рамках международного антивоенного дня, и не только в Карасево, но и в Насоново, и в Кругликово — и это на сегодня, а завтра, на обратном пути, предстояли такие же мероприятия в Новой Поляне, в Баксоне и в Бору.

Октябрина ещё с горки увидела старика, он сидел на берегу, опустив ноги в воду. Она его уже когда-то видела, нельзя забыть седую шевелюру и окладистую белую бороду, этот старик походил на древнего бога из какой-то былинной сказки, и даже кривой посох с затейливой закорючкой на конце — всё делало его облик необычайным. Октябрина остановила пролётку у моста, привязала вожжи к тонкой берёзе и подошла к старику.

— Доброго дня, дедушка! — поприветствовала она. Октябрина вдруг поймала себя на мысли, что к этому старику она не могла обратиться иначе: не товарищ и не гражданин, а именно и только дедушка.

— Здравь будь, Хавроньюшка! Вот чурочка тёплая, присядь, отдохни, а то и постой, посмотри на водичку. Сегодня великий праздник — Спас на воде.

— Да, я знаю, я слышала, ещё в детстве, у нас бабушка любила этот праздник, особенно если тепло и солнышко, как сегодня. Только я не очень помню, почему на воде? Я давно позабыла все свои детские сказки.

— Я вот только что искупался, сегодня вода в реке имеет особую силу, очищает и тело, и душу. Она смывает грехи, болезни и недобрый глаз. А ты не гордись, зачерпни водички, освежи личико-то и попей, только польза будет.

— Так из чего попить? Ничего же нет, ни кружечки, ни стаканчика.

— А на кой тебе стаканчик, между тобой и Богом дорожка должна быть чистой. Помой руки, ополосни лицо и попей из жменьки, тебе и хватит. Грехов на тебе мало, а забот много.

Октябрина так всё и сделала.

— Как в детстве, — вытерла она руки платочком, — и правда, освежилась, прямо радостно даже стало. А вы имя моё знаете? Откуда?

— Да, запомнил, ещё когда крестили.

— Вы папеньку моего помните?

— Не то чтобы хорошо, но помню, основательный был мужик, хваткий.

— Дедушка, а вы не знаете такого старичка-знахаря, который однажды пришёл и вылечил ноги моему жениху?

— Это в девятнадцатом году было?

— Да, в девятнадцатом, в ноябре!

— Нет, дочка, не знаю.

— Так не тот ли вы дедушка, который спас меня от кулаков? Помните?

— Это в двадцать седьмом?

— Да, в двадцать седьмом! Здесь в Карасево дело было.

— В Карасево? Нет, доченька, то другой дедушка, он был младше меня на десять лет. А что ты так разволновалась? Щёчки, как яблочки, румянцем налились.

— Он появляется, когда беда грядёт.

— Грядёт, дочка. Война скоро, ты это лучше меня знаешь.

— Фашисты объявились в Италии, Германии, Японии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Болгарии и не только — по всей Европе эта зараза расползлась, просто беда. Дедушка, а как ты думаешь, скоро война? У нас есть ещё время подготовиться?

— Время ещё есть, но мало. Через четыре года война.

— Через четыре года... — сникла Октябрина, но вдруг оживилась: — Вот смотри, деда, мы элеватор построили, он крупнейший в Сибири! У нас в районе уже 29 комбайнов и 70 тракторов. У нас льнозавод уже есть, мясокомбинат — есть, молкомбинат — достраиваем, станция расширяется, а вагонное депо, а паровозное депо, а мехмастерские! Это же только наш

район, а кругом другие районы — видишь, какая сила! Смотри, как заводы строятся: Сибсельмаш — какой гигант поднялся, Завод горного дела истребители начал выпускать. Ты посмотри, как Новосибирск строится, сколько заводов, а в Кемерово, а в Новокузнецке! «Я знаю — город будет, я знаю — саду цвести, когда такие люди в стране в советской есть!» — это же Маяковский о Новокузнецке написал. Там угольные шахты, а тут льют металл, в Челябинске — тракторный, а это — танки, если война! У нас армия! «Красная армия всех сильнее!»

— Дочка, что ты меня агитируешь, я многое знаю, но знаю и то, что они тоже готовятся к войне, и нет у них, как у нас, затаивших злобу беляков, кулаков и прочих лавочников и спекулянтов, которые по всей стране попрятались, а случись что, вылезут из щелей. Хорошо было бы, чтобы, как крысы, побежали с корабля, но нет, останутся и гадить будут, а ещё пуше шпионить и вредить. Враг — он хитрый, враг — он подлый, сейчас сколько подлецов на хороших людей доносы строчат, за маленькую оплошность — в тюрьму, а следователи и судьи из шкуры выпрыгивают, чтобы доказать своё рвение, а потом они же шептать начнут, мол, смотри, что творит советская власть, добрых людей губит.

— И такое есть, — согласилась Октябрина, — если бы ты, дедушка, только знал, сколько доносов пишут, валом валят, крестьянин на крестьянина, рабочий на рабочего, а анонимки — это уже служащие изгаляются. С одной стороны — подвиги трудовые, рацпредложения, ударные стройки и тут же — доносы! У нас все школьники ГТО сдают, стрелять учатся, трак-

тор осваивают, а это будущие танкисты, чтобы, если враг нападёт, Родину защищать, наш справедливый строй.

Но вдруг осеклась Октябрина и задумчиво повторила:

— Четыре года, всего четыре года... Но мы же победим? Правда?

— Да, дочка, победим, только много людей за эту победу жизнь отдадут — вот беда какая.

— Но войны, деда, без потерь не бывает.

— Не бывает, но только потери бывают разными, кто их заменит в будущем? Ведь погибают самые смелые, самые честные, самые преданные! Что, думаешь, нам турки победы наши простили, или французы? Или сейчас Европе накостыляем, они нам простят? Нет! Не простят, вспоминать будут и пытаться навредить — это Европа, её знать надо, она грабежом только жить умеет и подлостью.

— Да, деда, тебя бы на митинг взять с собой, но, вижу, не поедешь, ты другой. Пора мне, дедушка, сегодня не только Спас на воде, но и международный антивоенный день.

Октябрина отвязала лошадь от берёзки, уселась в дрожки, но вдруг повернулась к старику:

— Может, вас довезти куда?

— Нет, дочка, спасибо, я дома, я здесь недалеко живу, — Арефа встал и поднял кривой посох.

Он стоял с непокрытой головой, окладистая борода закрывала ворот.

— Да, я сразу поняла, что это вы, дедушка Арефа. И спасибо вам за вашу доброту. И ещё я поняла, что вы появляетесь, когда особенно жить надо.

— Да пусть будет благословенна дорога твоя, — чуть поклонился ей старик.

Пролётка застучала колёсами, будто по клавишам, по толстым плахам деревянного моста и начала подниматься по склону вверх. Октябрина обернулась: Арефа всё так же стоял на берегу — белый, с посохом в руках, казалось, что он врос в землю или вырос из земли, так крепка была его осанка, что внушала уверенность и надежду.

— Победим, — прошептала Октябрина и стегнула лошадь по холёному крупу.

Историческая справка

Протокол митинга о международном антивоенном дне в колхозе «Большевик».

Протокол

Министерства в международном анти-военном движении в рамках "Больше-Восток" Карасевского Совета сотрудничества / август 1937г.

Слушания: уполномоченного РИК тов. Микитину, которая сказала присутствующим - как готовятся к войне все капиталистические страны. Как продолжается германская борьба в Испании под руководством коммунистической партии. Подготовка к новой войне - Германии и Японии. Задачи каждого капиталиста и капиталистки по укреплению границ. Задачи по овладению военной техникой.

О засылки шпиков в Советский
Союз, о бдительности колхозников
и вредительстве врагов народа.

Говорили: Пред. Сов. тов. Астуж-
нин, который сказал, что война и
для того ее готовят вра-
шники и буржуазия. О мирной
патотени колхоза. О проведении
хлебоуборочной кампании. О прове-
дении реализации займа „Укре-
ления обороны С. С. С. Р. Героичес-
кая борьба Испании и Китая.

Пред. колхоза Яблочников Г. М.,
который сказал о проведении
хлебоуборочной кампании. О
продолжении севоуборочной. О
перепашки паров. О подписки
на заем.

Резолюция

Заслушав доклад тов. Никитинской об активностях дзе, левых казюжники колхоза, Большевистский Забвиевский своей протест против готовящейся войне коммунистами империализма готовящейся войне дзе своей нации все. Мы казюжники забвиевский, что если враг захочет напасть на нашу страну, мы грядую защитим нашу социалистическую родину.

Чтобы лучше укрепить нашу родину мы по-боевому вспашем все задачи стоящие перед казюжкам. Закончим в срок уборочную кампанию

и всталими все обязательства
перед государством.

Полностью ликвидирует по-
литическую беспечность все-
корпуса все последствия
Побрыгинской банда.

Дает обязательства наладить
работу О. В. О. организовать
военную (работу) учебу.

Организует службу М. А. П. 90

Все как один подписались
на завет обороны А. В. В. 90

Выписка верна

З/м-32. Световод. В. Пилуф

Дезертир

Тяжёлый 7450 год от Сотворения Мира, или 1942 год по новому стилю. Осень. Сентябрь яркий и тёплый, но сегодняшний день слегка нахмурился и прыснул неназойливым и тёплым дождём. И даже не дождём, а какой-то невероятно мелкой влажной пылью, будто где-то там, на море-океане, за тысячу вёрст, о скалистый берег ударила волна, а сюда, в Сибирь, долетела влажная пыль, принесённая порывистым ветром. Водокачка казалась чёрной, даже грозной, стальная глубь недобро и холодно смотрела в такую же холодную и глубокую пелену неба. Камыш у самой дамбы, росший прибрежным островком, шершаво шелестел острыми жёлто-серыми листьями. Коричневые наконечники зрелыми головками кланялись и пьяно раскачивались, пытаясь сопротивляться порывистому киселёвскому ветру, который набирал особую силу вдоль речки Болотной и который не мог удержать преграждающий путь крутой кладбищенский косогор с покосившимися вековыми чёрными крестами.

Шёл второй год войны. Совинформбюро скупо общало о боях местного значения, хотя уже шёл третий месяц Сталинградской битвы, которая продлится

шесть месяцев и унесёт более полумиллиона жизней красных бойцов, но станет переломной в ходе войны с фашистской Германией.

Арефа сидел на корневище сосны-великана, здесь за стеной векового бора ветра не было, только макушки сосен шумели где-то там высоко над головой. Здесь внизу было тепло и даже уютно смотреть на непогоду, будто из окна натопленной избы.

На дамбу со стороны посёлка ступил красноармеец, в новой шинели и суконном шлеме, с вещмешком на спине, к которому был прикреплён вольный котелок. Он прошёл будку охраны, развёрнутую спиной к ветру, красноармеец козырнул постовому и зашагал по дамбе. Водокачка вместе с насосной станцией, водозабором и обводным каналом числились объектами первой важности, потому что отсюда качалась вода для паровозов на узловую станцию Болотная.

Ветер рвал полу его шинели, заворачивал и силится вовсе оторвать, пенистая волна с шумом и волчьим рыком нападала на бетонную стену дамбы, разбивалась и водяными ошмётками летела через всю дамбу в глубокий и сухой откос. Боец не торопился, и это было необычно для наступившего военного времени, он медленно перешёл дамбу и начал сосредоточенно, будто считая шаги, подниматься в Бор. Скоро он поравнялся с Арефой.

— Будь здрав, Алексей, — приветствовал его Арефа, — заглядывай до моей хаты, здесь тепло, — старик показал на место под сосною.

Юноша на миг остановился, огляделся по сторонам, никого не обнаружил и повернул к старику:

— Откуда вы, дедушка, знаете моё имя?

— Так слышал и запомнил, Болотная она только с виду большая, а так — деревня деревней, не скроешься даже здесь в бору.

Алексей сделал вид, что не понял последней фразы старика, скинул вещмешок и уселся вместе с Арефой на корневище, достал кiset и начал сворачивать «козью ножку».

— Будете, папаша? — предложил он кiset старику.

— Нет, милый, спасибо, откурил своё, а начинать поздно. Судя по ромбику, ты командир, Алёша?

— Да, окончил курсы младшего комсостава.

— При Белоцерковском училище, что с Украины эвакуировали?

— Так точно, — Алексей раскурил самокрутку и со вкусом втянул махорочный дым, чуть было не закашлялся, но справился и похвалил: — Хороший табачок.

— Отпустили домой на побывку? — не глядя на молодого командира, поинтересовался старик.

Алексей настороженно скосил взгляд в сторону старика и не сразу ответил:

— Вечером эшелон. За успехи в учёбе отпустили в Болотную, проститься с родными.

— Отец-мать, что, живы разве? Вроде как померли они у тебя от тифа ещё в двадцать шестом году.

— Деда, а ты странный такой! Откуда всё знаешь? Ты что, соседом был?

— Почти соседом, но знаю, что тётка тебя воспитывала.

— А я вас не помню, — удивился юноша.

— А и не мудрено, я давно по заборам лазать перестал, а ты вот только-только. Тебе же семнадцать?

— Так точно.

— Ты приписал себе годик, чтобы на фронт попасть?

— Так точно, — Алексей довольный собой пустил клуб дыма.

— Молодец! Это по-нашему, у нас, почитай, вся Болотная добровольцами пошла. Ну а невесту-то повидал? — Арефа прищурился, глядя Алексею в глаза.

Алексей вздрогнул.

— А ты почём, дед, знаешь?!

— Значит, повидал. Ну и расскажи, как повстречались, что решил? Из-за бабы жизнь решил погубить?

— Не скажу, — нахмурился парень, — пойду я.

— Погодь, сынок, сейчас троих выведут, и сразу три землянки свободны — любую выбирай. Жизнь — это дело добровольное.

— Кого выведут?!

— Дезертиров. А вот и они!

Из бора показалась группа людей. Четыре человека в форме сотрудников Наркомата внутренних дел вели троих бородатых мужиков со связанными за спиной руками. Один из сотрудников отделился от группы и пошёл в сторону Арефы и Алексея.

— Здравия желаю! — коротко козырнул сотрудник. — Попрошу предъявить ваши документы.

Первым подал Арефа. Сотрудник раскрыл паспорт, прочёл:

— Арефий... Знаю тебя, старик, ты знахарь местный, слышал, травами лечишь. Молодец, — он принял документы Алексея, просмотрел на юношу внимательно и углубился в чтение документа. — Поясните, пожалуйста, товарищ курсант, зачем и с какой целью вы здесь находитесь?

— Отпущен на сутки в отпуск после успешного окончания курсов младшего комсостава. Мой эшелон прибывает из Томска на станцию Болотная в восемнадцать ноль-ноль.

— Хорошо, — сотрудник отдал Арефе и Алексею документы и кинул уже через плечо, — не опаздывай, командир, у нас поезда ходят вовремя!

— Это ты на них стуканул? — удивлённо спросил юноша, когда группа была уже на дамбе.

— Зачем же я? Бестолковые жёны сами натоптали тропинку к схронам. А охрана Водокачки это заметила.

— А что с ними теперь будет? — задумался Алексей.

— А ничё не будет. В прошлом году, как война началась, — расстреливали, а теперь всех дезертиров на рудники под Салехард, где морозы под минус пятьдесят, и это ещё счастливый случай, а остальных под Искитим, в Ложок, там извесьть добывают. Те двое, что впереди идут, чуть больше года протянут, а тот, субтильный, до конца войны доживёт, как раз ко дню победы помрёт. Извесьть — это такая зараза, как не кутайся, всё равно просочится и лёгкие разъест.

По дамбе шли трое арестованных дезертиров. Их с умыслом проведут через всю Болотную до милиции, по самой главной улице Московской, посередь дороги. Люди будут останавливаться, смотреть им вслед, молча и с сожалением, что погибли мужики зазря.

— Вот, Алексей, прими от старика. Это древний оберег, ему очень много лет, он верный. Носи, не снимай, он защитит. А если не защитит, всё едино, слава твоя века переживёт. Героем станешь, верю. После во-

йны сюда приходи, я дождусь тебя, а ляжешь смертью храбрых, я всё равно здесь, с тобой встретимся. Тогда и поговорим. А что невеста не дождалась, значит, не твоя это невеста, считай, горе мимо прошло, а плохая баба — это пострашнее другой войны будет.

— Деда, ты так много знаешь! — с подозрением и восторгом удивился Алексей.

— Нет, сынок, я не знаю, как и какое такое слово сказать людям, чтобы они жить стали, как людям подобает! Чтобы женщины верностью красили нашу жизнь, а мужчины мужеством. А теперь иди, сынок, правильно сотрудник из НКВД тебе сказал: «Не опоздай».

— Дедушка! Я понял, вы мой родственник!

— Правильно понял, родственник и есть, и мне нужно, чтобы внучата мои героями вернулись, и из-за баб худых голову не теряли, и по лесам не прятались. А то в моду взяли схроны копать. Иди, Алёшенька, иди, побеждай.

Они обнялись, сильно прижал Алексей старика к своей крепкой груди.

— Спасибо, деда, спасибо! Я вернусь, вот увидишь, ты только не помри ненароком, а то я тогда совсем один останусь!

Алексей побежал вниз, а там сквозил холодный тягун с киселёвских полей, который разгонял огромные волны по простору Водокачки и бросал их с неистовой силой на бетонные плиты дамбы. Капли родной воды окропляли лицо Алексея и стекали счастливой слезою восторга и желания драться с врагом.

Историческая справка

Закон в годы войны предусматривал наказание за дезертирство — высшую меру (статья 193, п. 7–10 Уголовного кодекса РСФСР). По данным, к которым склоняется большинство авторитетных исследователей, за весь период войны дезертирами стали 1,7 миллиона человек, уклонистами — 2,5 миллиона. Всего же за годы войны за дезертирство были осуждены около миллиона человек, расстреляны — более 150 тысяч.

От несения воинской повинности уклонялись по разным причинам: по мировоззренческим — ненавидели советскую власть, по религиозным — нельзя брать оружие в руки и убивать людей, но более всего из-за страха за собственную жизнь.

Для того чтобы военнообязанный мог легально находиться в тылу, необходимо было получить бронь — документ, освобождавший от отправки на фронт. В первую очередь бронь давали высококлассным специалистам в стратегически важных для обороны отраслях промышленности и хозяйства, также бронь распространялась на некоторых представителей науки, культуры, искусства и спорта.

Нередко благодаря недобросовестным чиновникам бронь получали люди, не имеющие на это никакого права, но обладающие достаточной суммой денег или положением. Больше всего «забронированных» было в Москве — около 45 % от общего числа военнообязанных. Но не торопитесь клеймить москвичей, помните, что в Москве были собраны все выдающиеся деятели Советского Союза, что, конечно, не исключает

ет подделку документов. Для сравнения в городах Западной Сибири их количество не превышало 28 процентов, а в сельской местности — 5 процентов.

Дезертирство стало благоприятной средой для процветания бандитизма: 56 процентов всех разбоев и грабежей во время войны — дело рук дезертиров. Огромное количество вооружённых группировок действовало на ещё не оккупированной территории СССР: грабили крестьян, нападали на продовольственные обозы и склады. В связи с чрезвычайными условиями военного времени отделы НКВД, а позднее Смерша наделялись особыми полномочиями, в том числе и правом расстрела изменников на месте.

Самая масштабная операция по розыску и поимке дезертиров была проведена летом и в начале осени 1944 года. Тогда в результате усилий НКВД, НКГБ и Смерша была арестована 171 тысяча беглецов. Из них около 104 тысяч отправлены на фронт, потому что не хватало живой силы, и власти предпочли отправлять дезертиров на передовую, чем держать их в тюрьмах. Более того, органы Смерша прекращали дела тех военнослужащих, которые особо отличились в боях и тем реабилитировали себя. Некоторые дезертиры проявили себя на фронте настоящими героями и вернулись домой с заслуженными государственными наградами.

Немка

Не зря древние называли февраль — лютедь. Нынче земля простыла до глубин могильных, снегов навалило — не пройти, а тут ещё то метель, то пурга. Ветродуй беспощадный, будто лютый зверь, кусал руки, ноги, прошивал фуфайку насквозь, а стены домов становились влажными, и окна превращались в толстый ледяной узор, который рос каждый день, стекал от вечерней печной топки на подоконник, а утром твердел новым узором и толстой наледью. Одно слово — лютедь.

День зимнего солнцестояния, кажется, уже позади, но ночи всё ещё бесконечные, темнеет рано, и только прямые хвосты дымов из печных труб, освещённые яркой луной, красили белое безмолвие замёрзших дней. Птица не пела, уставшая скотина грелась друг об дружку, а хозяин не прибирался в стайке, чтобы животным было теплее. А в другой день вдруг помутнеет небо, и станет теплее, но тут же налетает порывистый ветер, и метёт так, что утром не разгрестись, и только у опытных сибиряков двери открываются внутрь сенок, а по-другому не выйти, вернее, не выползти из дома. А то и полностью накрывало весь дом снегом, как нынче накрыло одинокий скит Арефы.

Очаг гудел толстыми берёзовыми поленьями, две лучины освещали стол, кружка с травяным чаем парила ароматом, дед, поправляя очки, делал записи в своей тетради. Он макал перо в баночку с чернилами из сажи и старательно выводил буквы.

И вдруг гул очага, шум пурги прорезал волчий вой. Арефа поднял голову, прислушался, но, не дождавшись нового сигнала, вернулся к задумчивому письму. Но вновь завыл волк, вот теперь Арефа услышал, что не от тоски, не от одиночества или иного страдания завыл волк, он звал его, ему нужна была помощь человека.

— Ну что ещё? — проворчал дед, который не любил оставлять дело незаконченным, тем более такое ранимое, как творческое изложение мыслей на бумагу.

Он накинул полушубок, шапку-ушанку и вышел в сенки, а потом во двор. Белый волк сидел напротив входа, и когда увидел Арефу, поднял голову и трубно и призывно завыл.

— Ну тогда жди, — ответил ему Арефа, — одеться надо, не лето на дворе.

Белый повёл его сначала вдоль речки Йыксу, потом по льду. Темень кругом и пурга, луна лишь на миг выглядывала из-за тяжёлых туч и скрывалась вновь, будто от сквозняка пряталась.

— А метёт-то как! Далеко ль ещё? — затревожился Арефа. Но волк уже остановился и сел, поднял голову и опять завыл.

— Да что ж за прихоть, — посетовал Арефа, но в это время хватило проблеска луны, чтобы увидеть лю-

дей. Они сидели в сугробе, уже изрядно заметённые снегом: мать и двое деток.

— Мать честная! — удивился Арефа. — А вы что здесь делаете?

И дети, услышав его голос, вдруг разом заплакали, а потом этот плач подхватила мать. Арефа уже разгребал сугроб, вытащил прежде пятилетнего, а после трёхлетнего ребёнка.

— А ну, подставляй спину, — приказал он Белому.

Белый вёз детей, ухватившихся за его шерсть, а Арефа вёл мать, и все они выли, а иногда и Белый поднимал свою громадную голову и издавал протяжный и трубный вой.

Арефа редко пользовался керосиновой лампой, керосин во время войны стал дефицитом. Он зажёл лампу и приказал матери:

— А ну, распеленовывай дитёв, чё встала, дура-мать!

И сам принялся за младшего: сорвал с него платок, пальтецо, ботиночки, бросил мальчонку на кровать и принялся растирать ледяные руки, ноги. Потом достал какую-то бутылку, смочил руки и с ещё большей яростью принялся тереть ребёнка.

— Чё стоишь? Бери раствор и три второго-то!

Потом дед приготовил чай, ливанул туда спирта и ещё что-то и насильно влил сначала одному, а потом второму ребёнку. После протянул кружку матери:

— Пей! Всё пей! Вон там ещё налей, тебе эта доза не поможет.

Утомлённые и согретые дети перестали плакать и скоро, укутанные в овчину, крепко уснули.

— Ну вот, дитёв, кажись, спасли, — удовлетворённый Арефа разглядел в свете керосиновой лам-

пы румянец на щеках детей. — А теперь ты, сымай обувку. Чё пялишься? Сидай, — Арефа толкнул её на стул, нагнулся и стянул с неё задубевшие ботинки. Он подал ей раствор. — Сымай чулки и растирай хорошенько. И ещё раствору хлебни, да и я с тобой.

Он налил до краёв, посмотрел в сторону и заключил:

— Я-то от волнения.

— Найн, — сказала женщина и отвела руку Арефы с кружкой самогона. — Их тринке кайнен шнапс!

— Мать честная! Немка, чё ли?! — дед сел на свободный табурет и уставился на женщину. — Почитай, восемьсот лет прожил, а такого не видал, чтобы немка с двумя дитями из Германии во время войны в Сибирь пришла.

Дед отпил из кружки и протянул остатки женщины. И начал говорить по-немецки:

— Пей, дочка, за встречу, коль за здоровье своё не хочешь.

Женщину звали Эльза. В августе 1941 года их депортировали с Поволжья, где они жили в Немецкой Советской Социалистической Республике. Определили их в деревню Икса Болотнинского района. Только они успели немного залатать брошенный на краю деревни домик, который им выделил сельсовет, мужа и ещё двух деревенских девушек призвали на Кузбасские шахты, в народе говорили — в Трудармию. Требовались люди, вместо ушедших на войну шахтёров. Поволжских немцев на войну не брали, не доверяли. Муж немного знал русский язык, а она нет, устроилась в колхоз, весь день на работе, а дети одни, есть нечего, хлеба дают четыреста граммов ей и по двести пятьдесят граммов на каждого ребёнка. Одежду по-

меняла на картошку, по выходным ходили в соседние деревни побираться. А потом началась лютая зима, в доме холодно, не натопить, да и дров нет.

— Они вечером кушать просят, плачут, а что я им дам?! — будто оправдывалась Эльза. — Выйду на улицу, нагрёбу в кастрюльку снегу, накатаю шариков, они их пососут и засыпают.

Эльза вдруг заплакала, с надрывом и воем, позвериному, гортанно и протяжно, как выл Белый, когда звал Арефу спасти людей.

— А тут с фронта пришёл сосед, без руки и хромой, — от нахлынувшей обиды Эльза начала икать и захлебываться собственными словами. — Он пришёл к нам в дом пьяный, с плёткой и избил меня. Он бил, а я кричала, и дети кричали, а он только говорил: «Сука! Сука! Сука немецкая!» А потом сел рядом и сам заплакал, я подумала, что сейчас он нас всех убьёт.

Эльза закрыла лицо руками. Арефа не мешал ей, а только погладил по голове, как девочку, как маленькую девочку, которую сильно обидели.

— И я решила сама убить себя и детей! И просто пошла в лес. И вот чудо! Я встретила в лесу немца, который спас нас.

— Да нет, Эльза, я русский, сибиряк я коренной, просто очень давно живу и не забыл немецкий язык. Я его выучил, когда был в плену в Германии, ещё в Первую мировую войну. В плену тоже было всякое, — дед поправил бороду, пригладил основательно, прижимая к груди. — Иди, дочка, к детям, там места много, выпись хорошенько, а я уже не усну, да и травку мне для вас приготовить надо, чтобы хвори какой не случилось. Промёрзли детки-то. Промёрзли.

Арефа вышел в сенки, но скоро вернулся с мешочками, в которых хранил травы. Эльза спала, сидя за столом и положив голову на руки. Он тронул её за плечо, но она даже не шелохнулась.

— Ну и ладно, спи уж здесь. С таких страданий и стоя уснёшь.

Утром дети ели кашу, просили ещё, но Арефа ворчал:

— Эльза, ты им скажи, что с голодухи много нельзя — кишки завернутся.

Потом он долго провожал их, пурга успокоилась, на прощание сунул свёрток с едой.

— Это на первое время, потом приспособишься, выживешь. Ну а что тебя Василий побил, ты не сердчай, не таи зла, он же мастером был, и гармонистом, и работягой хоть куда, и семья у него хорошая, и душа у него добрая, отзывчивая, вот увидишь, и детишек четверо, таких же, как у тебя: мал мала меньше. Горе оно у всех горе, никого не милует.

...Прошло несколько лет. Всю войну Василий помогал Эльзе, а с его женой она и вовсе сдружилась, и Валентина научила Эльзу говорить по-русски. Потом вернулся муж Эльзы, худой, но здоровый. В 1946 году Эльза получила орден Трудовой Славы за большой вклад в победу над Германией. Сначала умер Василий, верно говорят, что инвалиды долго не живут, а скоро на погост ушёл и муж Эльзы — шахты здоровья не добавляют. Выросли её дети и уехали жить в Германию со своими русскими жёнами, а она ехать отказалась.

— Куда я поеду? — говорила Эльза. — Я в России родилась, здесь мой муж похоронен, здесь мои под-

ружки: кто на кладбище, а кто ещё и жив, как я без них?

Эльза часто вспоминала про Арефу, расспрашивала о нём, а однажды она пыталась найти его дом в лесу, но не нашла. Эльза слышала всякие истории про Арефу, больше говорили, что он колдун, но она не верила этим рассказам.

— Он другой, — говорила она и рассказывала, как он и Белый волк спасли её и детей, но ей не верили.

Кстати, старший сын Эльзы помнит и деда Арефу и Белого волка, но больше всего — огонь в очаге и кашу. Каша была очень вкусной.

За моим окном февраль — лютый и ветреный. Позёмка крутит снежные воронки, которые наперегонки бегут по обкатанным сугробам и валунам, но много солнца, очень много ослепительного солнца. Лютень на дворе, отчего он мне напоминает жизнь — замороженную горем, страданием и слезами, освящённую смелостью, добротой и любовью? Лютень — это тяжесть холодных бед и чудо яркого солнца! Это терпеливое ожидание весны и лета, с которыми приходит тепло и сытость и которые скоро опять укатает в ледяные сугробы постылая зима!

Да, такова жизнь, в которой радость обретения сменяется печалью потери, а подвиг рождается из беды. Такова жизнь, в которой важно захотеть и свершить чудо, которое запишет Арефа в своей Книге памяти в назидание и утешение нам и нашим потомкам.

Историческая справка

1. Как выяснилось, немцы, переселившиеся на плодородные земли Поволжья при Екатерине II, с 1760 года не ассимилировались, а продолжали жить относительно изолированно от русского мира. Многие немцы на момент начала войны не знали русского языка.

2. Очевидно, что тема поволжских немцев изучалась, обсуждалась и продумывалась на самом высоком государственном уровне, и решение о переселении немцев — это реальная необходимость. И об этом свидетельствует очень серьёзный документ. Указ правительства о переселении немцев лучше привести полностью:

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

УКАЗ

от 28 августа 1941 года

*О переселении немцев, проживающих
в районах Поволжья*

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населённых немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал — следовательно, немец-

кое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами, в Республике немцев Поволжья или прилегающих районах и случится кровопролитие, Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьёзных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить всё немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землёй и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены избыточные пахотной землёй районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Оборона предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землёй и угодьями в новых районах.

*Председатель Президиума Верховного
Совета СССР*

М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ГОРКИН

Москва, Кремль

28 августа 1941 г.

Приведённый документ особых комментариев не требует, потому что достаточно подробно объясняет причины и условия переселения.

3. Важно знать значения слов, широко употребляемых относительно поволжских немцев.

а) В документе говорится о переселении. Переселение — это изменение места жительства людей (добровольное или принудительное).

б) Часто употребляется слово «депортация». Депортация (от лат. *deportatio* — изгнание, высылка) или выдворение — это принудительная высылка лица или целой категории лиц в другое государство или другую местность, обычно — под конвоем.

в) В последние годы относительно немцев употребляют слово «репрессия». Репрессия — это карательная мера, наказание, обычно применяемые государством.

Ознакомившись со значением этих слов, приходим к выводу, что поволжские немцы не были репрессированы, потому что это была не карательная операция — они были переселены или депортированы.

Будьте бдительны, в словах может скрываться много неправды.

4. Организацию переселения осуществляли отряды НКВД. Мужчин-немцев, тех, кто принимал участие в организации заговора, осудили и расстреляли. В эшелоны, в которых только что отвезли солдат на фронт, грузились немецкие семьи с небольшим количеством вещей и запасом пищи. Трое суток в дороге, с короткими остановками на перегонах. На крупных

станциях для депортированных немцев пытались организовать горячее питание, по вагонам разносили в вёдрах суп или кашу. Слабые умирали, беременные рожали тут же в вагонах.

От железнодорожной станции кому-то предстояло ехать ещё на пароходах вверх и вниз по течению Оби. От пристани и станций по деревням немцев разводили спецпредставители от деревень, они довозили переселенцев до места. Расселяли в свободные дома, на квартиры к малосемейным, а кому-то пришлось копать землянки. Работающие немцы наравне с местным населением получали по 600 граммов хлеба в день, иждивенцы — 400 граммов в день.

В то же время необходимо заметить, что некоторые эшелоны останавливались, немцы выгружались, и их отправляли на уборку урожая. По воспоминаниям очевидцев, так было в Колывани. В сентябре привезли немцев, те отработали на уборке урожая, а после председатель колхоза в Малом Оёше выдал дополнительно каждой семье мешочки с крупами. Вот почему в некоторых воспоминаниях немцев иногда встречаются слова о том, что до места назначения добирались больше месяца.

Трудармия — не было такого понятия, был трудовой набор, призыв на эвакуированные заводы. Более 90 процентов призывников были из русских девушек, несовершеннолетних юношей и мужчин непризывного возраста, тех, кому за 50 лет. Немцы из-за утери доверия не призывались в действующую Красную армию, а призывались к станкам. Оплата и условия жизни как и у кадровых рабочих.

5. В воспоминаниях тружеников тыла, детей войны и поволжских немцев часто упоминается такой факт, что весной ходили по полям и собирали прошлогоднюю мёрзлую картошку, потом из неё делали «драники», или «тошнотики». Да, картошки на полях в зиму осталось много, потому что при посадке рассчитывали, что её будут убирать вместе с мужчинами.

6. США. У американцев антияпонские настроения сложились задолго до 1941 года. Поэтому после объявления Японией войны 7 декабря 1941 года японцы, а вкупе с ними и немцы, и итальянцы были объявлены в Соединённых Штатах «враждебными иностранцами» по этническому принципу (имеющееся гражданство не учитывалось). Президент Франклин Рузвельт 19 февраля 1942 года подписал Чрезвычайный указ № 9066, который разрешал перемещать вышеуказанных граждан в «зоны выселения». Большинство так называемых «спецлагерей» построили на землях индейских резерваций. Очевидно, что американцы не изобретали ничего нового, а шли давно и надёжно протоптанной тропой искоренения индейцев континента. В итоге насильственному переселению в «спецлагеря» подверглось более 120 тысяч человек. Их имущество было изъято. Интернированных разместили в «бараках простой конструкции, покрытых только, без канализации и кухонь». Лагеря окружили, по всем законам военного времени, колючей проволокой и вышками с вооружённой охраной. Выход за пределы лагеря был запрещён.

В 1944 году Верховный суд США подтвердил конституционность интернирования, аргументировав это тем, что ограничение гражданских прав расовой группы допустимо, если того «требует общественная необходимость».

Великобритания. К началу войны на туманном Альбионе находилось около 80 тысяч немцев и австрийцев. Подавляющее большинство их было арестовано и перемещено в концентрационные лагеря. Чуть позже то же самое произошло с 19 тысячами итальянцев, проживавших в Британии. Большинство лагерей находилось на острове Мэн.

Германия. О жёстких мерах, предпринятых немецким правительством сразу же после прихода к власти нацистов в 1933 году, в первую очередь к инакомыслящим немцам, а потом евреям и другим нациям, нет смысла рассказывать, таковых просто убивали.

Грыжа

Митька пас гусей на пруду, который сделали первые комсомольцы ещё двадцать лет назад, сразу же после революции. Перегородили игривый ручеёк на дне лога, и получился очень красивый пруд, считай, посередь села Болотнинского. Берега заполненного водой лога образовали почко-овальный круг, который местные жители незатейливо и скоро прозвали некрасиво, но доходчиво — Лоханкой.

Чистый и уютный берег стал излюбленным местом отдыха жителей, которым было лень идти на другой берег большого пруда — Водокачки с красивым сосновым бором на берегу. Карасики в Лоханке появились не сразу, поговаривают, что мужики наловили несколько вёдер рыбы на речке Болотной и пустили в пруд. Возможно, и так, потому что наши люди, они особые, то красоту загадят, то мёртвое оживят.

Уже осень, но тепло, гуси щиплют травку, гагачут иногда друг на дружку, но вожака слушаются. Не клюёт у Митьки рыба. Сегодня не клюёт, хотя сухо, солнечно и нет ветра. А когда солнце высоко, то уже и не клюнет.

По дамбе в дальнюю сторону идёт старик, весь белый, бородатый и с палкой. «Хорошо старикам, — думает Митька, — им работать не надо, сиди себе на

печи и на баб ворчи. Или ещё лучше: сына поучай или внучков. А ему и молочка, и хлебушка, и уважение, и никто не отругает, по шее не даст, за дровами или водой не пошлёт, сиди себе на печи, коль мороз, или на завалинке, если вёдро и не дует, а то пошёл гулять, вон как тот белый старик, иди себе и клюшку свою переставляй, а тебе все встречные да поперечные в пояс кланяются».

— Эх! Хорошо старикам! — вздохнул Митька, отвалился на спину и, уставившись в голубое и прозрачное небо, заключил: — Вот состарюсь и тоже заживу около своих удовольствий!

— Митя! Вставай, в школу пора! — мать положила на берег свёрток: — Переодевайся и пошли с учительницей знакомиться.

— Так я же грязный! — удивился Митька.

— Вода рядом, умывайся и пошли, да не тяни, меня только на час с работы отпустили.

— А гуси?

— Не убегут твои гуси, не воров бояться надо, а твоих гусей.

Но и действительно, гуси у Митьки были даже сердитые.

«Вот с мамкой всегда так, — думал Митька, черпал ладошкой воду и отмывал грязные ноги, — всё быстрее и быстрее. А старик вот шёл-шёл и присел на бережок, он сидит себе отдыхает и над нами смеётся».

— А книжку мою взяла? — пробурчал недовольный Митька.

— Зачем она тебе в школе? Дома пусть лежит, нечего ей в школе делать.

Отец давно купил эту книгу для Митьки, который ещё не умел читать, но слушал её, затаив дыхание, и мечтал научиться читать, чтобы уж не упрашивать никого. Отец ещё говорил, что написал эту книжку не Ершов, а Пушкин.

— С чего это? — удивилась мама. — Вот здесь написано: Пётр Павлович Ершов.

— А «Записки Белкина» написал Иван Петрович Белкин, а все знают, что Пушкин, а «Конёк-Горбунюк» — тоже Пушкин, только мало кто знает об этом.

Отец Мити работал учителем литературы в большой школе, его все знали, уважали и ему пророчили большое будущее.

— Понимаешь, Настенька, — улыбался отец и обнимал жену, — Пушкин написал так много талантливого и гениального, что ему стало стыдно за себя, и он начал придумывать себе псевдонимы.

Школа находилась тут же, около Лоханки, в двухэтажном бревенчатом доме, говорили, что раньше в нём был ресторан «Ялта». Учительница Митьке понравилась — красивая, а пацаны — все знакомые или почти все. А девчонки так себе, выбражулистые, но в белых фартуках и бантиках, у одних в косу вплетены, а у других, особо вредных, ещё и на голове бант. Смотришь на них, вроде бы, ничё, а приглядишься — дуры дурами.

Выдали букварь и тетрадку для чистописания. Мама сшила холщовую сумку, а папа подарил деревянный пенал с ручкой, карандашом, перьями и ластиком. А чернильницу нужно было носить отдельно, в специальном мешочке, в непроливашке, но чернила всё равно проливались. И началась учёба. В классе

было светло, его заливало солнце, всё утро лило, а потом перемена, на перемене главное не убиться, или чтоб тебя с ног не спибли. Перемены Митьке тоже понравились. Опять-таки дома к Митьке теперь относились с особым уважением, в его комнате появился особый стол для занятий и стул тоже для занятий. А утром требовали зубы чистить и руки мыть, только и слышно было: «Ты руки помыл?» Родители и раньше требовали чистоты, но стоило пойти в школу, эти требования приобрели скандальную форму.

Как пролетел первый год учёбы, Митька не заметил, так много у него было забот, а тут уже и лето. Но читать Митька научился, правда, по слогам ещё, но некоторые слова читал уже быстро. Каникулы — это хорошо, но Митьке и в школе было недурно.

Однажды утром Митька застал маму плачущей. Отец тут же был, но почему-то не утешал маму.

— Ну ты чё, мам, — подошёл Митька к матери, — не плачь.

— Это не слёзы, сынок, это горе потекло. Война началась с немцами. Фашисты на нас напали, наш папка на войну собрался.

У отца была бронь, можно было не ходить на войну, но он сказал:

— Какой же я коммунист, если за спины товарищей прятаться буду?

Уже на следующий день отец обнял Митьку:

— За мужика оставляю, за хозяина. Главное, маму береги, — постоял немного и говорит: — Сынок, а можно я твою книжку с собой возьму?

— Конечно, можно, — обрадовался Митька и принёс отцу свою книжку.

Так и ушёл отец на войну вместе с «Коньком-Горбунком».

И всё сразу изменилось, люди стали ходить быстрее и сосредоточеннее, смех исчез, музыка в парке клуба «КОР» уже не играла, а на станции всё так же раздавались паровозные гудки, но они стали тревожными и злыми.

В новую осень Митька пошёл во второй класс. Учебников не хватало, один на троих, а бумага вообще исчезла, писать начали на полях газет. В конце сентября к ним в дом зашёл дядя Фёдор — отцов друг. Он на войну не пошёл, потому что у него прессом отрезало пальцы на правой руке, остался только большой палец и половина указательного, вот ими он и держал ручку, и всё держал. Он работал почтальоном.

— Здравствуй, Настенька, что Саня пишет, как воюет? — ещё с порога спросил дядя Фёдор и снял шапку.

— Заходи, Федя, присаживайся, — Настя подвинула к столу тяжёлый табурет. — Если верить его письмам, то он в санатории, а не на войне. Форма удобная, тёплая, кормят «как на убой», — Настя вздохнула и присела за стол напротив дяди Фёдора. — Нет смысла пересказывать Сашкины сказки, сам его знаешь.

— Я, Настенька, к тебе по делу, я же в жилищной комиссии состою. Так вот, тут прибыли эвакуированные из Ленинграда, размещаем на уплотнение. У вас горница и две комнаты, вот, Митькину комнату придётся отдать на время. Я подобрал тебе семью — мать с сыном, видно, что спокойные. А Митька в горнице поживёт, на печке поспит, а уроки за кухонным сто-

лом делать будет. А как война кончится, они обратно к себе уедут, и всё нормализуется.

— Что ж, Фёдор, надо, значит, надо, не от радости же они в Сибирь поехали. Привози, приму.

— Да здесь они уже, на улице ждут.

— Так чего же ты людей у дверей держишь?

Пусть заходят.

В дом сначала вошла женщина лет шестидесяти, грузная, с двумя чемоданами, а следом мужчина-парень лет тридцати пяти, тоже крупный, с мясистым лицом, на плече у него был тюк, а в свободной руке ещё один чемодан, большой, фанерный, перетянутый бечевой. И в горнице, кажется, сразу не стало места.

— Здравствуйте, — поздоровалась женщина, — меня Фридой зовут, можно просто тётя Фрида, а это мой сын, Михаил.

— Здравствуйте, — ответила Настя. — А вы со своей периной приехали? — удивилась она, глядя на тюк.

— Нет, милочка, это наша кормилица, это швейная машинка, — и тётя Фрида скомандовала: — Ставь в этот угол.

— Митя, иди на печь, не толкись, — подтолкнула Настя любопытствующего сына. — Вот ваша комната, но мне прежде надо вещи Митькины забрать, мы не знали, не готовились.

— А ничё, милочка, мы тут посидим, — и тётя Фрида уселась на скамейку за кухонный стол. — Да поставь же машинку в угол, — гаркнула она на сына.

— Ну, я пойду, — застеснялся дядя Фёдор, — пора мне. Там целый состав эвакуированных, размещать надо.

И он ушёл.

Вечером мать пригласила гостей на чай, те вышли из комнаты и расселись за кухонным столом. Настя расставила чашки, морковную заварку.

— Горе-то какое, я слышала, Ленинград в блокаде, теперь никто выехать оттуда не может. Вот хорошо вы успели.

— Успели?! Нас так бомбили, что ой да ну! Ты знаешь, милочка, что это такое, когда рядом снаряды взрываются?

— Да нет, конечно, откуда нам здесь знать, — растерялась напору Настя, — у нас голодно, а так тихо.

— То-то! Мишку моего чуть из поезда в ополчение не вытащили, а у него грыжа! Понимаете, грыжа! — И тётя Фрида почему-то посмотрела на Митьку, будто это именно он сомневается, что у Мишки грыжа.

— Грыжа, — повторила Настя и указала в угол горницы на ножную швейную машинку, которая была уже развёрнута и отсвечивала тёмно-коричневым загаром металлической подставки, — а зачем же он такие тяжести носит?

— Жрать захочешь — понесёшь, — с ухмылкой заметил Мишка.

— У нас на швейной фабрике как раз людей не хватает, выдают по шестьсот граммов хлеба на работающего специалиста, а премии деньгами.

— Милочка, о чём ты? Разве я его прокормлю этакой пайкой? — тётя Фрида и Мишка засмеялись. — Мы как-нибудь без фабрики проживём. Работать мы умеем. А что-то прохладно в доме, подтопи, милочка, не морозь людей.

Скоро всех учеников Митькиной школы разбросали по разным школам Болотного, а в их здании разместился детский интернат эвакуированных детей из Ленинграда, совсем мелюзга. А в железнодорожной школе разместился эвакуогоспиталь, и в классах стало ещё теснее, сидели по трое на парту. К учебным и привычным заботам прибавились новые — все мальчики обязаны были ежедневно во дворе школы после занятий колоть дрова: первоклашки — одну вязанку, второклашки — две, третьеклашки — три, и так до десятого класса. Митька мог колоть сколько угодно, он раскалывал любые чурки, даже витые у комля. Старшеклассники удивлялись его сноровке и силе удара. Так война окончательно обосновалась на нашей земле.

Болотнинский базар, который от дома находился совсем рядом, всегда отличался многолюдьем, изобилием и весельем. Но с началом войны веселья и изобилия поубавилось, а столпотворение людей стало ещё плотнее. Митька любил базар, он ему был родным, потому что сколько помнит себя, столько помнит базар с его шумным торгом, степенными разговорами, неожиданными встречами и жульничеством.

Именно на базаре он впервые увидел живого бурого медведя: два мужика держали медведя на цепях, и он выполнял их команды. Воришки шарили по карманам ротозеев именно около медведей. Мужики собирали плату за представление в плетённый из бересты туесок, потом шли в «Погребок» — это местное питейное заведение недалеко от базара, привязывали медведя к коновязи и шли пить «с устатку». А рядом с медведем сидел слепой гармонист, он сидел на ма-

ленькой самодельной скамеечке, в перчатках с голыми пальцами и самозабвенно играл, мужики выходили из «Погребка» и ссыпали в его чашечку монетки, а мальчишки воровали эти монетки. Гармонист не знал, что сидит рядом с медведем.

Болотнинский базар никто и никогда не называл рынком, хотя над входом какое-то время висела вывеска «Колхозный рынок», он всегда назывался базаром, люди так и говорили: «Я на базар», «Я с базара».

На базаре отдельный угол был отведён бондарям, умельцам по дереву, здесь возвышались друг на дружке и кадушки, и вёдра, и лохани, а главное, коромысла. Такое многообразие красоты расписных коромысел можно было увидеть только на болотнинском базаре. Отдельно стояли мясные лавки, а рядом на ящиках изобилие овощей: тут и огурчики, и помидорчики, и картошечка свежая, и редисочка, связанная пучками, и лучок, и кинза, и петрушка, и головки мака, шумящие зёрнышками, как детская погремушка, и чай приправные, и целый ряд разговорчивых бабок с лекарственными травами.

Молоко, сметана, сливки, творог, масло — отдельно, и торговцы были в белых фартуках и колпаках, так требовали нормы санитарных служб. С началом войны колбас и мяса поубавилось, они были, но очень дорого, и ассортимент по-военному скудный. За мёдом всегда очередь, и сейчас здесь столпились люди. Молодой мужчина и такая же бойкая хозяйка, оба крепкие, литые, розовощёкие, будто с одной грядки, наливают в подставленную посуду тягучий мёд.

— Аким, а ты чё не на войне? — кто-то дерзко и с вызовом спросил продавца мёда.

— А грыжа у меня, — нагло отвечает тот.

— Купил, грыжу-то?!

— А не твою ума дело! Иди и купи, если такой умный!

Уже через полгода на базаре появились инвалиды, они пришли или прикатили себя на тележках с разными поделками и игрушками. Расположились особняком и выложили кто на ящичке, кто на тряпице, а кто и просто на земле свои поделки. А поделки были красоты необычайной, особенно у одного — с резными шкатулками, а другой делал сундуки, не так чтоб огромные, но поменьше. Игрушки для детей всякие: и птички, и уточки, и медведи, и лошадки, и дудочки, и прочие свистульки, — да чего только не было у местных умельцев! Митька ходил по этому ряду как по музею, но купить, конечно же, ничего не мог.

А чуть дальше, если смотреть от школы, то в дальнем углу продавали одежду: и летнюю, и зимнюю, и кофточки, и штанишки, и рубашечки, и платяцца — всё было, и сами шили, и от покойников оставалось. Не выбрасывать же. Покупали, а куда деться, голышом ходить не станешь. Вот в этих рядах и отиралась тётя Фрида, она сразу здесь стала своей, будто всю жизнь в Болотном жила.

— Новёхонькое, — показывала она свой товар покупателю, — сама шью, и сынок помогает. Ткань крепкая, нитки, попробуй, не порвать, сносу такой вещи не будет! — убеждала тётя Фрида.

Но и верно, что шили они очень качественную и красивую одежду, а потому к ним скоро потянулись и с заказами. В основном жёны начальствующих лиц, очень влиятельные. Они приходили в Митькин дом,

там Мишка угодничал, много улыбался, даже лебезил, снимал мерку с клиента и делал выкройки, а тётя Фрида шила. Но и Мишка иногда садился за швейную машинку и строчил не менее проворно, чем его мать. Работать они действительно умели.

Квартиранты питались в буфете железнодорожного вокзала, там всегда готовили очень вкусно, но дорого. В Болотном буфет на вокзале был вместо ресторана: столы со скатертью, салфетки на столе, и вилку с ножом на стол клали. А прочие люди всё ложкой уплетали, главное, было бы чё, и без ножа справлялись. В особо холодные дни квартиранты кушали у себя в комнате или выходили попить чай в горницу за кухонным столом. И тогда Митька сгребал свои тетрадки и забирался на печь, но на печи читать было невозможно, потому что темно. Электрическую лампочку можно было иметь в комнате одну и не более 60 ватт, если ревизоры энергосбыта узнают или увидят через окно большую лампочку, то тогда — крупные неприятности. И как-то Настя, в ответ на просьбу тётя Фриды вкрутить лампу посильнее, сказала, что если узнают, «тогда нам засветят так, что ослепнешь платить штраф».

Главной едой стала картошка, благо в этом году она уродилась, а ещё капуста и мамины солёные огурчики — целая кадушка. И, конечно, хлеб! Хлеб ржаной, но без всяких добавок, а в Новосибирске, говорят, в хлеб уже добавляют отруби. И всё равно, выходя из-за стола, Митьке хотелось есть, очень хотелось, до урчания в животе, до тошноты.

А в последнее время, когда Митька делал уроки, Мишка садился за кухонный стол и демонстративно доставал белый хлеб, сначала мазал его сливочным

маслом, а потом обильно поливал этот бутерброд мёдом, так поливал, что мёд тёк по его пухлым пальцам и капал на столешницу. Первый раз Митька стерпел, но чуть не захлебнулся слюной, а когда Мишка уселся жрать бутерброд в следующий раз, Митька встал и ушёл. С этих пор Митька стал ненавидеть Мишку.

В тот вечер Митька пошёл на станцию с маминым поручением, к скорому поезду, чтобы продать немного солёных огурцов, и по дороге потерял сознание. Его привёл домой старик в белой шубе и мохнатой волчьей шапке. Он завёл Митьку в дом, осмотрелся, посадил мальчишку за стол и спросил:

— Где мать?

— На фабрике, — ответила тётя Фрида.

— Ребёнка накормить надо, у него случился голодный обморок, чуть не замёрз малец.

— Так нечем, любезный, — удивилась тётя Фрида, — вот мать придёт, пусть и думает, а мы квартиранты, мы блокадники.

Старик распахнул шубу, под которой оказалась холщовая сумка, и достал из неё свёрток:

— Вот, сынок, съешь кусок хлеба и сальца, это мне зайчик подарил. Для тебя, мол, отнеси Митьке, а то ему кушать хочется.

Митька посмотрел на увесистый кусок сала и кусок хлеба и всё завернул обратно в бумагу.

— Ты что не ешь-то? — удивился старик. — Опять в обморок упадёшь, вон бледный какой.

— Мама скоро придёт с работы... Спасибо! Только денег у меня, дедушка, нет, я огурцы не продал, потерял, наверно, я огурцы, — и слёзы покатались по его щекам, но он не плакал, он просто был очень бла-

годарен этому незнакомому старику. — Спасибо вам, дедушка, вот мама придёт, и мы кушаем.

— А без мамы никак нельзя?

— Отец велел маму беречь.

— Это правильно, — дед надел свою мохнатую шапку и пошёл к выходу, потом остановился и обратился к выглянувшему из комнаты Мишке: — Ты его хотя бы сегодня не дразни. Трудно ему сегодня.

И вышел на улицу, только облако густого морозного воздуха осталось вместо него.

Так прожили вторую зиму. Митька учился только на пятёрки, потому что в классе так считалось: кто получил пятёрку — убил врага, кто четвёрку — смертельно ранил фашиста, кто тройку — только напугал фрица, а кто двойку — тот помог врагу.

Летом Митька тоже начал торговать на базаре — носил в большом ведре воду и продавал по три копейки за кружку, а иногда продавцы заказывали воду для своих нужд, потому что приезжали в субботу вечером и уезжали в воскресенье после обеда, а вода всегда нужна. И покупали ведро за пятьдесят копеек.

На базаре к Митьке всегда подходил один старик, седой и с белой бородой.

— А зачерпни-ка мне со дна, да погуще, — просил, усмехаясь в свои белые и пышные усы, дед.

Потом он пил воду, которая стекала по его бороде прозрачными и весёлыми каплями, и отдавал положенные три копейки. Митька смотрел на старика, и ему казалось, что он его уже видел, и, может быть, даже именно этот старик и поднял его той зимой из сугроба и привёл домой. Но уверенности не было, бородатых стариков было страсть как много.

Но вот беда, Митька вдруг заметил, что у него среди жёлтой меди одна светлая — двадцать копеек. Но за весь день ему двадцать копеек никто не давал. У Митьки появились подозрения. И когда в следующее воскресенье белый дед выпил кружку воды, Митька не стал сразу класть дедовы деньги в карман, а придержал в ладони, а когда разжал, то там оказалась двадцатикопеечная монетка. Как он проморгал и не отдал сдачу — удивился Митька. В следующее воскресенье старик опять подошёл пить, и Митька выпалил ему, что прошлый раз забыл сдать сдачу — семнадцать копеек!

Старик выпил воду и ответил, что кроме трёх копеек он ему ничего не отдавал, и вручил ему три копейки.

— Видишь, — показал дед монетку, — сколько я тебе отдаю?

— Три копейки, — подтвердил Митька.

— Вот и забери, — старик отдал и ушёл.

Но Митька тоже был не простака, он опять не положил эти три копейки в карман, а стал держать их в ладони, да так, что никакая сила не могла бы у него их отнять или подменить, но когда он разжал ладонь, то увидел ясную, как солнце, двадцатикопеечную монету.

Осенью Митькина торговля сошла на нет. В тот день он возвращался домой вдоль линии. На боковом пути стоял эшелон, несколько солдат гоняли футбол, вместо мяча они использовали консервную банку из-под тушёнки, которые недалеко громоздились аккуратной горкой, тут же кашеварили на костре в огромной кастрюле, кто-то просто сидел или лежал на

земле, наслаждаясь тёплой погодой. Митька подобрал банку и понюхал её утробу. Он даже остановился, потому что от аромата пряностей закружилась голова, и он побоялся опять брякнуться в обморок.

— Где батька твой?

Митька оглянулся и увидел солдата, сидящего в широко раскрытых дверях, тот свесил босые ноги из вагона и болтал ими как мальчишка. Из походного котелка солдат ел кашу.

— На фронте! — с гордостью ответил Митька.

— Голодно, поди? — солдат облизал ложку.

— Нормально, — ответил Митька. — Картоха есть, капуста есть — не помрём, — повторил он слова матери.

— Не помрёшь, но и не растолстеешь.

— Нет, — засмеялся Митька, — не растолстеешь.

— Давай банку сюда, — распорядился солдат.

Митька отдал банку из-под тушёнки, солдат осмотрел её, выкинул, поискал что-то в мешке и подал Митьке непечатую банку тушёнки.

— Матери снеси, она приготовит.

Митька мчался домой изо всех сил, он даже не помнил, сказал спасибо тому солдату или нет, а потом он долго и с нетерпением ждал мать с работы. Мать в этот же вечер приготовила картошку с тушёнкой.

— Да никак ви разбогатели, — ехидно заметил из-за дверей комнаты Мишка. — Запашок как из сортира.

Не сговариваясь, Настя и Митька упали со смеху, они так заразительно смеялись, что Мишка не выдержал и спросил, всё так же из-за закрытых дверей:

— И шо я сказал смешного?

Этот вопрос только подлил масла в огонь. Когда всё-таки успокоились и поели, мать сказала:

— Ну вот, и поели, и будто в комедию сходили.

А тушёнки хватило на целую неделю, мать экономно сдабривала ею жидко варенную картошку. А тут ещё стало приходиться отцовское жалование — шестьсот рублей! И Настя с гордостью узнала, что её муж стал офицером.

И зажили легче, время потекло быстрее и даже веселее, появилась надежда на скорую победу, ну, во-первых, наши навалили немцам под Москвой, а тут ещё и под Сталинградом! И покатился фронт на запад. И все поняли, что скоро победа.

То было в воскресенье утром, тётя Фрида и Мишка пили чай за кухонным столом, прежде чем идти на рынок. Мишка уже сожрал второй бутерброд с маслом и мёдом, Митьке с печи всё хорошо было видно, как ненавистный Мишка прихлебывал сладкую вкуснятину чаем.

— Не чавкай! — привычно ругала его тётя Фрида, потом выглянула в окно: — Милочка, там, кажись, хахаль твой пришёл, да что-то заходить не торопится. Вторую цыгарку уже прикурил, а может, ждёт, покуда мы с Мишкой уйдём. А? Хозяйка, ты где там?!

Из комнаты вышла Настя и выглянула в окно. Дядя Фёдор стоял около изгороди, курил и утирал рукавом глаза, в руке он держал конверт.

— Нет! Нет!!! — закричала Настя и упала без сознания.

Митькин отец погиб на Курской дуге, в звании капитана, а потому Митька получал жалование отца до совершеннолетия.

Три года войны наполнили улицы инвалидами. Никогда Болотная не имела столько художников и мастеров, грубые мужики вдруг раскрыли в себе удивительные таланты. Они вязали тончайшей красоты пуховые шали, рукавички и свитера, делали деревянные игрушки, посуду и прочую кухонную утварь, более похожую на выставочные экземпляры, чем на предметы повседневного быта. Мужики запели голосами удивительными, заиграли на инструментах. Собственно, во время войны все пели, даже девчонки в школе, садились во время перемены на подоконники и пели, да так слаженно, что даже хулиганы и забияки, и самые бестолковые пацаны им не мешали петь.

Цоканье костылей, посвистывание подшипников инвалидных тележек, натруженный скрип кожаных протезов — стали привычными звуками на улицах города. Людей перестали пугать пустые рукава, пришитые к карманам пиджаков, безногие колясочники, они сидели на тележках с маленькими колёсиками, а в руках у них были деревянные кулаки, которыми они опирались о землю и толкали себя вперёд, а на лестницах с невероятной ловкостью и силой перемещали своё тело вверх. Митька запомнил одного, который поднимался по лестнице, он шёл на руках, неся своё тело без ног на весу. Он шёл боком, сначала одну руку ставил на верхнюю ступеньку, потом другую, а люди расступались, пропуская его вверх. Иногда он появлялся на базаре с гармошкой и пел жалостливые песни:

Дорогая жена, я калека,
У меня нету правой ноги,
Нет и рук, они честно служили
Для защиты родной стороны.

На обрубках его ног лежала серая в крапинку кепка, в которую сердобольные люди кидали мелочь. Он рвал меха и чуть ли не орал:

От жены я письмо получаю,
С ней я прожил всего восемь лет.
Она только в письме написала,
Что не нужен, калека, ты мне...

А однажды, перед первым сентября, Митька пошёл с дядей Фёдором в железнодорожную баню. Когда они зашли в моечную, то увидели просторный зал с двумя рядами бетонных скамеек и по периметру такие же толстенные бетонные плиты, каждая скамья делилась неглубоким желобком на два места. Банная шайка громыкала колокольню, а по залу гоняло из угла в угол нескончаемое эхо из отрывков фраз и прочих звуков. На скамьях сидели мужики, и среди них было неожиданно много людей в шрамах. Выцветшие швы и ещё свежие синие, неровной резьбой впивались в руки, ноги, грудь. У инвалидов без рук и без ног швы неровно стягивали кожу на торцах култышек.

Митька смотрел во все глаза, пока дядя Фёдор не подтолкнул его и не заставил мыться, но Митька всё равно через мыло в глазах смотрел на изуродованных людей, и любопытство перебивало страх и брезгливую оторопь. Вот только когда Митька понял, что такое война.

Когда Митька прибежал домой и хотел рассказать матери об инвалидах, из маминой комнаты вывалился растрёпанный Мишка, а за ним вылетел круг колбасы.

Митька выскочил из дома, пробежал двор, выдернул из колоды топор.

— Дмитрий! — позвал кто-то. — Не найдётся ли водички испить?

У калитки стоял тот старик, который платил за воду двадцать копеек. Дед был древний и совершенно белый, его украшала лохматая шевелюра седых волос, а на груди лежала такая же белая борода, а в руках посох, с крючком на конце.

— Что, дедушка? — ещё не мог прийти в себя от клокочущей ненависти Митька.

— Водички испить, в горле пересохло!

Вода стояла в сенках, ещё утром Митька принёс два ведра и наполнил бачок. Митька зачерпнул ковшиком воды и осторожно, чтобы не плескаться, понёс на улицу. Дед уже сидел на крыльце, положив посох около себя.

— Спасибо, сынок, огромное спасибо.

Дед принял ковшик, но не торопился пить.

— Ты знаешь, сынок, что люди бывают разными? Вот ты — человек светлый, а тот, что в доме, он боится света. Ты живёшь, а он жуёт. Ты тоже можешь жевать, но его сердце не может светить, как светит твоё ясное и очень доброе сердце. Его жалеть не надо, но и убивать тоже не стоит.

Митька вздрогнул всем телом. И со страхом посмотрел на старика, а тот продолжал говорить, держа ковшик с водой в руке:

— Потому что, убив, ты станешь как он, — старик задумался, но скоро продолжил: — Человек всякий раз умирает, совершая плохие поступки, но всякий же раз находит в себе силы вернуться к жизни. А убив

человека, ты умрёшь вместе с ним. И самое страшное, что умрёшь навсегда. Ты понимаешь, сынок, о чём я? А теперь подумай, стоит ли он великой жизни светлого, солнечного человека!

Дед Арефа протянул Митьке ковшик с водой:

— Испей водицы, остуди сердце и наполни его любовью, не к нему, но к близким своим, кому дорога твоя любовь, к тем, кто ждёт твоей любви. Люби тех, кому нужна твоя любовь, а прочих обходи стороной.

Митька поднёс к губам алюминиевый, мятый, весь в ссадинах, как его коленки, ковшик и начал пить прохладную, родниковую воду.

А утром в дровянике под навесом, когда Митька складывал дрова на руку, чтобы протопить остывшую за ночь хату, скрипнула калитка, и во двор вошёл дядя Фёдор.

— О, Митька, уже хозяйствуешь! — похвалил дядя Фёдор.

— Мать попросила печь затопить, ночь прохладная была, — по-хозяйски ответил Митька.

— А давай помогу, — дядя Фёдор ухватил всю громоздкую связку и скомандовал: — Марш двери открывать!

Митька кинулся быстрее ветра, распахнул сенца, потом громоздкую дверь в дом. Дядя Фёдор, видимо, со света не заметил порожка и со всею поленницей рухнул на тётю Фриду, сметая и её, и швейную машинку.

Митька прикрыл двери и осмотрел горницу: Мишка сидел за столом с толстым бутербродом, с которого стекал на столешницу мед, тётя Фрида лежала у стены, а швейная машинка с треснутым основанием и отломанной ручкой валялась посреди горницы.

— Убил, — произнесла тётя Фрида, — как есть убил!

Дядя Фёдор лежал тут же на животе и зачем-то пытался надеть зимнюю шапку, потом откинул её в сердцах прочь и закричал:

— Я же тебе, старая бестия, уже говорил, чтобы ты свой швейный цех в комнату убрала!

— Я на чём теперь работать буду? — завизжала тётя Фрида.

Из комнаты вышла Настя и почему-то очень спокойно ответила:

— Фрида Борисовна, это не беда, у нас на швейной фабрике машинок много, а хороших швей не хватает, найдётся и вам, и Михаилу рабочее место. Да с вами и вашим опытом мы по два плана делать будем!

Митька вышел на улицу, чтобы никто не заметил его счастливых глаз, и вдруг увидел удаляющуюся фигуру старика с посохом в руке.

— Дед, постой, не уходи, — прошептал Митька и услышал в ответ:

— Я здесь, сынок, я рядом.

Война

1.

В первые дни войны Чечин Павел Ильич и ещё несколько молодых мужиков ушли в Каменку, чтобы на пароме переправиться в Ордынск, а там в военкомат и на фронт. Пока шли по высокому берегу Оби, среди вековых сосен, бодрили себя размашистыми разговорами, как за пару месяцев накостыляют фашистам и вернуться в родное Абрашино героями.

— Я на Машеньке женюсь, — неожиданно заявил Павел и тут же предупредил: — И чтоб к девке никто не рыпался, моя будет!

— Так ей пятнадцать, ещё соплюха! — возразил кто-то из товарищей.

— Это не беда, подрастёт. Пока воюем, пусть растёт. Мне бы живым вернуться, а там и подождать можно.

Не верили мужики, что война долгая будет, но верили, что «Красная армия всех сильнее».

Толпа у военкомата собралась немислимая, как на первомайскую демонстрацию, не пробиться.

— Мы добровольцы! — напористо заявил Чечин и попытался протиснуться в военкомат сквозь толпу, но люди не расступились.

— Тут все добровольцы и не за колбасой пришли!

Короче, только к вечеру получили направление в Бердск на учебный полигон Красный Сокол. А там окопы, блиндажи, стрельбище, полевая кухня и отдых под качающимися, как опахала, соснами. Недалеко Бердь, чуть далее полноводная Обь, воды которой недавно протекли мимо родного абрашинского берега. А на родном берегу по вечерам после трудов, управившись с домашней скотиной, усаживались односельчане поговорить, потолковать, подумать вместе, ребятня тут же купалась на отмели — все эти картины и воспоминания грели и обжигали тоскою беспокойное сердце Павла Чечина.

Два месяца учёбы — и на фронт.

В деревню Павел вернулся в конце сорок третьего. Все его товарищи односельчане к тому сроку уже погибли, а его списали после контузии и по ранению в шею. На заживке образовался нарост, шею заклинило, как башню на танке. Оттого приходилось поворачиваться всем телом, которое сильно болело, особенно перед дождём да в любое ненастье, и в первые годы тыловой жизни то тут, то там из-под кожи вылуплялись мелкие, как червячки, осколки.

В тот же год Чечин организовал, как он сам говорил, «всеобуч». По вечерам на берегу собиралась молодёжь, и он проводил занятия: бегали по сосновому бору в полном обмундировании, то есть с колодой в руках, потом кидали гранаты, благо голышей на берегу Оби было немыслимо много, маршировали в ногу по Абрашино и, главное, обучались ближнему бою с применением винтовки. Винтовок, правда, не было, но были сосновые колья, которыми мальчишки умело повергали «противника» наземь и кололи штыком.

Девчонки тут же, на берегу, восхищались героями и учились перевязывать и накладывать шины. Баловства и шалопайства не было, после первых похоронок детскую дурь, будто пыль с дорог, сдуло навсегда.

Первые четыре класса дети учились в местной начальной школе, которая разместилась в доме бывшего лавочника по прозвищу Керосин. С пятого класса ходили в Хмелёвку, в тамошнюю семилетку. Добирались пешком пять километров, но после того, как волки загрызли молодую учительницу, которая бегала в Абрашино из Хмелёвки на подработку, колхоз выделил лошадь с саними и конюха с ружьём. Жаль учительницу, совсем молодая, только из города приехала, никто толком даже имени не успел запомнить. Одни валенки нашли — всю бедную звери растащили, даже косточек не оставили. Так всё и забылось, не хоронить же валенки.

Скоро Чечина назначили управляющим артелью на добычу рыбы. На ту пору в Оби рыбы было немерено. Две четырёхвёсельные лодки у причала, тут же на берегу склад с инвентарём, неводами и осиновыми бочками, в которых солилась выловленная рыба. Заготовка шла от ледохода до ледостава, в бригаде у дяди Павлика — так скоро прозвала ребятня Чечина, а взрослые подхватили такое обращение, хотя Чечину было всего двадцать с хвостиком. В артели работали молодые и самые крепкие сельские женщины да бондарь, которого прислали с ордынского рыбзавода, чтобы он бочки лепил. За то прозвали его Бочаром. Вроде мужик, но никакой, будто без характера, водоросль какая-то, но скупенький, ничего не просил и ничего никому не давал. Бочар и Бочар, а как имя

человека, никто не запомнил. Девки и молодые вдовы давно положили глаз на холостого Чечина, но тот, как и было им задумано, пришёл свататься к уже совершеннолетней Марье Петровне. Свадьбы не было, какая свадьба, когда считай вся деревня вдовая, в горе и слезах.

В ноябре сорок четвёртого пришёл почтальон с повестками на молодых парней на фронт. Вою было на всю деревню, потому как уходили на фронт последние, оставались в деревне на тот день одни старики и совсем мелюзга. Собрались ехать, а на утро шуга* пошла, и не просто каша ледяная, а со льдами, как в половодье.

Чечин заартачился и лодку не дал, чтобы новобранцев через Обь переправить.

— Шуга! Не пройти! И как я потом возвращусь по такой каше? Надо ждать, когда Обь встанет!

— Тогда паромом пойдём, — заявляют новобранцы.

Но паром тоже уже стоял на приколе до весны, нет никакой возможности на левый берег перебраться, где военкомат и дорога. А в Чечина будто бес вселился.

— Через месяц пойдёте, — убеждал он. — Лёд встанет, и пойдёте!

А сам думает, как молодёжь сохранить, совсем никого не осталось живых, от кого девкам потом рожать, сами они, без мужиков, рожать не обучены.

Образовалось нешуточное противостояние.

— Ты, дядя Павлик, нас военному делу обучал, а теперь на фронт не пускаешь?!

* *Шуга* — мелкий рыхлый лёд, появляющийся перед ледоставом или идущий весной во время ледохода.

Кутерьма затеялась, а тут ещё и пурга снежная на сторону дяди Павлика. Он совсем осмелел и чуть не кричит:

— Не дам казённый инвентарь губить. Если себя не жалеете, так хотя бы казённое добро пожалейте!

В итоге столкнули лодку, захватили баб покрепче, чтоб гребли в обратку, сам дядя Павлик на руль сел, да вдруг выяснилось, что Сашки Гвоздина, сына объездчика, нету, а у того повестка! Побежали к Гвоздиным, а тех дома нету! Что делать?

А тут Мишка Ламин выступает и говорит:

— Я поеду, коль место есть. Льдины багром толкать буду.

Уступил новобранцам дядя Павлик, перевёз их на левый берег. Обнялись, бабы поплакали — всё как полагается, и в обратный путь, пока не стемнелось. Хвать, а Мишки Ламина нету.

— Сбёг на войну, — понял Чечин, потому как никто другой так на занятиях «всеобуча» не старался. И сказал дядя Павлик бабам:

— На фронт Мишка сбёг, хотя ему только в декабре семнадцать стукнет.

— Вот и голубоглазенький! — всплеснула руками одна загребная баба. — В чём душа держится? Он же как тростиночка, подул сквозняк — и сдуло.

Но ждать не стали, ищи теперь ветра в поле. Если паренёк задумал, значит, сделал — все знали его настырный да упёртый характер. А голубоглазеньким его не только девки звали. Бабка его говорила, что глаза у него «простоквашные» — нежно-голубенькие, а мама поправляла: «Лазоревые глаза у сыночка моего».

Вернулись в Абрашино, а что матери Мишкиной говорить, никто не знает. Оттого пошли всей толпой:

мать Мишки Ламина — женщина хоть и добрая, но решительная, побить сгоряча может.

2.

Военком уже собирался домой, сторож привычно помог ему надеть шинель с пришитым к карману рукавом, потому как левой руки у майора не было, на войне сгнила. А тут пацанёнок к нему:

— Товарищ майор, разрешите обратиться!

— Чего тебе?

— Прошу меня записать на фронт!

А сам худенький, тоненький, росточком невелик и глазками голубенькими смотрит на майора.

— Сколь лет? — спрашивает майор.

— Семнадцать, — чуть приврал Мишка.

— Вот через год и призову, а пока иди домой.

— Так через год война закончится. Там мои товарищи, я как жить-то после войны должен буду? Все воевали, а я нет, что ли?

— Счастливо, сынок, и тебе дел хватит. Иди, а не то мамка уже беспокоится.

— Я из Абрашино, мне некуда идти, — как последний аргумент заявил Мишка.

— А, так ты тот, кто сегодня из Абрашина опоздал, как его... дезертир Гвоздин?

— Нет, я Ламин Михаил Петрович, я не опоздал, я уже здесь.

— Ну, тогда другое дело. Если ты уже здесь, так сделай так, чтоб тебя здесь уже не было. Всё, малый, иди домой, не дури мне голову. Разговор закончен.

И ушёл военком, а сторож дров принёс для печи и дверь изнутри на крючок запер.

Пурга принесла оттепель, ночью капель прямо-таки полилась с крыш, но сидеть на крыльце всё равно было холодно. Мишка терпел, он знал, что где-то там на фронте сейчас наши бойцы сидят в окопах и не скулят, а там ещё пули свистят и бомбы рвутся, а тут что, крылечко с наветренной стороны, и досточки плотно прибиты, есть где спрятаться, и под задницей не стылая земля.

Мишка даже задремал, но ноги все равно мёрзли — из-за того, что, пока в лодке стоял и льдины расталкивал, ботинки промокли. Потом опять дрёма сморила его, а проснулся оттого, что перед крыльцом старика увидел, в белом тулупе и чёрной мохнатой шапке. Тот постоял, подумал и, ступив на крыльцо, ударил в дверь.

— Чего надо? — отозвался сторож.

— Малец тут у тебя на крыльце замерзает, пусти отогреться.

— Не положено, это военкомат, секретный объект! А ему товарищ военком сказал домой идти. Вот и пусть идёт.

— Так некуда идти. Трифон, я тебя знаю, Клавдию твою лечил, помнишь? Арефа я, лекарь. Пусти мальчика, очень прошу, околеет он здесь, а я далеко живу, и не пойдёт он со мной. Пусти, спаси мальчишку.

— Сказал: не положено. Значит, не положено. Хотите меня под трибунал подвести? Нет уж!

— Трифон, пусти хотя бы на пару часов, он просушит ноги и опять его на крыльцо отправишь, а я тебе рублик дам, у меня рублик есть.

Стукнул о дверь сброшенный крючок, и дверь распахнулась.

— Рублик у тебя есть? Сукин ты сын, Арефа! Да никак ты меня рублём уговорить решил, паршивая твоя душа! Да разве я не человек, чтобы дитя не жалеть? Да разве ты не понимаешь, что военкомат — это объект военной важности? Иди ко мне, малец, а ты, Арефа, уйди, чтобы глаза мои тебя не видели.

— Прости, Трифон, — снял шапку Арефа и поклонился сторожу в пояс.

Мишка и вправду отогрелся за пару часов, подсушился и сам на крыльцо ушёл. Утром он первым встретил военкома и подступился:

— Товарищ майор, разрешите обратиться!

Майор посмотрел на Мишку, глянул на талое место на ступеньке крыльца, всё понял и молча вошёл в здание. Через час, когда Мишка уже по очереди оказался перед военкомом, его вывел из военкомата писарь и сказал, чтобы Мишка топал домой, если не хочет сегодня ночевать в милиции. Вечером, когда военком уходил домой, Мишка стоял около крыльца, но к майору не обратился. Сторожил другой мужик, который, увидев Мишку, гаркнул:

— А ну, вали отсюда! И чтоб мои глаза тебя не видели! — принёс вязанку дров и закрылся на крючок.

Но скоро пришёл Трифон.

— Пойдём к нам, бабка зовёт, — предложил старик, — у нас тепло.

Но Мишка отказался. Тогда Трифон протянул ему старый полушубок, продранный и полинялый:

— Накинь, теплее будет, а это драмики, бабка сварганила, поешь. Утром полушубок под крыльцом спрячь. — И ушёл.

В полушубке поверх своей одежды было совсем тепло, а тут прям не стылый ноябрь, а будто тёплый

апрель на дворе, и на крыльце сухо. Утром всё повторилось в точности прошлого дня. Вечером майор вышел, глянул на Мишку и прошёл мимо.

По Ордынке пошёл слух, что живёт на крыльце военкомата новобранец, которого военком в армию не берёт. И потянулся любопытный народ. Идут мимо, глянут и дальше идут, а кто-то и жильё предлагал, а другие и куском хлеба делились.

И настал день, когда военком не прошёл мимо, а остановился и глянул в Мишкины лазоревые глаза.

— Ты что, и правда на крыльце ночуешь?

Мишка молчал.

— Сдохнешь же!

— Никак нет, я деревенский, я выносливый. Вы не смотрите, что я худой, — я терпеливый.

Майор завёл Мишку в свой кабинет и выписал направление в лагерь военной подготовки в Бердск в школу пулемётчиков.

...Уже к весне, когда Гвоздину вручили вторую повестку, тот явился в военкомат. Военком долго смотрел на него.

— Михаил Ламин — твой земляк?

— Да, товарищ майор, мы из одной деревни!

— Да, из одной деревни, — повторил военком. — Деревня одна, а люди разные.

3.

Апрель в сорок пятом был по летнему тёплым и солнечным. Артель начала работать, как только берег освободился ото льда. Работали в две лодки, потому как бочек для засолки было в достатке. Улов случился отменный: щука, чебак, язь. Бабы ловко сортиро-

вали и солили прямо в бочках. Попадалась стерлядь и осётр, их солили отдельно, в специальных ящиках. А мелочь рыбью с разрешения Чечина разобрали деревенские, и в каждой избе в тот день варилась жирная уха.

Наутро в деревню прибыли два сотрудника НКВД и арестовали дядю Павлика, его посадили на телегу и увезли в Каменку на паром. Председатель колхоза на вопросы жителей пояснил, что гражданин Чечин Павел Ильич арестован за самоуправство и разбазаривание выловленной рыбы, то есть государственного имущества. Кроме Бочара в Ордынку вчера никто не уезжал, а потому народ не дурак, понял, что этот арест — дело Бочара, бочкаря с ордынского рыбзавода.

Депутацию из трёх человек от деревни возглавила Анна — самая упёртая и деловая женщина. Решили ехать в обком партии, потому что справедливость можно было найти только там. К первому секретарю обкома товарищу Кулагину депутацию не пустили, но героя и инвалида войны заведующего артелью товарища Чечина приказали освободить. Дядя Павлик вернулся через неделю, а на рыбзаводе бабы сказали, чтобы Бочар в деревне больше не появлялся, ненароком может произойти самосуд, а это нехорошо.

В тот же тёплый апрельский день, когда Чечин вернулся в деревню, на фронте как раз штурмовали Кёнигсберг. Враг отчаянно сопротивлялся, переходил в контратаку. Миша Ламин был уже ранен в ногу и спину. Если впереди его защищали бруствер и щиток пулемёта, то от взрывов снарядов ни сбоку, ни сзади уберечься нельзя. Он отбивал атаку за атакой, поливал из пулемёта расчётливо и точно. Медсестра

перевязала его и предлагала мобилизацию в лазарет, потому что перебита артерия в паху. Миша наотрез отказал. Она плакала и умоляла, но тщетно: его унесли с поля боя, когда тот потерял сознание. В госпитале его сразу отправили на операционный стол, потом повезли под Ригу, там медицина получше. Сердце с трудом собирало остатки крови, чтобы вытолкнуть по венам организма, но её осталось слишком мало, чтобы Миша смог выжить.

Похоронили Михаила Петровича Ламина в братской могиле деревни Ламбие Добельского района Литовской ССР, недалеко от госпиталя, без наград и особых почестей. Время такое было, не до почестей, добывали врага в самом Берлине.

Но вот наступила новая пора, израненная деревня училась жить мирной жизнью. Потом уже у дяди Павлика родилось пять детей, его жену красавицу Марию все только беременной и видели. Артель закрыли, когда дядя Павлик пошёл на пенсию.

В 1948 году вернулся Сашка Гвоздин, весёлый, стройный, красивый, с медалью «За победу над фашистской Японией». Но жители не приняли его, просто отворачивались, руки не подавали и даже не здоровались. Пришлось Гвоздину уезжать из Абрашино.

А Мишку Ламина помнили.

Потом уже в мирное время памятную стелу со списком погибших установили на той братской могиле... Чтили память, потом перестали чтить и ухаживать за могилами, потом оскверняли и сносили.

Но когда я вдруг встречаю голубые, простоквашные, лазоревые глаза, я понимаю, что жизнь продолжается, хотя война не закончилась.

Святые

1.

Наталья Борисовна Карнеева, учительница немецкого языка из вечерней школы, любила в свободные минуты бродить по Болотному. Для чужих в Болотном — болотная грязь, но она-то знала, что это не так. Улицы, конечно, томились грязью, особенно после дождя, но щебень с местного карьера шёл напрямиком на восстановление разрушенных войною городов.

Однако в Болотном было чудесное и очень красивое озеро посередь города, был сквер около клуба Октябрьской революции с натруженными лавочками, был и Центральный парк, заросший могучими тополями, акацией и бестолковым, но обильным клёном.

Нынешний декабрь выдался по весеннему тёплым и снежным, аллеи в парке сузились до тропинок на снегу, белые шапки снега кругом и всюду, будто весёлые снеговики специально накидали их на деревья, скамейки и даже на раковину сцены. Летом здесь играла музыка и танцевала молодёжь, в кустах акации целовались и пили спиртное, иногда дрались. Снег и сегодня падает тихо, волшебно, потому что ни ветерка, ни дуновения, а просто тихо, как в сказочном замкнутом мире снегопада.

Наталья Борисовна аккуратно смела снег со скамейки, со всей — для порядка, и уселась на самый

краешек, подумав, что теперь места всем хватит, хотя в парке много скамеек и нет людей. Она сбила снег, постучав нога об ногу, чтобы ботинки не намокли и чтобы ноги потом не мёрзли: у неё вечно мёрзнут ноги, как приехала из Саратова, — просто беда.

Время бежало стремительно, своё двадцатилетие Наташа отметила, когда ехала в Сибирь. Молодая! Сильная! Она устремилась в неведомую даль по комсомольскому призыву, сразу же после окончания высших учительских курсов. Она приехала строить новую жизнь, и здесь никого не смутило, что она из дворянской семьи, из знаменитого на Волге рода Карнеевых, для всех было важным, что в Болотное приехал специалист организовывать школы и ликбез.

Сначала её направили работать в красивое село Большереченское, где она учительствовала в местной школе, а вечерами собирались степенные мужики и говорливые женщины, и она учила их читать: «Мы не рабы, рабы не мы». Потом нагрузка увеличилась, надо было охватить соседние деревни и сёла, и по всей зиме ходила по деревням — Александровка, Верхотурово, Курдановка. Сильно мёрзли ноги! Зарплата у учителей махонькая, вот и бегала в той обуви, на какую денег хватало. Потом появилась Каролинка — ученица первого класса — главная героиня будущего романа «Школа», который Наталья Борисовна начала писать ещё как только приехала в Большеречку, роман о первых советских учителях-романтиках, об их самоотверженном труде, просветительской деятельности и колоссальной общественной работе по организации культурной жизни села. Потом она встретила мужа Мишу — высокого, красивого юношу. Уехала за му-

жем в Болотное в дом свекрови. Миша был поэтом, хорошим поэтом, и очень начитанным, таких больше, кажется, в мире не существовало. Но какая зарплата у поэта в редакции районной газеты, а потому ноги каждую зиму назойливо просили тёплой обуви.

Какое это было счастье — жить всей страной вместе! Полным ходом шло колхозное строительство, велась агитация среди единоличников, строились МТС, на полях грохотали трактора, и, кажется, в тон этой стремительной жизни весной пробуждалась природа необузданными потоками талой воды и буйным цветением ярко-зелёной листвы. Все устремились в счастливое будущее. Люди радовались победам на стройках Кузбасса, Донбасса, Днепрогэса, Новокузнецка, Новосибирска! Кругом шла стройка будущего счастья, похожая на битву великого труда. Миша сражался за счастливую жизнь в своей редакции, она — в школе и воспитывая собственных двух сыновей. Боже мой, какая горячая пора, но как только наступала зима, мёрзли ноги, потому что жили честно, потому что жили бедненько.

Миша ушёл на войну добровольцем и уже через четыре месяца пропал без вести. И тогда, казалось, замёрзло всё — и сердце, и душа, и ноги. Топились тем, что удавалось найти на улице, или отдирали доски от сарая. К весне вокруг дома не осталось ни единой постройки — кругом обозначилось голое поле. Следующая зима грозила ещё большей бедою.

И пришлось уехать в деревню. Получила в районно направление в Варламовскую школу, там требовался учитель и литературы, и немецкого языка. И там, в деревне, можно было выжить с двумя детиш-

ками, хотя бы потому, что учительский дом тёплый и лес рядом.

Из колхоза прислали розвальни, какой был скарб в доме умершей свекрови погрузили. Окна и двери забили досками, мальчишек закутали в тулуп и поехали за двадцать километров в Варламово, которое все звали запросто и душевно — Варламовка. И началась новая жизнь: муж без вести пропавший, она учительствует и крестьянствует одновременно, потому что огород — это главный кормилец. Скоро всех знала, кого через детей, кого через тот же ликбез и политинформацию. У каждого учителя был свой куст — часть улицы, ходила по домам и рассказывала о делах на фронте и о новостях в мире. Но скоро политинформацией вместо неё занялся старший сын Алексей. Он уже учился в третьем классе, хорошо знал географию и читал не хуже неё по-немецки и по-английски, а вот с французским у него никак дружба не ладилась. Жили бедно, но в доме было тепло, дрова заготавливали ещё по осени, всем коллективом, но не в ближних колках, а подальше, ближние не трогали, чтобы красоту не портить.

В деревне сдружилась с крупной, угловатой и сильной Агриппиной, которая за мужика сено метала, мешки с пшеницей смеясь на телегу накидывала, трактором, как покорным жеребцом, управляла. Муж Агриппины получил бронь, потому что без механика ни один трактор работать не хотел. Все мужики ушли на фронт, он один мужик на всю деревню, а прочие либо старики преклонные, либо мальцы сопливые.

Дочь Агриппины ушла на фронт сразу же после школы, как только закончила курсы санитарок. Оста-

новить её никому не удалось, ни матери, ни отцу, потому как Дуняша под стать Агриппине — вместо танка могла воевать. И сказав:

— Без батькá здесь нельзя, а без меня там не справятся, — нарочито громко хохотнула и ушла на войну, а через полгода вернулась домой похоронкой!

Постенала Агриппина, поорала, поплакала и отдала Наталье Борисовне Дуняшины валенки. Что добру пропадать, ну и чтоб училка ноги берегла, а не буксовала по снегу в городских ботиночках.

Велики были те валенки, но напихала Наташа газетной бумаги в носы, и жизнь наладилась, никакая стужа теперь ей не в тягость, румянцем морозец на щеках отметится и на улице остаётся.

Скоро удивила Агриппина не трудовым подвигом, а тем, что округлилась на удивление всем, а после родила двух девочек-двойняшек. Все только руками развели, а одну малышку, ту, что покрупнее, Агриппина Дуняшей назвала.

— Назло фрицу, — сказала она, — он у меня одну дочь забрал, а я ещё двух родила. Хрен нас возьмёшь, мы колхозные.

Минуло два года, все ждут победу над фашистским гадом, да вдруг привозят в деревню на машине военкома «погибшую» дочь Агриппины Дуняшу, но только без ног. Опять шум на всю деревню. Дуняшу проведать все идут, а та сидит, с малышнёй на руках, смеётся и плачет.

Пришла проведать свою бывшую ученицу и Наталья Борисовна. Дуняша сидела за столом, и не видно, что без ног, разговаривала, слегка в хмелю. Увидела учительницу и говорит, вот, Наталья Борисовна, вы

говорили, что немцы — это не фашисты, немцы — это Гёте, Гофман, Бах, — но вдруг высунула култыху из-под стола, — видишь, а они мне ноги оторвали и жопа в лохмотьях.

Не смогла Наталья Борисовна после того ходить в Дуняшиных валенках, не полезли ей на ногу, как отрезало. И когда уезжала из деревни, всё забрала, а валенки те так и остались стоять под пустой вешалкой в пустом доме.

Дуняша долго не жила, в народе говорят «сгорела» — вышивала изрядно, будто в смерть гнала себя, а в тот день, видно, и того больше хлебнула и умерла. Хоронили всем селом, недоумевали, зачем такой гроб большой. На что Агриппина ответила:

— Это мы ног её не видим, а они есть. — И похоронила Агриппина дочь второй раз.

После войны Миша из плена вернулся, но ненадолго, скоро был осуждён за то, что был в плену — копал окопы, строил блиндажи врагу, то есть «за содействие фашистской Германии», и уехал на пять лет строить высоковольтную линию на Воркуту, теперь уже копать ямы под фундамент высоковольтных столбов.

Опять осталась одна, но утехой стали не столько сыновья, сколько книга, которую она писала все эти годы и которая была напечатана. Книга принесла ей известность. На гонорар от книги купили домик в центре Болотного, минут десять ходьбы до вечерней школы, где работала Наталья Борисовна. На домик денег хватило, а на тёплые сапожки не осталось.

2.

Наталья Борисовна сидела на краешке парковой скамейки и любовалась тяжёлыми от снега ветвями акаций и клёнов, которые сводами сомкнулись над головой. Стволы у них чёрные, неровные, будто застывшие в танце, и ветки корявые, то вправо, то влево, но это не помешало им сплестись вершинами. Пошёл снег, тихий, медленный, сказочный. В этой волшебной тишине она погрузилась в прошлое, вспоминая Саратов, родительский дом, весёлые поездки на Волгу. Какой беспечной казалась ей прошлая жизнь!

В Болотное Наталья Борисовна привезла тетрадку, в которой хранилось несколько рассказов, — будущая учительница в тайне ото всех мечтала о счастливой судьбе писательницы. В Западно-Сибирском издательстве был издан её первый роман «Школа», и там же ей заказали продолжение и обязали за год написать вторую часть, даже заключили договор, но у неё ничего не получалось. Она начала править первую часть и совсем запуталась, и только потом поняла, что нельзя было трогать то, что уже написано, потому что менялась жизнь, менялись люди и она тоже менялась, а прошлое оставалось неизменным, и его невозможно подстроить под сегодняшний день, и всякое усилие в этом направлении приводит к ощущению надуманности и неправды.

Сколько было иллюзий и необоснованных мечтаний о счастливом будущем — личном, учительском, творческом. Но вот она осталась одна: муж умер, младший сын погиб при неясных обстоятельствах под чужой фамилией в тюрьме, старший сын проявлял

признаки психического расстройства, и она ухаживала за ним, как за маленьким. Всё недополучилось, и даже учительствовала она не в обычной школе для детей, а в вечерней школе, куда приходили молодые рабочие, чтобы получить не столько образование, сколько аттестат, который требовали на работе. Да и сама школа изменилась, ушёл энтузиазм и стремление к новаторству, мир стал расчётливым и рациональным, и появилось много не то чтобы лукавства, но формальности.

Около скамейки, на которой сидела Наталья Борисовна, остановился бородатый старик, в мохнатой чёрной шапке, тулупе и пимах.

— Не помешаю, если присяду? — спросил он. — Ты же для людей скамеечку расчистила?

— Да, конечно, милости прошу, — она собралась уходить.

— Нет, уж посиди минутку, поговори со стариком, устал я молчать, — остановил её старик. — Хорошо сегодня, тепло, а ты всё грустишь. Нехорошо это, жизни радоваться надо.

«Чудной дед», — улыбнулась Наталья Борисовна, но, вроде, знаком, видела его в Болотном, себя стариком назвал, будто она молодка.

— Холодно в ботиночках-то?

— Нет, что вы, хорошо, морозов-то ещё нету, — Наталья Борисовна наклонилась и смахнула с чёрной кожи снег. — Терпимо.

— А в мороз не стерпишь. Давай-ка, дочка, без обиняков. Взрослые мы с тобой люди, пожили, насмотрелись, да и сами без дела не сидели. Ты меня не пугайся, я дедушка хороший, тихий и безобидный. За

тобой давно наблюдаю, ещё когда ты к нам из Саратова приехала. Я тогда подумал: вот и Болотное очастливилось, а то ни одной дворянки в городе нету, теперь объявилась.

— А я вас тоже помню. Мы с вами в одной очереди за мёдом стояли, на базаре, но это было ещё во время войны.

— Да, у тебя баночка была пол-литровая. Все стояли с бидонами, а ты с баночкой.

— У меня тогда сынок простыл, вот за мёдом как за лекарством пришла.

— Давно это было, но я уже тогда твою обувку приметил, не по сезону лёгкая. В ботиночках ты была, всё притопывала.

— Тяжело жили. Война.

— А теперь, я вижу, тебе не легче, — старик показал на ботинки.

— Так ещё тепло. Сейчас не сравнить как легче. Людям похоронки не приходят — уже счастье.

— Хорошо заметила, но надо прекращать носки поверх ботинок носить.

И вздрогнула Наталья Борисовна, будто кто подглядел за ней, потому что о тех носках даже близкие не знали. Никто не знал, что, выйдя из школы, за углом электростанции, она на свои ботиночки старые мужнины шерстяные носки надевала. Подошву проношенную срезала и поверх ботинок надевала: и тепло, и низкие ботинки снег не черпали. И бежала домой по запасному пути вдоль цехов вагонного депо. Людей нет, а если кто попадался на пути, она голову опустит пониже и дальше бежит. Кто узнает, да и ноги уже снегом запорошило, не видать носков. Зимой

хорошо: в школу идёшь — темно, а из школы — ещё темнее.

— Ты, девка, не смущайся, я много видел, много знаю, а ещё умею тачать сапоги. Сызмальства меня к труду приучили: мама — шить, отец — плотничать, а сосед — сапожному делу. Вот и озаботился я для тебя сапожки изладить. Не обессудь, если не модные. Глянь, как получились.

Старик засунул руку за пазуху и достал свёрток, размотал тряпицу, в которую были укутаны сапожки.

— Вот моё произведение, это, конечно, не твоя книга, но подошва толстая — ни за что не промёрзнет. Тепла в такой обуви живёт много.

— Да что вы, зачем...

— И не спорь, погрей свои ножки барские, а то как ни зима — так пытка.

Дед сполз со скамейки и, встав на одно колено, сдёрнул с Наташиной ноги ботинок и ловко обул сапожок.

— Вот и лады, а теперь второй, — и он повторил всё сноровисто и ловко. — А теперь встань, барыня-сударыня, и пройдись. Как? С размером угодил?

Наташа встала, шагнула и повернулась к старику.

— Сколько я вам должна? У меня с собой и трёх рублей не будет.

— Ох, бабоньки вы мои, бабоньки! Ты, душа моя, уже рассчиталась тем добром, что людям оставила, — старик встал. — Это мы должны тебе за свет трудов твоих, по гроб считать — не рассчитаться. Поклон тебе, Наталья Борисовна, прими малое от души. Святая ты, девка, потому и денег у тебя нету. Так-то. У святых денег не бывает.

Историческая справка

1. Ежегодный довоенный прирост населения в нашей стране составлял три миллиона человек. Если учесть все потери во время Великой Отечественной войны, за все четыре года войны рождаемость в СССР была выше смертности.

2. Ликбез — общественное движение по ликвидации безграмотности среди взрослого населения.

3. Наталья Борисовна Карнеева приехала в Болотнинский район в 1930 году из Саратова сразу же после получения свидетельства о высшем образовании. Потомственная дворянка, она в совершенстве знала три языка: немецкий, английский и французский. Вела огромную просветительскую работу. В 1951 году 30-тысячным тиражом вышла её знаменитая книга «Школа», которая стала любимым произведением учителей и студентов пединститутов Советского Союза.

Её муж — Кубышкин Михаил Павлович, член Союза писателей СССР, выпустил 13 книг, и по сей день считается одним из талантливейших писателей Сибири.

Наталья Борисовна умерла в 1990 году. Похоронена в Болотном.

Сынок

Утро горело росой на траве, кустах, листьях и иголках, переливалось молочной радугой прудового тумана, устремлённого в бесконечность голубого неба, и тишиной, покоем и умиротворением — рождался новый день, дающий новую жизнь и надежду. Петухи уже отпели, охрипли и замолчали, рыбаки устали от рыбалки и думали о доме, крынке молока и тёплой жене. А пионеры шагали по плотной дамбе на экскурсию в Загородный бор, с заданием наблюдать, записывать и собирать гербарий. Светлана Васильевна — ещё пионервожатая, но уже назначенная с нового учебного года учительницей начальных классов, возвышалась тонкой наблюдательной каланчой над ватагой детей. А дети шли по дамбе по двое, взявшись за руки. Коля отказался идти с Витей и перехватил робкую руку Марины. Упрямый и обиженный Витя минуту постоял на шандорном мосту и пошёл по дамбе один и решил не делиться вкусной и сочной колбаской с предателем Колей.

Коля поймал маленькую лягушку по прозвищу «попик», а Марина хвасталась красивым мухомором. После Колиных слов она бросила мухомор на землю, и Коля понял, что обратно через дамбу он пойдёт за руку с Витей.

Устали собирать грибы, собирать друг друга, уже набегались и в догонялки, и в мяч, расстелили общим столом коврики, платки и куртки, достали варёные яйца, хлеб, лук, огурцы, а Витя — круг сочной колбаски, чтобы угостить всех, он мог себе это позволить, потому что его мама работала директором железнодорожной столовой. И всё-таки чай из термоса был чуть тёплым, но вкусным, соседские огурцы вкуснее собственных, таких же в пупырышках, приправленных крупной солью, а яйца всмятку рассмешили всех.

И вдруг раздались удивительные звуки, будто капли росы побежали по ветвям, будто птички лесные поклевали толстые иголки сосен, а белочки забарабанили по еловым шишкам, будто родничок ожил и зажурчал, а вода широкого пруда вторила ему, перебирая на мелкой ряби чудные звуки! Казалось, что это сам Бог заиграл на небесном синем море, трогая белые полосы, оставленные высокими самолётами.

Дети поднялись и, как стайка птичьей мелочи, с щебетаньем и восторгом кинулись к величественной сосне, на корневище которой сидел дедушка, весь белый, с белой бородой, добрыми глазами и Совой на левом плече, а рядом с ним лежал Белый волк, который положил свою голову на лапы и, закрыв глаза, слушал чудесные переливы гуслей.

Дед Арефа неторопливо перебирал струны, Витя Грачёв обнял Белого волка за шею, а Ленка Комарова вовсе взобралась и села на волка верхом. Маринка погладила Сову, которая только переступила с лапки на лапку, но не улетела. А Светлана Васильевна присела у ног старика. И дедушка запел:

О, Сибирь, страна ты бескрайняя,
Здесь тайга, поля, горы дивные.
Енисей и Обь, Ангара-река,
Сёла дальние, безымянные.
В ночьку тёмную да морозную
Родила-то мать Сына дюжего,
Ой да, дюжего, силой сильного.
Рос Сынок не год, рос Сынок не два,
Аж семь лет мужал, раздаваясь
Шириной в плечах, да огнём в очах.
На восьмой годок наступил тот срок,
Говорит: «Эх, Мать, честь пора и знать
Добру молодцу нерадивому,
Подавай коня да прости меня.
Знать, и мне пришло назначение,
Трудной жизнью жить да людям служить».

...Полею шёл Бурьяк — конь подкованный,
Конь подкованный, снегом беленный,
А на нём Сынок-Сибиряк сидит,
Сопкой грозною, силой кремневой,
Силой грозною, правдой сильною.
И пошла молва, гомонится люд,
Ждут-пождут Сынка Русь-сибирского.
В град любой войдёт, и народ гудёт:
«Защити ты нас, Богатырь Сынок,
Нету сил терпеть лихоимщиков!»
Хмурит брови он, гнев сдержать невмочь:
«Кто обидел вас, спрос с кого держать?
Кто напал на вас? Иль оброк большой?»
Отвечает люд: «Слуги князевы
Донимают нас, обкрадают нас.
Нету мира нам, нет покою нам,
Нет родимого, нет Отечества».
И пошёл Сынок в самый главный град,
В самый Златоград к князю Златичу.

...Поле ровное, режет птаха синь,
Солнце яркое — вот весна пришла,
На бугре трава — зелена-жива,
А в груди Сынка — голуба река.
Ой ты, Русь моя, ой ты, скорбь моя!
Без тебя не быть! Без тебя не жить!
Без тебя не петь песню светлую!
И пошёл Сынок чередой дорог,
Сквозь поля да бор, мимо синих гор,
Где кормили — ел, где приветят — спал,
И везде с людьми разговаривал.
А в закатный час, когда день погас,
Не в Белу-Москву, не во Киев-град —
В Златоград пришёл к князю Златичу.

Город так себе, неухоженный,
Золотём — серебром унавоженный.
Люд кругом гудёт, торг кругом идёт,
Всё шинки стоят, лавки — крашены,
И дельцы-купцы разнаряжены.
Вот дворец Златой князя Златича,
Под охраною непрестанною.
За столом купцы, у ворот стрельцы
С топорами да острыми копьями.
Вышел стражник крив, бородой паршив,
Глазья врозь горят, будто волчии.
Тыр да пыр, да мыр — не тебе наш пир,
Мол, вали подобру по здоровому!
И сказал Сынок: «Ах ты, сучий волк!
Ах ты, чёрт страшной, как пойду войной,
Будешь сам не рад — разнесу ваш град
По гнилому болоту-кочкарнику!»
Горбонос кричит: «Должен быть убит!»
«Тыр-пыр-мыр!» — визжит не по-русскому.
Стража кинулась сворой дружною,

Сворой дружною, но не дюженной.
«Вона чё, стеной на меня! Ну и ну!
Раскачу стену — наша Русь в плену,
И в беде наш князь! Ну-ка, меч, вылазь!
Помогай стоять за Рассеюшку!»
Бился русский Сын, против всех один,
Семь недель и дней, да полгодака.

Растряслась война не на шуточку,
Осерчал Сынок за родной народ,
За родной народ, за славянский род,
Размахнул от плеч — и багровый меч,
Булава кружит — и стрелец лежит,
Как пошёл хлестать, разогнал всю рать,
А последним хватъ горбоносого:
«Кто ты есть таков, из каких краёв?
За кого стоишь, отчего дрожишь?»
Тут выходит Князь Свето-Златьевич:
«Убери клинок, Богатырь-Сынок,
И слугу-волка отпусти пока,
И с него ли спрос? Он всего лишь пёс.
Говори как есть, с чем пожаловал?»
Говорит Сынок: «Через сто дорог,
Через тыщу сёл до тебя дошёл,
И везде беда горем горькая!
Горем горькая влагой слёзною.
Льют беду от тебя твои сборщики,
Лихоимщики и притворщики.
Русь — народ святой заобижен
И указом неправым унижен,
По-нерусскому жить заставляешь,
Ты что, Русского Бога не знаешь?»
«Уходи, Сынок, через сто дорог!
И мои дела не твою ума!»
Князь махнул рукой и пошёл в покой.

Говорит Сынок, брови хмурятся:
«Через тёмный лес до тебя долез,
Заплутал в бору, но твою нору
Отыскал упрямя, провалившись в рям,
И принёс зверям в Волчье логово,
В Волчье логово — слово Богово:
Ты ли, брат, русский князь Свето-Златьевич? —
Ты ли русский свет-человек?
Так пошто в твоём управлении
Нет ни ладу, ни правды вовек?
Дураки кругом, злом крещённые?
И замки на дверях золочёные?
А народ в беде нищ и гол,
Он прислал меня, я — пришёл!»
Тёмной ноченькой налился Князёк,
Налился князёк Свето-Златьевич,
Закричал, зарычал на обидчика:
«Не твою ума! Говорю тебе! Дело думное,
Дело думное многоумное,
Не тебе судить, не тебе рядить,
К нашим девицам на погляд ходить.
Ты возьми себе сколько надобно
Злата-серебра, снега-жемчуга
И ступай в Сибирь, в землю дивную,
В Мать-Сибирушку, край земли,
Где зима суха да жирна уха,
И у гор как алмаз верха,
Там терпи мороз и гляди под нос,
И чеши меха от греха!»
«Ах ты вона чё! Подкупить решил,
Подкупить меня, богосланного.
От народа посланника славного!
Попродал добро и набил нутро,
И сидишь, как сыч на суку.
Продад Русский дух за один понюх,
За один понюх табаку!»

Златич ножкой стук, отлетел каблук,
Горбонос у ног: «Что изволите?»
«Кликни войско ты, войско доброе,
Войско грозное, да заморское!»
И вкатил Сынок сгоряча пинкача
Чуть пониже плеча Князя Златича.
И бежал Князёк через сто дорог,
В даль нерусскую, в даль заморскую.

Тут людишки вкруг, одолев испуг,
Зашумели, запели хвалебную,
Славят молодца, делят золотце,
Льют рекой медовуху да хлебную...
А кривой пострел громче всех запел:
«Ой да глупые мы! Ой да скверные!
Ох, попутал нас басурман!»
И опять по-чужому: «Тыр, пыр, мыр», —
То ли слово, то ли обман?
«Будь ты Князем нам и хозяином,
Станем весело жить-поживать,
Станем жить-поживать и добро наживать,
И служить тебе псами верными!»
Сын булатом «дзынь»: «Эй, парша, отзынь!
И не стыд болтать всякий срам?
Ты ли русским был, ты ли дух хранил,
А не золото по углам?»
Тут народ ему в ноги валится:
«Ой, Сынок ты наш, душа-молодец,
Не о том ты нам говоришь-поёшь...
Что изводишь нас и томишь?
Что ж княжением нашим брезгуешь,
Золотой наш град не наследуешь?»
И вскричал Сынок со слезою в груди:
«Ой ты, Русь моя! Боль несчётная!
Голь несметная! Рать безродная!
Мы — предатели, мы — купилися

На золотые ларцы позарились.
Пусть и я не лучший из всех,
И ко мне приходил всякий грех,
Но скажу я вам слово честное,
Слово честное, не приветное:
«Никакой князёк, никакой царёк,
Не накормит вас, не спасёт,
Если сами вы, от своей головы,
От труда и меча беспощадного,
Не начнёте жить и трудом творить
Справедливость и честь защищать.
Встань народ, будто ратный рой,
За себя, за детей, за Отечество,
Впереди у тебя пути узкие,
И пройдут по ним только русские!»

Дети аплодировали, трогали струны старинных гуслей, теребили волчьи уши и пытались рассмотреть его клыки.

— Спасибо вам, — сказала Светлана Васильевна, растроганно утирая слезу, — мы тоже споём вам песню. Хорошо, ребята?!

— Да! — хором ответили дети, и Светлана Васильевна запела, а дети подхватили:

Солнечный круг, небо вокруг —
Это рисунок мальчишки.
Нарисовал он на листке
И подписал в уголке:

Пусть всегда будет солнце!
Пусть всегда будет небо!
Пусть всегда будет мама!
Пусть всегда буду я!

Закончилась песня, дети перестали водить хором вокруг деда Арефы и попросили его ещё поиграть им что-нибудь на этом волшебном инструменте, которым пел божественным голосом.

Историческая справка

1. После восшествия на трон династии Романовых (1613–1917) обострилась беспощадная борьба с народными инструментами, особо непримиримо вела борьбу с дудками и гуслиями православная церковь. Из Романовых в этой борьбе выделился Алексей Михайлович (Тишайший, 1645–1676 годы правления). По его указу народные инструменты изымались и уничтожались. Борьба церкви зиждилась на ненависти ко всему русскому народному как к идеологическому конкуренту, а это не только народные инструменты, но и песни, и былины, и особенно сказки, — ко всему, что хранило в себе архетип самобытной народной культуры — глубокие традиции, мировоззрение и сам уклад жизни народа. За несколько веков в России было полностью уничтожено целое сословие гуслиаров, а вместе с этим и вся народная музыкальная культура. Но можно гордиться гуманностью христианства в России, которое сжигало меньше людей, но больше музыкальных инструментов, в то время как европейское христианство беспощадно жгло людей, называя их еретиками и ведьмами.

2. Песню «Солнечный круг» сложно услышать по радио или телевидению, видимо, потому что она рассказывает про уверенную жизнь людей в Советском Союзе и о смелой готовности защищать справедливость.

Маринка

Маринка родилась на берегу Оби, среди высоких сосен. Их домик стоял недалеко от устья малой речки. Здесь росло много тальника и черёмухи, а чуть далее целая роща калины, поздней осенью красной, а после первого мороза сладкой и терпкой, но вкусной. Маринка любила калину, а её подруга Светка с умным видом как-то сказала, что если Маринка «жрёт без меры калину, значит, в организме не хватает витаминов». Наверное, Светка права, но Маринке больше не хватало трезвых родителей — мамы и папы, и её младшей сестрёнке и совсем ещё малому братику тоже не хватало родительского внимания, а иногда и просто еды. Если бы не картошка, так хоть милостыню проси.

Окончив девятый класс, Маринка без сожаления уехала в Болотное и без особого труда поступила в педколледж, голова, как говорила мать, у Маринки всегда была светлая, а память, она и сама знала, цепкая да крепкая. Когда в приёмной комиссии на собеседовании её спросили, почему выбрала профессию учителя, она, не моргнув глазом, соврала, мол, всю жизнь мечтала учить детей, хотя всё было иначе: ей нужен был диплом, а профессию она потом найдёт себе по душе. Просто бесплатная общага, кормёжка и

полторы тысячи стипендии за хорошую успеваемость, и чтобы недалеко от дома, короче, другого более выгодного и удобного варианта не было. А для того чтобы получать талон на пятьдесят восемь рублей ежедневного питания, ей всего лишь нужно было взять справку о малообеспеченной семье. Жизнь Маринка начинала без затей, с холодного и практичного расчёта, чтобы «не прогибаться» под этот «изменчивый мир». Маринка была настроена решительно и строго.

Сосед дядя Вадим давно поглядывал на Маринку, а сам всё ждал, когда подрастёт. Маринка замечала похотливые глаза соседа, но плевать ей было на него, сила в ней таилась не городская, а наработанная — деревенская. Если надо будет, то так двинет, что и костей не соберёт. И вдруг, уже перед отъездом, дядя Вадим остановил Маринку на улице и протянул коробочку.

— На, это «сотик», есть и покруче, но для «педа» сойдёт. Негоже в колледже без телефона появляться.

Вот это был подарок! Сбылась Маринкина мечта, а то по деревне ещё совсем соплюхи и те с сотовыми телефонами бегают. Но кто бы знал, что в сотике даже симки нет. Идёт, бывало, Маринка по деревне и будто с кем разговаривает по телефону. А кто видит, что без симки?! Главное, что разговаривает! Но на симку в новый телефон денег всё равно не нашлось. И уже в день отъезда «родаки» дали тысячу на дорогу, вот и симка появилась, купила её уже в Болотной около вокзала, и телефон заработал. Но ненадолго: абонентскую плату всё равно платить нечем. Но это мелочи, главное, телефон в руках! А про комп Маринка даже не мечтала: «Вот закончу «пед» и куплю ноутбук, сама

и какой хочу, с первой же зарплаты куплю», — так она решила.

В общаге жилось свободно, весело, а главное, бесплатно. Но голодно... В обед кормили в столовой по талонам, не густо, но всё же до вечера хватало. А вечером, первое время в компании девчонок, то там поест, да там укусит, вот и сыта. Потом опять-таки картошка — сибирский хлеб, и, как говорила одна девчонка, выручала ещё «быстрорастворимая лапша». Чтобы до дома добраться, денег занимала тут же в общаге у девчонок, старалась потом рассчитаться за долг всё той же картошкой.

Но однажды студентка-старшекурсница, из «модных» (её мать владела магазинчиком около железнодорожного вокзала), вечером припёрлась в общагу и за именинным столом сказала при всех, что Маринка «тварь прожорливая и нищевродка, всю общагу уже объела, побирушка». К сожалению, Марина не сдержалась, видимо, копилось давно: и пьяные мать с отцом, и оборванные брат с сестрой, и полторы тысячи стипендии и прочих доплат за хорошую успеваемость, которых ни на что не хватало. И если с голодухой ещё можно было справиться, то как справиться с одеждой, которой вовсе нету, а впереди зима, уже белые мухи полетели. Схватила Маринка эту «модную» за космы и так мотанула, что самой её жалко стало. Потом собрала невеликие пожитки и ушла вовсе из общежития.

Бродила по Болотному со своей котомкой, на вокзал зашла, там полицейский, как полицейай, стал за ней следить, ушла и побрела вниз по Водопроводной к Водокачке. Смотрит — дедок снег от калитки метлой метёт. А сама Маринка уже промёрзла, зуб на зуб

не попадает, одежка-то сквозная, для осенней, но тёплой погоды.

— Дедушка, — обратилась она, а у самой голос дрожит, чуть не плачет, — комнату не сдадите?

Дед перестал мести, глянул на студентку, пригладил белую бороду и ухмыльнулся:

— А что, и платить есть чем?

— Найду, дедушка, я тихая и прибираться буду.

— Тогда заходи, если тихая, да ещё и прибираться будешь.

В доме было тепло, как заходишь — сразу горница, она же кухня.

— Вот твоя комната будет, — показал на дверь Арефа, — ставь вещички. Я один коротаю, всё силюсь, а помереть никак не могу. Давай-ка, дочка, ужинать будем. Аль сыта? Не поверю, с такого ветродуя сытым не будешь.

Накормил дед сытно, чаю заварил, да вкусно, пахнущего, никогда не едала такого Маринка. Легла и уснула, как в бездну провалилась. Утром дед заскрёбся в дверь:

— Пора, дочка, идти за наукой. Без неё тебе не прожить.

И опять покормил. Потом показал на часы:

— Видишь, уже семь тридцать, как раз до «школь» успеешь добежать.

Бежит Маринка в педколледж, а у самой сердце из груди вот-вот выскочит, думает, что ей сейчас будет за эту «модную», полиция, наверно, уже ждёт. Прибежала, а её девчонки толпой встречают и говорят, мол, не волнуйся, мы этой «гадине» сказали, что если пожалуется, мы ей тёмную устроим.

Но не утаить шило в мешке в женском коллективе, после второй пары её оставила в аудитории «классная дама» Татьяна Васильевна. Когда дверь за последним студентом закрылась, она спросила:

— Марина, до меня дошли слухи, что вчера ты поссорилась с девочкой с третьего курса и побила её, это правда?

— Меня отчислят? — насупилась Маринка, готовая постоять за себя.

— Пока нет, так вопрос не стоит, но если... Можно я дам тебе совет, на правах старшего и опытного человека?

«Началось...» — подумала Маринка. У них классная руководитель в школе была страшная зануда, и приходилось лекции её слушать по полчаса, одно и то же, и ещё гнусавым голосом. И здесь то же самое.

— Вот мой совет: на слово — ответь словом, нет слова — тогда молчи, а вот если на тебя напали, вот тогда дерись и побеждай. Поняла?

— Нормально, — мотнула головой Маринка.

— Что нормально? — не поняла Татьяна Васильевна.

— Совет нормальный.

Потом классная пыталась узнать, на что живёт Маринка, кто помогает ей и сколько. Но Маринка держалась, как партизан на допросе. Врала и уходила от ответа. А в заключение, чтобы от неё отцепились навсегда, соврала, что на работу устроилась, полы мыть. Правда, не смогла ответить, куда именно. Татьяна Васильевна попросила Маринкин номер телефона, написала свой и с предложением, мол, если какие вопросы будут, чтоб звонила без стеснения. В коридоре

затрещал звонок на урок, и в класс ворвалась новая группа студентов. На том и закончились разборки того инцидента. Отделалась лёгким испугом — выдохнула Маринка, и с тех пор старалась ни в каком «ки-пише» больше не участвовать.

Впервые в столовой Маринка обедала спокойно, не торопясь, вместе со всеми, а то все ещё борщ доедают, она уже компот выпила. С «модной» она старалась не встречаться, благо, в другой группе и на другом курсе, а когда девчонкам сказала, что комнату сняла, те сильно удивились. Покатились деньки, всё успокоилось и наладилось. В доме Арефа печь топит да еду готовит — всё сам, Маринке ничего делать не велит, а она сидит и только педагогическую науку изучает.

Однажды вечером вдруг подскакивает Маринка, и к вешалке.

— Ты куда на ночь глядя? — А на улице уже сумрачно и метёт беспощадно. — Куда же это ты в своём сарафане собралась, за воспалением лёгких или менингитом?

— За словарём, дедушка! Забыла словарь взять, а библиотека районная ещё работает, к закрытию как раз успею.

— Ты, прежде чем гнать, скажи, чё за словарь тебе нужен, может, я чё вспомню?

— Да ну что вы, дедушка, там слова мудрёные, в вашу эпоху такое не учили.

— А что ты знаешь про нашу эпоху? Ничего. Вот и показывай свои слова мудрёные, а вдруг Арефа их ведаёт?

— Сейчас, — засмеялась Маринка, выскочила из уже обутых ботинок, — сейчас, дедуничка, проверим твои знания по немецкому языку.

— Фу-у, это легко, я вот хинди забывать стал, с татарами тоже давно не общался, поговорить бы не мешало, и древним русским, славянским сладким языком давно не думал и не писал. Неси свои слова загадочные.

Маринка принесла текст, выданный для перевода.

— Вот, бабушка, вот это и это слово не могу перевести.

Дед приспустил очки на нос, поелозил пальцем по тетрадке и говорит:

— Да и вот это слово ты неправильно перевела. И вот это. Это же партицип цвай!

— Что, деда?!

— Партицип цвай, говорю, — причастие прошедшего времени. А ты переводишь как? Партицип цвай играет важную роль в немецком языке. Без него немцы вообще никуда...

— Деда, ты откуда вообще такие слова знаешь?

— С моё, дочка, поживёшь и не то узнаешь. Да, и эпоха ещё недавно была грамотных людей.

— А мы этого в школе не проходили.

Через полчаса Маринка ушла к себе в комнату с переводом текста и многими знаниями о некоторых удивительных особенностях немецкого языка. Но скоро вернулась:

— Деда, а вот посмотри, мне план надо подготовить классного часа с четвёртым классом на тему «Семья». Здесь творческий подход нужен. Ты как в педагогике? А у тебя дети есть?

— Нет, детей у меня нету, внуков и правнуков и праправнуков, собственно, тоже нету. Но в вопросах педагогики я понимаю, хоть и понимаю хитрость твою бабу.

— Шутишь?! А я серьёзно. Понимаешь, у нас практика, и я хочу, чтобы классный час был незабываемый. У нас в школе учительница не «классные часы» проводила, а сплошные разборки. Их не то что помнить — их вспоминать противно. Ты понял, деда? Как бы так провести, чтобы этот классный час на всю жизнь детям в память запал? Вот, смотри, я даже план уже накидала. Может, посмотришь?..

Дед походил по комнате, погладил бороду, расправил усы.

— Может, кушать хочешь? — вдруг спросил он. — У меня такие голубцы получились, как живые!

— Дед, — строго, учительским взглядом посмотрела на Арефу Маринка, — сам не хитри, не знаешь, так и скажи, мол, не знаю, откуда бы мне знать. Но ведь языки ты знаешь: и татарский, и немецкий, и хинди, и старославянский.

— И французский, и английский... Дочка, я много что знаю, но...

— А стихи писать умеешь? — засмеялась Маринка и покатила со смеху. — Дед стихи пишет! «Я вас любил: любовь ещё, быть может, в душе моей угасла не совсем...» — продекламировала Маринка и опять покатила со смеху. — Вот умора!

— Ну почему же умора, — вздохнул дед, — писал и стихи, было время, и я молод был, и стихи были. Ладно, разыгралась, давай свою педагогику, коль от голубцов моих отказалась.

— Всё, деда, беру себя в руки, но ты уморил меня сегодня. Короче, как интересней провести собрание в четвёртом классе, тема «Семья»? Ваши предложения, мудрый педагог Арефа.

Дед сосредоточенно почесал затылок и посмотрел на потолок, и Маринка опять укатилась в хохот. Но дед не сдавался:

— Проведи этот классный час с родителями, совмести и классный час и родительское собрание, ну чтобы и дети, и родители вместе — это раз. Второе: начни со сценки на тему отношений родителей и детей, по какому-нибудь рассказу, актёрами дети пусть будут, таких произведений много. Дети сыграют сценку — это развлечёт и расслабит и детей, и родителей. А потом подготовь вопросы по сюжету сценки, на которые сначала отвечают дети, а потом родители. Вот увидишь, будет весело, познавательно, а главное, сдружатся не только дети, но и родители.

— Дед! Ты гений!

— А я те чё говорил, а ты всё смеёшься. Так голубцы будешь или нет?

— Буду! Даже два буду!

— Правильно, растущему организму нужно вкусно кушать.

На выходные перехватила Маринка денежек и поехала в деревню, одежду надо добывать, хотя бы фуфайку. «Ну и пусть смеются, — бодрила она себя, — зато тепло, а потом, я круглая отличница, никто так не учится, как я. А сейчас ещё классный час проведу с родителями, — всё смелее становилась Маринка, — все вообще на уши встанут. Пусть учатся у меня, а я в фуфайке похожу, не гордая, потерплю».

Дома она наварила пельменей, которые отсыпала втихушку у Арефы, накормила сестрёнку и брата. Потом пришли родители, лучше бы не приходили.

— Маринка, сбегай к дяде Вадиму, он десять тысяч отцу за дрова должён сёдня отдать, и тебе на дорогу будет.

Маринка кинулась к соседу, а тот уже ждал. Толкнул её на диван.

— Сотню дам! — он полез ей под кофточку.

— Сотню?! — оборвалось у Маринки.

Она вышла от Вадима, застегнулась на ходу и стремительно направилась домой.

— Деньги где? — спросила мать.

Маринка ответила матом и добавила:

— Я с дядей Вадимом за телефон рассчиталась.

В Болотное она уехала тотчас, на попутке. А следом поехала ещё одна машина, на которой повезли дядю Вадима в больницу со сломанной челюстью. Не сдержалась Маринка, выполнила наказ «классной дамы» и врезала дяде от всей души — ну чтобы уж на всю жизнь запомнил.

Арефа не стал удивляться, отчего Маринка так скоро вернулась из родного дома, и так по ней было видно, что не в себе девка. Он покормил её и, будто утешая, сказал:

— Родителей не кляни, ты сильная, пробьёшься. Главное — душу сберечь.

— Что ты, дед, знаешь? Они меня не просто предали, они меня как... Тебя продавали когда-нибудь?! То-то! — Маринка в сердцах махнула рукой.

— Душа, если окаменеет, долго не живёт. Обида — это такая зараза треклятая, всю душу выесть может, как червь.

— Говорить вы горазды, а приглядиись к вам, такая же дрянь выйдет!

— Ну ты не очень-то, а то смотри, разговори-лась! — погрозил дед Маринке. — Так скажу: есть ошибки, которые легко исправить, есть ошибки, которые тяжело исправить, а есть ошибки, которые исправить нельзя. Не соверши такую ошибку, о том и прошу.

Маринка проплакала всю ночь. Фуфайка осталась в деревне. В педколледже в тот день жизнь текла своим чередом, девчонки смеялись и сплетничали. А Маринка делала вид, что читает учебник. Потом долго гуляла по улицам Болотного, прогреется в каком магазине и опять на улицу, всё думала, думала, думала... Пришла уже поздно и сразу к себе в комнату. Скоро дед робко поскрёб дверь.

— Да заходи, что скребёшься! — грубо ответила она.

Арефа открыл дверь и увидел полураздетую Маринку.

— Заходи, что оробел? — Маринка говорила, не узнавая собственного голоса, продолжила раздеваться.

Арефа ничего не сказал, отвернулся и плотно прикрыл дверь.

— Ну и чёрт с тобой, — огрызнулась Маринка, схватила со стола стопку книг и швырнула об стену.

Но вдруг стукнула входная дверь, и знакомые шаги скрипучим снегом прошли мимо обмороженного окна.

— Дед! Ты куда? Ты это зачем?! — Маринка сорвалась с места и начала одеваться, вдруг на вешалке увидела чью-то куртку, накинула её, поверх шарф, шапочку, влетела в незнакомые, но мягкие пимы, которые стояли тут же под вешалкой и бегом на улицу.

А там сумерек, ночь светлая, но всё равно темно, она вглядывалась вдаль в одну сторону, а потом в другую, и будто кто там мелькнул или, может, только показалось, но Маринка кинулась за этой тенью. Дорога шла вниз, к Водокачке, она ветром слетела вниз, вбежала на плотину и остановилась на мосту.

Мирно шумел обледеневший огромными сосульками шандорный водопад. Вдруг повалил снег, хлопьями, прямо как на Новый год, празднично и очень красиво. Маринка перелезла через волноотбойник и ступила на робкий лёд. Она знала, что здесь, у шандоры, самое глубокое место, лёд ещё тонкий, а куртка намокнет быстро, потянет её вниз и смерть будет не очень мучительной. Но вдруг кто-то прошёл по мосту в направлении бора. В знакомой шубе и лохматой шапке!

— Деда! Дедонька, миленький! Стой! Прости! Прости меня! — Маринка кинулась на дамбу, она бежала изо всех сил, но не смогла догнать. — Деда, деда, дедулечка, — задыхаясь, плакала она, прошла ещё немного по белой тропинке и села под огромной сосною. И выдохнула:

— Не хочу больше жить! Не хочу! — И решила идти обратно напрямки, по льду.

Она поднялась и шагнула к берегу. Но что это?! Вдоль уреза по берегу шёл огромный, невиданных размеров Белый волк! Он остановился и сел, глядя в сторону Маринки.

— Боже мой! Деда! Дедунечка! Прости меня! Да прости же ты меня!!! — закричала она во всю мочь. — Я всё поняла, дедушка, я всё поняла, это ты охраняешь меня, дуру поганую, ты хочешь, чтобы я

жила. Я буду жить! Дедуечка! Прости! Клянусь! Как же я сразу не поняла?! Почему же я такая дура?! Это же ты мне курточку приготовил и валеночки белые, и шапочку, и шарфик, и даже варежки в карман курточки сунул — всё ты!

Она озиралась вокруг, но бор молчал, великие сосны стояли плотной стеной, и хлопья праздничного снега медленно кружили и падали под ноги. Тихо и тепло.

— Боже! Чем же я лучше дяди Вадима? Такая же дрянь! Это надо же было так опуститься! — прошептала Маринка.

Она шла по дамбе, Белый волк следовал за ней. Она остановилась на мосту, над шандорой, которая так же мирно и загадочно шумела ледяным водопадом.

— Спасибо, — сказала Маринка Белому волку, — я дальше пойду сама. Скажи дедуечке моему, что всё будет хорошо. Скажи, что я поняла, что жизнь подарила мне счастье видеть его, а он мне подарил счастье жить.

А пятого декабря вдруг пикнул телефон, засветился экран, и Маринка прочитала, что в счёт абонентской платы поступило триста рублей. На следующий день, сразу же после занятий в колледже Маринка пришла в офис сотовой связи, но там ей не смогли сказать, кто прислал деньги. «Ладно, — подумала Маринка, — кто-то удачно ошибся». И ей срочно захотелось кому-нибудь позвонить. Но кому, если она не пользовалась ещё телефоном, а только зачем-то держала его на привязи зарядки. Она набрала Татьяну Васильевну.

— Здравствуй, Марина, — ответила Татьяна Васильевна.

— Здравствуйте, а у меня всё в порядке, и вот, телефон заработал.

— Марина, хорошо, что ты позвонила, завтра останься после занятий, мы обсудим твою замечательную идею совместного классного часа.

Маринка вслушивалась в интонацию учительницы, пытаясь открыть тайну неожиданного платежа.

— Это не моя идея, — ответила Маринка, — это идея деда Арефы.

— Идея деда Арефы? — удивилась и засмеялась Татьяна Васильевна. — Чудны твои дела, Господи! Но главное — провести его на уровне, ведь мы соберём в классе детей и родителей.

Так ничего Маринка и не выяснила, но каждый раз пятого числа нового месяца «пикал» телефон, светился экран, и чёрные строки официально и отрешённо сообщали, что на счёт поступило триста рублей. И вот эти триста рублей, а более — огонёк светящегося экрана, стали чем-то очень важным для Маринки, она ждала это сообщение как признание в любви, как ласку неведомой матери из самого высокого далёка. И не было ей дороже света, чем тот мёртвый свет равнодушного телефона. Последний платёж пришёл перед выпускным. И никто не знал, что Александр — муж Татьяны Васильевны — ругал жену за эти и другие перечисления:

— Ты что, хочешь весь мир согреть? — спросил он как-то вечером, усаживаясь за письменный стол напротив жены.

А Татьяна Васильевна просто ответила:

— Хочу, и сколько в силах будет, столько и согрею. От маленькой поддержки иногда зависит судьба человека. Понимаешь? Из-за пустяка: слова,

сочувствия, трёхсот рублей, маленького разговора или просто внимания, — смотришь, человек встал на крыло и устремился вверх, как птица, всё выше и выше до самых облаков.

Александр наклонился к Татьяне Васильевне и спросил:

— Ты не находишь, родная, что иждивенчество — это зло? — Александр обнял жену. — Ты их балуешь, понимаешь, а в этом есть какая-то маленькая нехорошость, они получают незаработанные деньги.

— Это не я их балую! — отстранилась Татьяна Васильевна. — Это жизнь их балует пьяными, опустившимися родителями, а других — родителями, которые просто не могут ничего заработать, потому что развалилось хозяйство, закрылось предприятие и кругом неуверенность в завтрашнем дне. Их балуют пятьдесят восемь рублей на обед и полторы тысячи стипендии за пятёрки, их балуют неподъёмные и неумные цены на еду и космические — на одежду, а они — девочки, девушки, они невесты!

— Все так живут, всем трудно.

— По-разному живут. Но я не об этом. Знаешь, в чём я уверена: когда мои студенты придут учителями в школы, то станут надеждой и путеводной звездой для многих детей, и уже за этот их подвиг я не то что триста рублей, я душу за них отдам.

Ещё два года Маринка жила в доме Арефы, дрова не кончались, и сколько бы она ни топила зимой, угля в угларке не убывало. А куда делся Арефа? Хоть бы весточку прислал. Потом она действительно устроилась мыть полы в небольшом коммерческом офисе, и ей платили десять тысяч рублей в месяц, уже жить можно!

Маринка закончила Болотнинский педколледж, вернулась в свою деревню молодым специалистом. Забрала в свой, выделенный ей сельсоветом, маленький домик сестрёнку и братишку. И никого и никогда так не любили дети этой деревни, как её — учительницу маму Марину. В деревне она вдруг стала тем светом, которого давно все ждали, будто солнышко заглянуло в каждое сердце. А одна девочка так и сказала:

— Я когда вырасту, то приду к вам жить.

— Хорошо, — ответила Марина, — но только когда вырастешь большой-большой.

Девочка кинулась к Маринке, обхватила её руками, уткнулась ей в живот и заплакала.

— Почему ты плачешь? — спросила Маринка.

— Не знаю, — засмеялась девочка.

Однажды её отправили на курсы повышения квалификации в Новосибирск. Это было в июне, из деревни в Болотное она приехала загодя, до электрички оставалось ещё больше часа. И Маринка, без всякой надежды встретить Арефу, пошла в его дом на Водопроводной. Середина крыши провалилась, калитка заросла травой, видно было, что её давно никто не открывал. Дверь, кольцо щеколды, сумрак горницы, дрова на месте и угля полный ларь. Часы на стене показывали семь часов тридцать минут — именно в это время Маринка выходила из дома на учёбу.

И все-таки ей было очень грустно, что Арефа покинул свой дом. Зачем? Почему? Маринка разместилась в вагоне электропоезда, зашипели насосы, закрылись автоматические двери, и поезд поплыл в командировку. Мелькали дома, столбы и деревья, люди в вагоне притихли, кто изучал свой телефон, а кто-то уже

и дремал. На станции Чахлово вошло несколько пассажиров, поезд тронулся, и вдруг Маринка увидела на перроне Арефу. Он смотрел ей в глаза и улыбался своей хитрой и мудрой улыбкой.

— Деда! — вскочила Маринка, но Арефа помахал ей рукой и уплыл вместе с платформой.

Значит, жив, значит, простил, значит где-то рядом и сегодня спасает кого-то здесь, в Чахлово.

— Родственник? — спросил парень, который сел напротив и смотрел на Маринку пронзительно-голубыми глазами.

— Дедушка, — дрогнуло сердце Маринки, и она, закрыв лицо руками, засмеялась: опять Арефа, опять его происки, он и о женихе позаботился!

— Девушка, вы меня простите, но если вы замужем, то вы видите перед собой самого несчастного человека в мире.

— Нет, я не замужем, но у меня есть дети.

— Дети?! Не может быть!

— Да, двенадцать, и все учатся в третьем классе!

На станции Новосибирск-Главный молодой человек помог Марине выйти из вагона, и они вместе стали подниматься по лестнице переходного моста.

Слепой дождь

Арефа уже было ступил за порог универмага, как пошёл дождь. Светило июньское жаркое солнце, на небе ни облачка, а весь центр Болотного: и сквер Пушкина, и Чайную, и гостиницу, и даже кинотеатр «Юбилейный» — заливал тёплый дождь. Он лил прямо и плотно, лужи скоро набрались, запузырились, и потекли ручейки. Люди, успевшие сделать покупки, и те, кто удовлетворил любопытство, уже теснились в широких дверях универмага, не решаясь ступить под дождь. Грузный мужчина в пиджаке посетовал:

— Погода испортилась, экая жалость, надолго, наверное, вон и пузыри поплыли.

— Это слепой дождь, — ответила ему милостивая женщина с розовой сумочкой на локте.

— Мама, — удивилась девочка, подёргав маму за рукав, — а разве у дождя бывают глаза?

— Бывают, — ответил за маму Арефа. — Разве можно без глаз плакать, особенно вот такими тёплыми и сладкими слезами?

Он снял лапти и шагнул под дождь.

— А что, лапти входят в моду? — удивился мужчина в пёстрой футболке.

— Не знаю, — ответил Арефа, — они у меня всегда в ходу.

— Посмотрите! На небе ни облачка, а дождь идёт! — заметила мама девочки.

— Так он же слепой, откуда ему знать, что на небе пусто! — засмеялся мужчина в пиджаке.

— Вот видите, как течёт время? — Арефа потыкал свою походной палкой в ручей под ногами. — Ты идёшь, идёшь, а время течёт и течёт.

Маленькая девочка, пока мама рассматривала голубое небо, сняла сандалики и встала около Арефы в прозрачную воду.

— Смотри, мама! Через мои ноги тоже течёт время!

— Доченька, кто тебе разрешил мочить ноги?

Мать девочки не успела больше ничего сказать, потому что в эту же лужу решительно ступили юноша и девушка, они были босиком и держались за руки.

Молодые люди подставили дождю свои счастливые лица, маленькая девочка ловила капли дождя руками, а по белым волосам Арефы дождь стекал тонкими и тёплыми струйками,

— Я тоже хочу, — сказал грузный мужчина в пиджаке, скинул ботинки и прямо в бежевых носках ступил в лужу, — через мои ноги протекло уже пятьдесят семь лет!

— А через мои — пять!

— А через наши — сорок, потому что мы вместе!

— Вы знаете, это какое-то сумасшествие, конечно, но я тоже хочу в лужу! — не удержался модный мужчина в пёстрой футболке и шагнул под дождь.

— А через мои — восемьсот, хоть я и один.

— Так это же Арефа-колдун, — сказал кто-то из дверей универмага.

— Да, Арефа, но он не колдун, а волшебный сказочник! — улыбнулась старику молодая женщина с розовой сумочкой.

— Дедушка, подари мне сказку, — попросила девочка.

— Ты в сказке, доченька! Посмотри, какой волшебный и тёплый дождь, какие прозрачные лужи, как они чудесно сверкают на солнце, и смотри, сколько счастливых людей вокруг тебя!

И вдруг все, кто ещё оставался в дверях универсама, хлынули на улицу, под дождь, кто в обуви, а больше — босиком. А дождь лил и лил, а солнце лилось и лилось, а люди смеялись и топали по тёплым лужам, и каждый признавался, сколько лет протекло через его ноги. Продавцы универсама смотрели через огромные окна на танцующих покупателей и улыбались.

— Нас Арефа заколдовал, — засмеялась влюблённая пара.

— Нет, друзья, это слепой дождь открыл нам наши слепые глаза! — Молодая женщина танцевала, притопывая по воде и размахивая своею розовой сумочкой.

Потом мама забрала девочку, и они пошли под слепым дождём к себе домой, и молодая пара, так и не разомкнув рук, побрела своей дорогой. А дождь вдруг кончился, оставив на асфальте лужи и ручьи. Он ушёл, потому что увидел много счастливых людей, и не стал им мешать радоваться теплу и солнцу.

Скоро около универсама остался один Арефа, он повесил свои лапти на палку, которую привычно закинул на плечо, и пошёл домой.

Гроза

Липень 7529 года. Душно, жарко. Лето в разгаре. Природа живёт своими законами, а люди — своими заботами. Арефа ждал гостей. Нет, он не приглашал гостей, он их ждал.

Скоро на поляну у речной заводи вышли трое мужчин: двое в чёрных костюмах, галстуках, чёрных очках и лакированных чёрных полуботинках, а третий в светлых шортах до колен, отчего ноги казались совсем короткими, в распашонке, расстёгнутой на волосатой груди, и кожаных сандалиях египетского производства, а голову прикрывало маленькое кепи. Молодые люди в чёрном, видимо охрана, со знанием дела обошли и осмотрели поляну. Человек в шортах с полупоклоном, подчёркнуто любезно двумя руками пожал руку Арефы.

— Здравствуйте, дорогой мой! — улыбался гость. — Вы себе представить не можете, как вас не просто найти и как я рад вас видеть.

Охранники остановились на краю поляны в ожидании распоряжений.

— Ждите в машине, — махнул им мужчина.

— Александр Михалыч, им бы раздеться, да искупаться, жара беспощадная, а они в галстуках, — прищурился Арефа, глядя на молодых людей, изнывающих от палящего солнца.

— Работа у них такая, не обращайтесь внимания, но дождя бы надо, — гость снял кеши и утёр потное лицо.

— Сегодня будет гроза, настоящая, летняя, с громом и молнией, такой давно не было.

— Вы договорились? — гость показал пальцем в небо. — Я много слышал о вас и осмелюсь высказать недавно прочитанную мысль: искусство мудрости состоит в умении знать, на что не следует обращать внимание.

— Вы говорите про охрану?

— И не только...

— Присаживайтесь, Александр Михалыч, — показал Арефа на толстую колоду, — а я на этом брёвнышке посижу. Вот здесь и поговорим. Вы же по делу приехали? Или требуются мои размышления об искусстве мудрости?

— Любопытно было бы услышать! Очень интересно! — гость осмотрительно присел на колоду. — Мне говорили, что вы крайне загадочный человек, и я уже в этом убедился, поскольку мне не пришлось представляться, вы сами назвали моё имя! — восхитился гость. — Вас предупредили или опять предвидение? — Гость вновь потыкал пальцем вверх.

Александр Михайлович — полный мужчина лет пятидесяти, потерявший фигуру из-за увесистого живота, который обозначился от груди и спустился до ног, с густой полуседой шевелюрой, мелкие глаза спрятались в щёлках полного лица.

— Мудр тот, кто не потерял связь с прошлым и помнит высший смысл своей жизни. А искусство — это одежда, которая может превратить безупречную му-

дрость в банальную глупость, а поэтому стоит ли рассуждать об искусстве, говоря про мудрость?

— Боже мой! Почему я не познакомился с вами раньше?! Как вы любопытно рассуждаете! И это удивительно при вашем простом образе жизни. Да, «неисповедимы пути Господни», вот так в лесу на берегу тихой речки можно встретить философа!

— А я знавал вашего пращура Пал Палыча Митлинского.

— О! Совсем удивительно! Когда и где? Порадуйте анекдотом.

— В 1914 году ваш прадедушка Пал Палыч изволили ехать с семьей из Ново-Николаевска в Томск, на приём к губернатору. Вы — копия Пал Палыч. Его сопровождали супруга Софья Никандровна и две дочери, одна из которых потом стала вашей бабушкой, а вот бабушку свою, Софью Павловну, вы помнить должны. У Пал Палыча было на ту пору незатейливое дельце — он поставлял муку на военно-сухарный завод. Деньги за поставку он получал прямёхонько из военного ведомства и, как говорили тогда, «с особым казённым интересом». С подношением-с.

— Однако вы знаете столько, сколько я даже и не предполагал, думал встретить знахаря и ведуна, древнего как мир язычника, отшельника, живущего на берегу Иксы, — Александр Михайлович задумался.

— Ваше дело, Александр Михайлович, тоже незатейливое, — продолжал удивлять гостя Арефа. — Возить на штрафстоянку на эвакуаторах нарушителей и тем самым пополнять кассу не только автоинспекции, но и свою. И тоже «с особым казённым интересом», оттого и вспомнил я вашего предка.

Александр Михайлович нахмурился, он действительно думал встретить здесь блаженного, полусумасшедшего знахаря-простофилю, но теперь разговор складывался иначе. И перед ним человек явно неожиданного толка.

— Ну что ж, легче разговаривать с человеком деловым. Вы определённо уже знаете, что я баллотируюсь в Госдуму. Мне нужна ваша помощь. Ваш авторитет среди избирателей безупречен, о вас легенды слагают. Я предлагаю следующее: вы берёте свои травки-муравки, и мои люди возят вас по деревням и сёлам, вы лечите и раздаёте мои листовки, то есть агитируете, всё — электорат голосует за меня, а я выплачиваю вам гонорар. Всё.

— Но не лучше ли этот вопрос решить там, где подсчитывают голоса?

— Вот видите! Ещё раз убеждаюсь в вашей способности думать по-деловому! Вы не знаете, а я скажу: скорректировать подсчёт голосов мы можем и скорректируем, но во всём есть разумные пределы, а потому хочешь не хочешь, а в избирательной кампании участвовать приходится с полной отдачей.

— Мир не меняется, а меняться должен, — огорчился Арефа. — Деньги — это достоинство кошелька, а не достоинство человека.

— Не умничайте, я уже убедился, что вы достаточно осведомлённый и прагматичный человек, чтобы понимать — меня в этом деле ничего, кроме кошелька, не интересует, и я не собираюсь перед вами комедию ломать — да, я иду защищать и расширять свой бизнес, но таков закон природы. А вы мне прямо скажите, сколько вам надо денег — и вперёд по

деревням и сёлам. Хотите — я сюда, на этот берег, газ проведу? Хотите — коттедж вам построю?

— Душа, дорогой Александр Михайлович, — это чудесный эликсир, волшебная палочка, заветное слово, живая и мёртвая вода, тайна Вселенной, место красоты и жизнедающей энергии. Душа — это исток всего сущего, источник блага, жизни, основа мира, и хранить её поручили нам — людям.

— Я не понимаю, какого чёрта! Зачем вы мне всю эту хрень рассказываете? Бога ради, носите сколько угодно Бога в своей душе, но помогите мне носить то, что мне понятнее. Вы видите, насколько я с вами откровенен! Хорошо, вы не приемлете моей свободы, а я не понимаю вашу свободу с непонятым Богом в душе, так помогите мне обрести свой кошелёк, а я вам проведу вот к этой луже газ, чтобы вам сподручнее было заниматься своей прихотью, молиться и думать о душе и о Боге. Ведь комфортнее носить Бога в душе в тёплом, хорошо отапливаемом помещении, не так ли? Всё — по-деловому! Или такая откровенность унижает ваше достоинство? Так возлюбите меня как ближнего своего, прокатитесь по сёлам, выберите меня депутатом, а я буду не только газ оплачивать за вас, но и охранять от хулиганов. Чем моё предложение плохо? Чем оно может обидеть ваше душевное спокойствие? Вы здесь как инопланетянин, мир сегодня живёт иначе. Но и это не важно, чёрт с ним, с этим миром, живите как хотите. Так да или нет?

Неожиданно с ветки высокого дерева слетела Белая сова и села на плечо Арефы. Она ухватила клювом прядь волос на голове старика и будто что шеп-

нула ему на ухо. Арефа кивнул головой, и Белая сова поднялась на самую макушку огромной сосны.

— Боже мой! Она дрессированная? Это что сейчас было? Или колдовство?

— Меня зовут домой обедать.

— А где ваш дом?

— Здесь, но не всем дано видеть реальность, дорогой Александр Михалыч, многие живут в придуманном ими мире, они проживают жизнь в странных фантазиях, придумывают иные химеры, богатые удовольствия, чёрт знает какие прихоти, так и проживают жизнь, не замечая главного — самой жизни. Скоро начнётся гроза, вам надо ехать. Ведь ещё ничто не потеряно, а вдруг произойдёт чудо, и вы сможете увидеть действительную, а не придуманную реальность. Поверьте, я от всей души желаю вам вернуться на землю со своей планеты, которую вы назвали Кошелёк.

— Но придуманной реальности не бывает!

— Бывает, вы же в ней живёте, — Арефа подал знак и из-под лабаза вышел огромный Белый волк. — А это моя охрана, и она обязывает меня заботиться о ней, потому что очень жарко и скоро гроза.

Оцепеневший Александр Михайлович медленно встал с колоды, а Белый волк припал на передние лапы, потянулся и сладко зевнул. Митлинский пошёл прочь, и, наверно, оттого что его живот бултыхался невпопад и мешал идти, он подумал, что надо непременно заняться гимнастикой.

...Настоящая гроза начинается с затишья, но прежде... Прежде Арефа увидел чёрный горизонт, то были не тучи, а какие-то гигантские валы, которые

катились по дальним лесам, степям и полулескам, по рекам, кустарникам и травам, приминая всё и забрасывая тёплой пылью, сухим травяным мусором и мелким песком. И стало душно и сухо, а потом вдруг тишь, но не спокойная и умиротворённая, а тяжёлая, настороженная и пугающая птичьим безмолвием и своей бездонной пустотой.

Арефа не спешил скрыться в свой скит, он любил ненастье, он жаждал его. И вот они — тяжёлые и крупные капли, как горошины, ударили по листве, по перевернутому вверх брюхом чугунному котелку у кострища, который отозвался онемевшим колоколом. Потом дробно забарабанили по Алатырь-камню, будто звали в бой, и вдруг хлётко и даже больно ударили по щеке, одной, другой, капли застучали по голове, по рукам, прикрывшим голову. А внезапный ветер pokrыл рябью, почти рыбьей чешуёй, гладь речки Ык-су, камыш тревожно закачался, а осока легла под порывом ветра, выпрямилась и снова легла, коснувшись остриём зелёного оперения воды, будто попить, будто жар её одолел, но то сила согнула слабого, то могущество приклонило и заставило пить свою судьбу!

И вот уже ливень косит листву на деревьях, уже лужи понесли слабые и трясущиеся от страха пузыри в ямы, уже молнии скалят зубы, а грома готовы растоптать, вдавить тебя тяжёлыми сапогами в сырую землю.

Арефа поднял руки к небу, там за панцирем небесной черноты, там за щитом ненастья светит солнце, и оно никогда не перестанет светить, потому что и солнцу важно увидеть и обогреть самых стойких и самых мужественных на земле.

Белая сова хохотнула, пронеслась кругом над Арефой и скрылась в скиту. Мудрая сова знала, как можно выжить в ненастье, а Белый волк, изрядно уже промокший, отряхнул дождь со своей спины, сел около Арефы и открыл огромную клыкастую пасть встречь ненастью, он зажмурился, кажется, от удовольствия и ловил капли дождя, потом чихнул, встал и ринулся в Ёйксу, прыгнул с берега, упал всем телом и радостно завыл.

— Ах ты, хитрец! — закричал Арефа и тоже прыгнул в воду, поднырнул под волка, поднял его над водой и, будто Атлант скалу, бросил его в самую глубину заводи, и закричал:

— У-ра-а-а!

Трещали деревья, валялись отломанные ветви, ветер срывал, будто ножом резал, воду с рук и головы и бросал куда-то прочь. Ёйксу наполнялась водой, она прибывала лавиной, и вот уже край берега сравнялся с поверхностью реки. Арефа выбрался на берег и сел тут же в мокрую траву. Вышел и Белый волк и лёг рядом, чуть прикоснувшись мокрым ухом к тёплому плечу своего друга.

Стихия стихала, уходила тёплым и мелким дождём, будто гладила тех, кто выжил, выдержал, не испугался. Арефа обнял шею Белого волка и задумался о счастливой жизни человека на земле. О тех, кто, невзирая на тяжести жизни, горе и несчастья, искушения, опасность, сохраняет человеческое достоинство, великую ценность чистой души, сберегает свой светлый дух, чтобы в назначенный срок предъявить его на право жить вечно.

Куриные ножки

На меня смотрят дети, человек тридцать, третий класс. Они сидят в светлой, будто прозрачной, классной комнате за столами в три ряда, а в окна класса смотрит радостное осеннее солнце. Оно светит во всю мощь и наполняет комнату не только светом, но и счастьем.

— Дети, сегодня к нам в гости пришёл писатель! Мы недавно прочитали его рассказы, — начала урок учительница.

По чистой речи, тону и манере вести себя около учительского стола угадывалась вся её жизнь.

— Живой?! — чистосердечно удивился кто-то из учеников, и класс зашумел, заволновался любопытством и улыбками.

— Да, дети, живой! Николай Александрович живёт в нашем городе.

Дети были совершенно ошеломлены, и я понял почему: они уже привыкли, что изучают и читают произведения давно ушедших писателей, а тут — живой!

— Мы с вами читали рассказы, а сегодня у вас есть возможность самим задать вопросы писателю. Итак, кто у нас самый смелый?

И класс расцвёл лесом рук.

— А о чём вы сейчас пишете?

— Я пишу про старого и мудрого старика.

— Как вы? — крикнул кто-то из класса, и все засмеялись.

— Нет, значительно мудрее и старше меня, он умел совершать добрые поступки, он для людей — как ангел, живущий на земле. Его зовут древним именем Арефий.

Класс зашумел, зашущукался, и понятно, дети никогда не слышали такого имени.

— Дети, будьте серьёзнее! — вмешалась учительница.

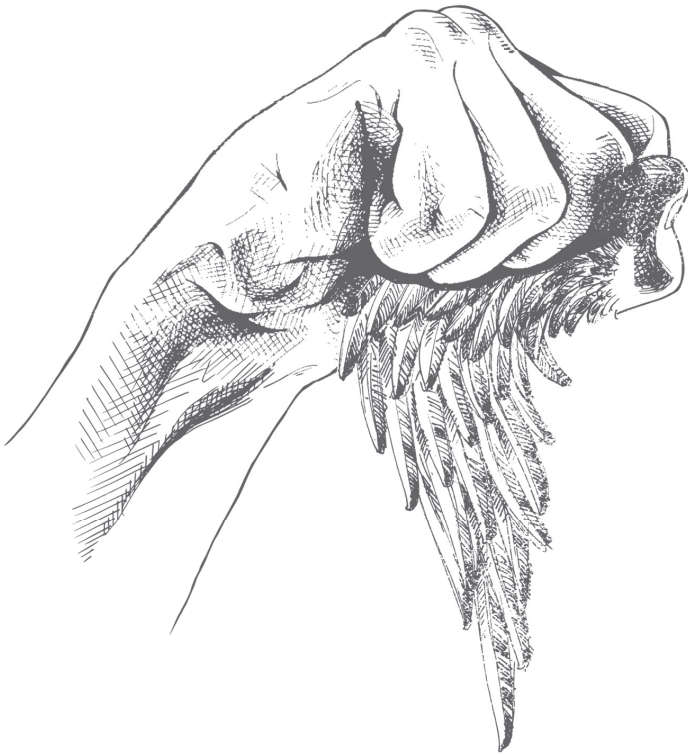
— К сожалению, я не всегда поступал в жизни правильно, иногда просто не знал, как поступить, и совершал ошибки, и меня ругали мои мама и папа. А вас ругают ваши родители?

— Ещё как! И сотик отбирают!

— А Арефу родители не ругали, потому что люди жили в труде, было много здорового физического труда, в те времена дети много помогали своим родителям, на баловство времени не хватало, а потому и ссорились они меньше. Чтобы жить достойно, нужно было много работать. И ещё, в книге про Арефу я написал, как люди умели помогать друг другу, особенно если у кого-нибудь случилась беда.

Мы разговаривали целый час, а потом дети понесли мне свои рисунки, и я оставлял на них автограф.

Дети — это чудо, потому что они чисты в своих чувствах, их эмоции искренни, а желания не запачканы расчётом. Заходишь в класс как в другой мир — это так не похоже на нашу уже привычную взрослую жизнь.

Да, мы рождаемся каждый со своим характером, но в детстве мы испытываем искренние, честные чувства. Мы хотим понять и познать окружающий нас мир людей, в котором почему-то нет справедливости как смысла человеческой жизни. Детям и даже молодым людям ещё любопытен этот мир, а взрослыми зачастую руководят корыстные интересы и расчёт, которые лишают человеческую жизнь волшебной и великой любви — способности делиться светом своей души, и делают детей злыми и такими же циничными. Наступает бесплодная пора доживания, мир старится ещё в молодости, созидательные годы остаются в детстве. Вот почему иногда так хочется крикнуть, и чтобы меня услышали все — и правительство, и учителя, и родители, и все люди на земле: прекратите ангелов превращать в людей!

Прошло много времени после той встречи с детьми, и вдруг, в магазине, в большом и светлом, как классная комната, я увидел ту учительницу. Она, конечно, постарела, стала крупной и уставшей. Я поздоровался с нею, она ответила, глянула на меня и не узнала. Так и остановились к кассиру: прежде она, а после неё я. На ленту в кассу учительница выложила: вермишель, молоко, гречневую крупу, пачку соли, выцветший пакетик лаврового листа и замороженные куриные ножки в упаковке — два окорочка. На карте денег не хватило, и тогда учительница достала кошелек, но и он оказался предательски пуст.

— Посчитайте, пожалуйста, без курицы, — пыталась не смущаться учительница, и кассир отложил в сторону упаковку с окорочками.

Потом на кассе приняли платёж с её карты, и учительница, собрав свои покупки, пошла к выходу.

Я затарился иначе: у меня в корзине разместились приправа для шашлыка, кусок мраморного мяса, бутылка вина, не менее дорогого коньяка, немного нарезки из копчёной колбасы и окорока — набор джентльмена. Как говорила жена, всё для легкомысленного ужина.

— Посчитайте, пожалуйста, вот эти окорочка, — попросил я кассира, указав на отложенную упаковку.

Я побросал все свои покупки в пакет, выскочил из магазина и поспешил за учительницей. Я скоро её нагнал, она шла медленно, аккуратно ступая по при мороженному предновогодним холодом насту. И уже догнав, я понял свой дурацкий порыв. Что я должен сейчас сказать этой женщине? Вы окорочка в магазине забыли? Примите этот пакет в подарок? Это вам праздничный набор на Новый год?

Я продолжал упрямо идти за учительницей, перехватывая пакет из руки в руку, потому что руки мёрзли, а перчатки остались в машине. Я ненавидел себя, я просто ненавидел себя и всех нас — бывших чистых и ясных, как солнышко, детей, ставших взрослыми людьми.

И вдруг я оглянулся. Невольно я искал глазами Арефу, который всегда появлялся в самую трудную минуту. Однако Арефы нигде не было, впереди меня шла учительница, за нею плёлся я, и мне теперь самому предстояло совершить то, что так легко и мудро мог делать Арефа, — помочь человеку.

КрякВа

1.

Я купил участок с полуразрушенным домом в общем ряду улицы для строительства личного гаража. В те годы, на заре моей молодой и дерзкой жизни, оформление не занимало много времени, всё стало сложнее значительно позже, когда придумали компьютер. Я рассчитался с плутоватого вида хозяином, но дом принадлежал его покойному родственнику, иеромонаху Сильвестру, которого ещё в незапамятные времена отправили из Новочеркасска для миссионерской деятельности в Сибирь.

Мысль о кладе меня посещала, хотя для такого подозрения не было оснований: вокруг выдавленные гнилые доски засыпных стен, в углах множество полинялых бумажных иконок, а в подполье десятков окутанных паутиной стеклянных бутылок с крещенской водой.

Искать клад в столь нищенской обстановке было бессмысленно: чердак под проломленной крышей был пуст, часть потолка аккуратно разобрана. Я знал это поверье: потолок разбирали над умирающим человеком, чтобы душа не задержалась, а свободно покинула дом. Но, глядя с чердака в потолочный пролом внутрь дома, я вдруг заметил квадрат вырезанных половиц. Нет, это не был подпол, подпол находился на кухне,

я его уже обследовал и кроме бутылок с водой ничего не нашёл, и было очевидно, что столь ровный прорез в полу не мог быть случайным.

Топор помог поднять конец половицы, гвоздь прошёл сквозь полусгнившую доску вместе со шляпкой и остался торчать в лаге. Под оторванной половицей зияла чёрная пустота.

— Вот она! Удача! — сердце заволновалось, как оно волновалось ещё в детстве, когда я читал рассказы: «Али-Баба и сорок разбойников», «Граф Монте-Кристо», «Остров сокровищ», «Золото Аляски». Я читал запоем под одеялом ночи напролёт, фонарик скоро тускнел и, как всегда, на самом интересном месте, но и когда засыпал, мне продолжали сниться слитки золота, россыпи драгоценных камней, залитых жертвенной кровью, сундуки с охраняющими клад скелетами пиратов.

Яма была пуста! То есть совсем пуста, только земляные стены слегка осыпаны! Но меня уже было не остановить, и я спрыгнул вниз с маленькой лопатой, которую зачем-то возил в багажнике машины. «Если скрыт вход, если есть яма, значит, в яме что-то должно быть!» — так рассуждал я. И скоро нетерпеливая лопата скребнула по металлу.

— Есть! — завопил я, забыв про осторожность.

Я решительно разгрёб землю руками и вытащил железный крест, очень старый, его части были соединены крупными коваными клёпками, такие можно встретить и сейчас на старых погостах.

— Чёрт! Железяка, — удивился я, но с ещё большим азартом продолжил раскопки. Результатом стал полусгнивший деревянный ящик с книгами. Книги

оказались очень старыми, еще времён Екатерины II. Позже часть служебных книг я подарил знакомому священнику, а часть отдал в музей. Но была среди книг тетрадь особая, рукою писанная, некоторые листы подгнили, некоторые испорчены влагой, но на первой странице очень плохо читаемая строка, возможно, с моей ошибкой расшифрована: «писана мною, Арефой, человеком божим в 6531 год рожден». Так я узнал про Арефу, и с этого момента родилось любопытство к этому человеку.

Последующие годы ушли на расшифровку витиеватой каллиграфии летописца, сбор информации о нём и написание собственной книги об Арефе. Но очень трудно восстанавливать историю по отрывочным, с трудом расшифрованным листкам полуистлевшей бумаги, а ещё труднее ориентироваться на рассказы людей, потому что сколько людей, столько и рассказов.

И я пошёл на поиски Арефы! Судя по записям, он жил уже не одну сотню лет, где-то на берегу реки Икса.

2.

Родился Арефа в городе Баксон, теперь этого города давно нет, но известно, что он находился между городом Болотное и Обью, на краю огромного кратера, образованного несколько тысяч лет назад стотонной кометой. Я решил сплавляться по Иксе, на которой, я уже знал достоверно, жил Арефа, чтобы найти жилище Арефы, и если не его самого, то хотя бы то место, где он обитал столько столетий. Я рассуждал так: «Не может быть, чтобы на земле не осталось ни одного сле-

да! В конце концов крапива — вот лучший ориентир, по которому можно определить присутствие человеческого жилья даже спустя много лет». Почему крапива охотно начинает расти на месте поселений, я не знаю, но именно благодаря крапиве я обнаружил не единый раз место бывшего села, а при более тщательном обследовании местности в доказательство ещё находил полуразрушенный погост. Да, могилы тоже не вечны, но живут дольше людей.

Икса — тихая речка, я сплавлялся на резиновой моторной лодке. Маломощный моторчик урчал спокойно, лодка продвигалась медленно и послушно по узкому руслу Иксы. С каждым километром вниз по течению берега реки раздавались, чистая дорожка воды становилась шире, но ивняк и прибрежный неухоженный кустарник везде был забит паводковым мусором, ветками, корягами и поваленными стволами старых деревьев.

Поздняя весна задержала плодovitость всяческого гнуса, которого во все века у нас было с избытком. И вот уже по земле уверенно шёл месяц червень, дарил яркое солнце и тепло, а комара не было слышно.

Скоро пошли заводи, чередой, одна за другой. Кругом в обозримой видимости светлая зелень, особенно отличалась яркостью и зубчатым контуром листвы дикая смородина. Но именно при сужении берегов начинались заломы, старые береговые деревья заваливали реку, и приходилось орудовать топором, чтобы пробиться сквозь запруды. В то же время использовать бензопилу я не рискнул, памятуя, что лодка у меня резиновая, а разбирать завалы приходилось, не выходя из лодки. Однако не только природа

поусердствовала в строительстве запруд, но и бобры. Так что работы хватало, каждый километр давался большими усилиями.

Лодка была заполнена снаряжением и пропитанием с жадной рачительностью, еды могло хватить на целый месяц. Я был столь щепетилен и предусмотрителен во время подготовки похода, что прихватил с собой сухих, ровно колотых берёзовых поленьев. Хотя и малая бензопила нашла своё место в моём багаже.

Я плыл по реке, но моё внимание было приковано к берегу, я искал следы жилья, я был уверен, что не может не остаться тропинки к берегу от жилья старика. Даже в густом тальнике я выглядывал тайный пролом к воде, но первый день не дал никаких результатов, зато дал смертельную усталость, и я не стал устанавливать палатку, разводить костёр, я попил сгущёнку из банки, заел хлебом, залив всю эту сладкую смесь чаем из термоса. Потом залез в спальник и уснул прямо в лодке, покачиваясь при каждом своём шевелении.

Сотовая связь не работала, я реально впервые за многие годы отдыхал, предаваясь поиску легендарного старика, желанному безделью и приятному нерыхшеству. Утро отметились густым туманом, столь густым, что не позволило плыть дальше, а потому я по привычке, потыкав мёртвые кнопки телефона, опять задремал. Второй раз я проснулся уже около семи утра, но поредевший туман всё ещё назойливо и клочковато висел над рекой. Я завёл мотор и медленно, без азарта и трудового фанатизма, будто в полудрёме, медленно двинулся вниз по реке.

Тихая вода, таинственные водоросли под водой, замысловатые коряги и корневища по берегам навевали романтическую печаль и загадочные думы о жене. И вдруг из тумана мне навстречу появился вбитый посреди реки чёрный крест. Я резко заглушил двигатель и кинул якорь, но лодка, повинуясь течению, доплыла и уткнулась в столб, к которому была прикреплена поперечная палка с заострённым концом, очень похожим на дорожный знак «Движение направо».

Первая мысль — «шутники», вторая — «ловушка», третья — «старик ждёт меня».

Но берег был высокий, густо заросший всё тем же ивняком. Однако я не стал доверять своим глазам, выбрал якорь, вооружился шестом и направил лодку ровно в то место, в которое указывал знак. Высокий берег вдруг раздвоился и явил водяной коридор, по которому я протиснулся в широкую протоку, заросшую по обоим берегам высоким камышом и обильной осокой. На ровной глади воды покачивались редкие листья распустившихся кувшинок. На берегу небольшой заводи в полном одиночестве сидел бородатый старик и удил рыбу.

— Как лов? — спросил я.

— Коль ты здесь, то удачный, — ответил старик, поднял удочку, привычным движением смотал её и предложил швартоваться. Я вышел на берег, и мы крепко обнялись, как старые закадычные друзья.

3.

Арефа оказался бородатым стариком выше среднего роста, худым и жилистым.

— Вот, ты книжку пишешь, — с мелькнувшей хитринкой улыбнулся он, — а не чтобы сразу ко мне, куда там! Мы лёгких путей не ищем, как в той детской песне — «нормальные герои всегда идут в обход»: ты всё по людям ходишь, спрашиваешь, а я тебя давно жду.

— Не вини меня, зато я привёз тебе потерянную рукопись, — смущаясь доброжелательному и даже радостному негодованию Арефы, ответил я.

Из лодки я принёс тетрадь, рассказал, как добыл её в тайнике дома иеромонаха Сильвестра, и подал старику.

— А не она где была! Ну, Сильвестр, вот чудак, книгу мою прихватил!

— Угощать буду я, — сказал я. — у меня всё готово.

— Вот как, гость угощает? Хорошо!

Я вытащил походный, в виде сумки, холодильник и раскрыл его:

— Смотри: мясо, ленивая говяжья мышца, сам приправлял на оливковом масле, а здесь специальные хлебцы из местной пекарни, а это водочка — чистая слеза, отменный вкус. Что ещё двум старикам нужно?

— Ты прав, только душевное настроение. Но ведь и я готов, — Арефа показал на чуть тлеющее кострище, около которого на земле на расстеленном белом платке было приготовлено угощение. — Вот тебе карп, на огне приготовил, вот тройная уха томится над костром, хлеб тоже свой, но амаратовый, опять-таки зелень лесная: черемша, хреновина ядрёная, папоротник и, конечно, настойка живая, на клюкве с

добавкой марьиного корня, брусничника, тимьяна и зверобоя.

— Богато, за раз не съесть и не выпить!

Я оглядел округу: просторный берег, окружённый ивняком, раkitой, бузиной и боярышником, тут же ветла росла на самом краю берега, накрыв таинственную заводь зелёной кроной. Трава росла до самого уреза воды, а берег в том месте песчаный в россыпях разноцветного галечника. Меж ветвей ирги растянулась паутина, плотно усыпанная росинками, как драгоценным жемчугом, сверкающим в лучах света. И сами лучи, словно прозрачные лезвия, впивались в изумрудную зелень прибрежной травы, пробив густую крону.

— Так это же дворец! — удивился я. — Вот свод, а вот бассейн и даже родничок вместо фонтана! А это трон! — я показал на толстый ствол давно рухнувшего дерева, на краю которого замерла в настороженном ожидании ярко-оранжевая, будто огонёк, ящерица. И смотри, Арефа! Над всем этим пространством вышася могучая ветла, а солнечные лучи, словно ветер, пронзают её крону, и оттого она кажется живой и вечной. Какое могучее дерево! — удивился я толщине ствола. — В два обхвата, если не более.

— Приметное дерево, из палки выросло, коей я когда-то иеромонаха Сильвестра из болота вытянул. Воткнул в берег тот сучок, а он и принялся.

Я с любопытством наблюдал за Арефой: с виду простой мужичок, но глаза удивительно ясные, отличались особой живостью на слегка пожелтевшем от загара худом лице, нос небольшой, но крепкий, борода подстрижена, и на лице практически нет морщин.

Движений много, но все рациональны, и всё-таки меня смущала его улыбка в глазах, мне казалось, будто его неумоимо подмывало сказать мне нечто колкое. В то же время меня смущала его доброжелательность, если не сказать — радость, которую он проявлял от встречи со мной.

— А на кой Сильвестру твоя книга понадобилась? — я попытался заполнить затянувшуюся паузу.

— Да так, ни к чему она ему, видно, он думал, что в ней тайное учение писано. А там рассказы о людях и делах, которые ты распознал и в своей книге уже напечатал.

— Скучно, поди, в стороне от людей? — мы перекидывались отдельными фразами, в то же время гоноша будущее застолье, рачительно расставляя закуски, будто оно, это застолье, и было причиной нашей встречи.

— Да некогда скучать, — отвечал Арефа, — здесь я теперь редкий гость, больше среди людей живу. Кого лечу, кого словом утешаю, беды-то много нынче.

— Больше, чем вчера?

— А когда её мало было, но сейчас больше!

— Как в войну с Германией?

— Да потяжелше будет, такое, может, при царе только и было. В те времена люди в Сибирь бежали не от счастливой жизни, от безземелья, а тут не только холода, тут и старосты, и урядники, и десятина поповская, кого только не было, и все взять норовят. А если что — в каторгу. Егоршу помню, хмельной, оттого и смелый, местному священнику дерзость сказал, мол, смотри, какое брюхо отъел, мироед. Обиделся батюшка, сообщил в Томскую епархию, и дали Егору пят-

надцать лет каторги, с Сахалина тот уже не вернулся, там сгинул. Тяжело люди при царе жили, да и сейчас не легче. Вот и жожу: кому совет, кому снадобья целебного, а кому-то денежек немного, чтобы повеселее ему жилось, а чаще просто поговоришь, и человек оживает. Слово — оно волшебное, спасти человека может.

— Слово разное бывает, — не согласился я, — другой раз, как меч, и сечёт, и убивает.

— Нет, это не слово, тому человек виной. Топором можно храм строить, а можно голову сечь. На всё воля человеческая.

— Не поспоришь, — согласился я.

— Ты, Микола, сходил бы на русло и стрелку мою скрал, других гостей я не жду.

Пока я выдёргивал дорожный знак, который, как теперь выяснилось, Арефа для меня установил, хозяин оживил костёр, рядом с костром кинул две шкуры и пояснил:

— На шкуру лягай, а нето земля тепло высосет, косточки болеть будут.

Солнышко поднялось уже высоко, от костра тянуло берёзовым дымком. Сколько же лет я мечтал встретиться с Арефой и поговорить! Поговорить о том, что не давало мне покоя: и ответы мои были вроде как верны, но не было в них абсолютной веры.

— И я давно тебя жду, — ответил на мои мысли старик.

А я всё озирался, пытаюсь запомнить всё до мелочей.

— Давай селфи, на память?

— Оставь, пустое, в тех картинках нет души, духовное око лучше любой памяти.

И всё-таки я не утерпел и спросил:

— Скажи, Айка здесь? — я указал на гладь заводи, в которую по моим предположениям мог рассыпать прах своей любимой когда-то молодой Арефа.

— Здесь, — и кивнул чуть в сторону. — Вот она!

— Берёза? — я быстро встал и подошёл к берёзке, росшей на берегу заводи, к ветвям её были привязаны несколько разноцветных ленточек. Я дотронулся до неё и отпрянул. — Она тёплая! Арефа! Она что, живая?

— Живая, в этом мире, брат ты мой, нет ничего мёртвого, — задумчиво повторил Арефа. — Водочку спрячь, это все-таки мёртвый хмель-раствор, не для человека такой состав, а вот у меня настойка на родниковой воде и травах. — Арефа поднял кувшин и налил в деревянные плоски сначала мне, а потом себе. — За встречу, Микола, за здоровье, с благодарностью славим Создателя, за жизнь, нам данную, за уют и радость беседы! Ибо нет ничего слаще слова друга.

Мы выпили сладковатой настойки.

4.

— Что же привело тебя ко мне?

— Вопросы! Я жизнь прожил, на боку не лежал, — я поставил пустую плоску на белый платок, — но на многие вопросы ответа так и не нашёл.

— Вот, мил человек, — посетовал Арефа, — я тоже век не куковал, но на все вопросы ответов не знаю. Спрашивай, коль по силам будут — отвечу.

— Скажи, что такое смерть? — я пододвинул к Арефе свою плоску, чтобы тот ещё налил вкусной настойки.

— Смерти нет, так что бояться тебе нечего. Это верно, как и то, что в моём напитке нет хмеля, он не искажает сознание.

— Арефа, тогда зачем мы пьём твою настойку?

— Для здоровья, — засмеялся довольный старик, — мы пьём лекарство! Так же, как слова есть пища для сознания. Слова, которым ты поверил, превращаются в знания, знания же формируют характер, который определяет твою судьбу. Так и еда на столе, она может быть лекарством и питать твоё тело силой, а может отравить его, сделать прежде времени больным. Ты понял, что от твоего решения зависит здоровье твоей души, а от пищи — жизнь твоего тела.

— Ты говоришь, что смерти нет, но и Айки тоже нет! А гроб, а могила или погребальный костёр? Они-то существуют?! Как это понять?!

— Я живу очень давно, глянь сюда, смотри, как поизносился: вот мои руки, — Арефа засучил рукава, — тут живого места нет, здесь рана была, а вот тут порез, на теле одни заплатки, на голове сто шрамов, меня медведь драл, но я вырвался, а шрамы остались, в меня люди стреляли из лука, из ружья и саблей секли. Износилось тело, поменять бы его, но жизнь у меня долгая, вот и латаю как умею. Тело истрепалось, ему в землю пора, но душа без тела на земле жить не может, а как тело отойдёт, душа и освободится, к своим полетит. Тело для человека как гнездо для птенцов, без него душа жить на земле не может. Человек — это душа, а не сердце. Тело — одежда для души. Бог создал жизнь и только жизнь, а смерть — это уже люди придумали.

— Душа вечна, согласен, и все согласны. Она что, потом получает новое тело? — пытал я Арефу.

— Не знаю, и никто не знает. Будущую судьбу человек здесь на земле слагает, и у каждого его небесная жизнь своя.

— Значит, рай или ад? — заключил я.

— Ни то ни другое. Это придумка для замученных тяжёлой жизнью крестьян, чтобы облик человеческий не теряли, вот и пугают их адом, а при смирении обещают рай. Сам посуди, разве может работающий и неравнодушный человек после смерти попасть в приторную патоку рая, чтобы в нём до скончания века бултыхаться? Для трепетной души это пытка. Или человек, проживший очень сложную жизнь и не раз оступившийся, его в ад за грехи — опять-таки в комнату пыток. Ты можешь предположить, что эдакое свинство придумал Бог? Бог придумал любовь, а человек всё остальное. Ты тем, кто муки как благо проповедует, не очень-то доверяй. Они на смерть молятся, чтобы люди боялись, рабство и трусость — это одно и то же, а человеку надо о будущем думать, жизнь и любовь славить и предков благодарить. Кто строит будущее, тот не боится ни жизни, ни смерти, ни вечности, а вставшему на колени трудно потом стать Богом.

Слова Арефы прервал громкий крик птицы, истошный и пронзительный.

— Что-то случилось, — Арефа встал и заспешил на крик, я последовал за ним.

Серая утка металась по краю пойменной лужайки у самой реки, громко и тревожно кричала, и у нас уже не было сомнения, что этот крик — крик напуган-

ной матери. И действительно, в подмытой ещё вешними водами яме собрался весь её выводок.

— Эко угораздило вас. Вот что значит дружные, да бестолковые!

Выводок спешил за кряквой, но, по всей видимости, чарующая своей тишиной и уютом яма заинтересовала первенца, за которым и прочие братья и сёстры угодили в земляную ловушку.

Арефа лёг на живот так, чтобы сподручно было спасти птенцов. И утка-мать, будто поняла хитрость старика, остановилась около него на краю ямы, лишь изредка высказывая толковые и безупречные наставления человеку, чтобы тот осторожнее обращался с детишками.

— Молчала бы, дура, сама не усмотрела, а меня ещё и поучаешь, — ответил ей Арефа.

В яме оказалось девять птенцов. И каждый пытался увернуться от руки спасателя.

— Ну, все? — спросил Арефа, отпустив в зелёную молодую траву последнего и самого напуганного птенца. — Что, мать, посчитала? Все на месте?

Но куда там разговоры разговаривать — кряква уже спешила в заросли, а за нею и весь бестолковый выводок.

— Ах, чертята вы мои! А-ту её! Ату! — засмеялся Арефа, подогнул под себя ногу, усаживаясь уже со вкусом, а из кармана достал заготовку из камыша, а из-за голенища нож, и принялся мастерить дудочку и будто проворчал:

— Вот так и люди: сами угодили в яму, а помочи ждут сверху!

Я молчал, потому что понимал: всё, что говорит и делает этот старик, имеет особый смысл. Вот он уже

забил чёпик с прорезью, вырезал разных размеров шесть дырочек в полый камышине и попробовал на слух. Подровнял отверстия и заиграл. Мне показалось, что сейчас он играет не какую-то знакомую ему мелодию, а просто передаёт настрой своей души.

Он закончил играть, утёр мундштук и протянул дудочку мне:

— Попробуй, у тебя получится.

Я взял инструмент и попробовал подуть в него, раздался тонкий звук, потом я прошёлся по дырочкам поочередно, прикрывая их пальцами, уловил нотный ряд и попытался сыграть нечто связное и, о чудо, получилась мелодия. Я закрыл глаза и слушал мелодию своего сердца, которую воспроизводила дудочка. Я закончил играть, утёр мундштук, как это делал Арефа, и вернул ему инструмент.

— Никогда не думал, что это так увлекательно.

Арефа принял дудочку и неожиданно бросил её в яму, из которой только что спас утят.

— Зачем ты это сделал?! Лучше бы отдал её мне! — я был не просто удивлён, я был раздосадован, если честно, то я уже хотел выпросить эту дудочку у Арефы на память.

— Ты считаешь, что я поступил глупо?

— Нет, не знаю, но неожиданно! Ты сделал её, чтобы зарыть в землю? Уж очень странно, открой мне, в чём смысл этого бессмысленного поступка?

— Наверное, в том, чтобы ты понял, что Бог не создавал человека, чтобы потом закопать его в землю. Посмотри, сколько красоты вокруг нас, разве она создана для смерти? Или зима, когда холод и снег, — это разве смерть и не будет весны? Или ночь, когда за-

сыпает человек, — это смерть и не будет утра? То-то! Красота создана для вечности. И мы созданы для вечности.

— Можно, я заберу дудочку? — я указал в яму. — На память о нашей встрече.

— Если охота есть, забирай, — Арефа поднял голову и начал рассматривать крону огромной ветлы и продолжил говорить. — Когда собирается много муравьёв или пчёлка, или иной живности, они становятся способными принимать знания напрямую из вечности. Для жизни нужно иметь связь со вселенной, которая и есть жизнь! То же и человек, один миллион человек способны родить Ломоносова, а два миллиона людей увеличат интеллект человечества, и родятся Пушкин и Менделеев. Но с человеком не всё так просто, Бог дал человеку право самому стать Богом, вот почему человек не только подчинён замыслу Создателя, но является и творцом своей жизни. Бог наградил человека совестью, которая ведёт человека к необходимости созидать любовь, то есть служить общему делу. Такая сложная миссия у человека, и всякое отклонение от знания приводит к катастрофе, которую мы называем злом. Вот почему во вселенной нет зла, зло создаёт только человек, нарушающий законы вселенной.

Я слушал и доставал из ямы дудочку, потом уселся и отер её о рукав:

— Безусловно! Дух первичен! Но без материи человеку нет жизни на земле! — взволновано согласился я, понимая, что Арефа стал говорить очень важные вещи.

— Здесь великая загадка, которую не разгадало пока человечество. Нас слишком мало, и мы слишком нравственно слабы, мы не готовы разгадать, потому что топчемся вокруг одной аферы, которую назвали законом борьбы видов за существование на земле, не понимая, что борьба только отодвигает человечество от счастья быть с Богом и быть самим Богами, но только любовь есть дорога в счастливое будущее. Человечеству необходимо понять, пока мы воюем друг с другом, мы не развиваемся, а топчемся на месте. Мы сами выбиваем куски из цельной картины бытия, а потому не можем принять от Создателя информацию для счастливой жизни и прогресса, для движения к нему. Человечество ходит по кругу и будет ходить, пока нравственный опыт не изменит поведение человека на земле.

5.

— А где Бог? Почему он молчит? Если бы не ты, утята погибли бы в яме, но явился Арефа — спасатель, и они живы!

— Я ждал твоих претензий к Богу. Но Бог создал прямую и ясную дорогу к счастью. Порою в наш мир приходят пророки, говорящие правду, но люди умудряются не только не слышать их, но даже используют их в своих корыстных и злых целях, и пророки, дети света, становятся рабами греха.

— Почему Создатель не запрограммировал анти-вирус против зла?

— Ох, лукавый мы народ! — засмеялся Арефа и хлопнул по колену. — Дармовщина не имеет цены,

она не наполняет человека достоинством, которое и есть фундамент будущего. Человек свободен в выборе пути своего развития, но лишь в пределах задумки Создателя. Разве это не справедливо? Разве, когда ты достигнешь, а ты достигнешь совершенства Бога, ты, создавая свой мир, разве ты не выставишь свои условия формирования новой вселенной? Твой мир, твоя идея — твои правила!

— И всё же, Арефа, что происходит с душой, когда умирает тело?

— Не знаю, и никто не знает, таковы условия нашего Создателя. Главное я тебе уже сказал — ты бес смертен! Ты прав, наше тело даёт нам возможность быть на земле, а потому давай накормим его, а душу утешим созерцанием прекрасного мира.

— Ну вот, ты уже и смеёшься надо мной! А я в детстве вставал на стул, чтобы увидеть мир глазами взрослых людей, и действительно горизонт становился шире. Мне кажется, что сегодня я опять повторил тот трюк. Я постараюсь оправдать твоё доверие, старик! Я постараюсь оправдать доверие Бога, даровавшего мне жизнь. Я понял главное: что я вечен в постижении любви, а любовь — главный закон вселенной. Как это просто и как это сложно, просто на словах и сложно в жизни.

— Материя тленна, дух вечен. Я, сынок, с трепетом и ясным желанием жду встречи с тем миром, где нет материи и тлена, но есть вечность моего духа, где я всегда жил и всегда буду жив, где живут мои земные дела, свершения и надежды.

Справка

Современные учёные — физики, математики, химики, биологи, философы — описывают различные модели Вселенной. Мы предлагаем концепцию, которая, по нашему мнению, вобрала в себя как безусловно подтверждённые, так и оригинальные выводы из всего спектра современной научной мысли.

1. Вселенная

Первое, о чём говорят учёные, — из чего состоит Вселенная. Это материя и энергия.

Следующий уровень — информация, которая отвечает на вопрос, как организуется каждая часть Вселенной (галактика, планета, молекула, атом). Наш физический мир — это мир, в котором энергия находится в сверхплотном состоянии. Она уловлена в материю, проще говоря, атомы. Если расщепить атом искусственным путём, то происходит выброс энергии огромной силы, который мы называем атомным взрывом.

Однако информация не объясняет, почему всё складывается именно так: почему зародилась жизнь, почему Вселенная и человек существуют именно в такой форме? Мы предполагаем, что знания даются с учётом нравственной готовности человека принять и использовать эту информацию не во вред себе. Вот почему ведуны (ведающие, знающие люди) были хранителями, а не распространителями знаний.

Многие учёные делают вывод, что должна быть некая сверхсила (Разум Вселенной, он же Создатель, Бог, Всевышний и др.), ставшая причиной всего

мироздания. Важно отметить, что учёные пришли к вере в Бога не через религиозные догмы, а через очевидные для них причины — научные наблюдения.

Артур Комптон, физик, лауреат Нобелевской премии, писал: «Для меня вера начинается с того, что высший разум вызвал Вселенную к существованию и сотворил человека. Для меня нетрудно иметь эту веру, поскольку неоспоримо, что там, где есть план, есть разум». А так говорил крупнейший современный физик Стивен Хокинг: «Пожалуй, я верю в Бога, под Богом вы подразумеваете воплощение тех сил, которые управляют Вселенной».

Сегодня трудно найти серьёзного учёного-атеиста. Даже Дарвин, автор устаревшей, но широко известной теории эволюции, в своё время говорил, что первое звено эволюции «приковано к престолу Всевышнего».

2. Планета Земля

Планета Земля — единый организм, система уровней, объединённых информационным слоем, который управляется замыслом Всевышнего. Физический уровень планеты — это тот мир, в котором мы живём. Информационный уровень — это программа Создателя, по которой живёт наша планета.

Жизнь на Земле устроена умно и совершенно. Один из ярких примеров — это пчелиные колонии. Действительно, одна пчела или несколько пчёл не способны построить улей и выжить. Но это сделают несколько тысяч пчёл, и, что интересно, чем больше пчёл в улье, тем организованнее их жизнь. То же относится, например, и к муравьям и иным существам.

Это происходит из-за того, что члены семейства устанавливают множество связей с информационным уровнем, из которого и получают необходимые для жизни знания. Вот почему, объединившись, пчёлы, муравьи, птицы и иные живые организмы превращаются в высокоорганизованную семью. Можно сказать, что живые существа, получив знания у Вечности, формируют коллективную картину организации своей жизни, благодаря чему становятся жизнеспособными. Более того, всё существующее многообразие живого мира образуют связь с задуманным Всевышним планом жизни и развития, эта связь устанавливается не только с Создателем, но и с каждым живым организмом на Земле.

Очевидно, что существует план, по которому и живёт Вселенная, именно оттого жизнь циклична: рождение нового поколения, нового дня, повтор времён года и пр. По этой причине на планете всё так удивительно взаимосвязано: у каждого организма своё место в общей системе мироздания и своя роль. И поэтому нарушение установленного порядка может обернуться катастрофой. Таким, например, было уничтожение воробьёв в Китае, которое привело к увеличению числа насекомых-вредителей и гибели урожаев. Или случайный завоз кроликов в Австралию, бесконтрольное размножение которых стало причиной настоящего опустошения земель. Не надо вмешиваться в жизнь, надо её поддерживать.

Все организмы планеты связаны с Создателем Вселенной, они живут и развиваются по соответствующей им программе. Вот почему эволюционное развитие происходит только в пределах одного вида, опре-

делённого генотипом. Всё, что выходит за пределы программы, погибает.

Очевидный пример — это естественное уничтожение мутаций. Мутация — это сбой в программе, и если она нарушает работу клетки или целого организма, то природа просто избавляется от них. Все «инновационные» вмешательства человека в жизнь клетки приводят к развитию онкологических заболеваний, все генно-модифицированные растения не жизнеспособны, а нарушение отношений мужчин и женщин приводит прежде к бесплодию, далее к болезням и вымиранию. Нарушение закона природы — дорога на кладбище.

3. Человек

Человек, как и Вселенная, представляет собой систему уровней. Он состоит из сознания, информационного уровня, энергетического уровня и физического тела.

Главное в человеке — его душа, которая объединяет сознание, информацию и энергию. Бессмертие души — это выполнение закона сохранения энергии: «Энергия не возникает из ничего и не исчезает бесследно». То, что мы привыкли считать смертью человека, — это, скорее всего, только отмирание его внешней оболочки. Не стало физического тела, а человек как система сознания, информации и энергии будет существовать всегда, пока существует Вселенная. Человек бессмертен.

Мозг — это система управления физическим телом человека и канал связи тела с сознанием человека. Мозг отрабатывает только следствия процесса мышления — его результат, поэтому можно предположить, что с физической смертью сознание не исчезает.

Человек связан с информационным полем. Вот почему иногда у особо одарённых людей случаются «озарения». Это не что иное, как приоткрывшееся окно в мир информации Вселенной. Но надо помнить, что «озарение» есть результат огромной работы, бесконечных раздумий и сложных выводов. Чтобы окно отворилось, надо потрудиться: встать, подойти, снять замки и открыть окно.

4. Путь человека: духовность и созидание

Человек является частью Вселенной, причём важной её частью. Он наделён удивительной и уникальной возможностью — способностью создавать и творить нечто новое.

К сожалению, свою решающую роль в жизни Вселенной человечество в своём большинстве плохо понимает и, более того, совсем не понимает, что духовность и высокая нравственность есть основной и главный закон Вселенной. Всякая безнравственность разрушает замысел Создателя о человеке, Земле и Вселенной.

Человек может существовать только при одном условии — исполнении нравственных законов любви, добра, сострадания, верности. Жить как животные человек не сможет в силу другой своей задачи, иного предназначения, которые сформулировал, запланировал для него Создатель. Человек наделён свободой, он может создавать красоту, но может и уничтожить её, что ведёт его к духовной смерти. Убив в себе тонкий мир, человек перестанет существовать. Иначе говоря, смерть бывает только на тонком уровне — духовном уровне. Но такой смертью управляет только человек.

Содержание

Проводник. <i>С. Федорчук</i>	7
Сыночек У	12
Гонец	26
Хан Али	30
Погоня	38
Сон	46
Белый волк	54
Чарезы	62
Дикость	71
Сатана	77
Золотая рыбка	94
Древо жизни	97
Дамба	103
Амнистия	111
Колбасник Журавлёв	120
Столыпин	123
Братская кровь	129
Твой выбор	142
Огни в тумане	159
Женорг	176
Косач	183
Игрушка	201
Положить или опустить?	208
Четырежды четыре	217
Банда	234
Спас на воде	256
Дезертир	266
Немка	274
Грыжа	288
Война	309
Святые	320
Сынок	332
Маринка	341
Слепой дождь	359
Гроза	362
Куриные ножки	371
Кряква	376

Александров Николай Александрович

АРЕФА

П о в е с т ь

Редактор *Морозов А., Чумакова Т.*
Обложка, дизайн *Васильева Е.*
Корректоры *Чумакова Т., Ищенко О.*
Вёрстка *Вялкова О.*

Подписано в печать 3.05.2023 г. Формат 60x84/16. Тираж 2000 экз.

Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»
тел. 8 (383) 292-00-42, моб. 8-913-917-29-28
630091, г. Новосибирск, ул. Горького, 79, оф. 8
e-mail: id-ins@ngs.ru, www.sibnasledie.ru

Отпечатано в типографии «Деал»
630033, г. Новосибирск, ул. Брюллова, 6а.
Тел./факс: (383) 334-02-70, www.dealprint.ru